

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

А. И. Кузнецова

**СЕЛЬКУПЫ ТУРУХАНСКОГО РАЙОНА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
НА РУБЕЖЕ II и III ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ
(СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
И ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ)**

Воронеж 2007

УДК
ББК
К

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Д. М. Насилов*,
доктор филологических наук *В. И. Беликов*

Кузнецова А. И.
К **Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже
II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые
изменения)** — Воронеж, 2007. — 114 с.
ISBN

В монографии речь идет о селькупках и их языке в их сегодняшнем состоянии. Селькупский язык, относящийся к самодийской группе языков, входит в уральскую языковую семью наряду с финно-угорскими языками. В монографии дается краткая административная и социально-демографическая характеристика основного места компактного проживания северных селькупов на территории Туруханского района Красноярского края. В книге описывается социолингвистическая ситуация в пос. Фарково. Это описание теснейшим образом связано с проблемами современного состояния селькупского языка (его северного диалекта), изменения в котором происходят в силу разных причин, анализируемых автором. В монографии делается попытка выяснить с помощью психолингвистических методик степень сохранности в настоящее время селькупского языка и уровень владения этническим языком современными селькупками. Исследование завершает приложение, которое содержит образцы текстов разных жанров на селькупском языке с переводами и комментариями.

Книга может заинтересовать не только лингвистов, занимающихся самодийскими и финно-угорскими языками, но также историков, социологов и психологов.

УДК
ББК

ISBN

© А. И. Кузнецова, 2007.

Оглавление

Предисловие.....	5
I. Административная и социально-демографическая характеристика Туруханского района.....	8
1. Статус и административные границы районов проживания северных селькупов.....	8
2. Социально-демографическая ситуация в местах расселения селькупов. Поселок Фарково.....	13
II. Социолингвистическая ситуация в районах проживания селькупов: поселок Фарково.....	15
1. Общие суждения.....	15
2. Отношение селькупов к родному языку.....	15
3. Отношение окружающего населения и администрации к проблеме возможного исчезновения селькупского языка.....	18
4. Факторы, влияющие на языковую ситуацию.....	19
1-й фактор: Возраст и пробуждение этнического сознания.....	21
2-й фактор: Место проживания носителей языка и фактор языкового окружения.....	23
3-й фактор: Сферы функционирования селькупского языка.....	24
4-й фактор: Образование и языковая политика государства в этой области.....	26
5-й фактор: Средства массовой информации.....	33
III. Степень сохранности селькупского языка и уровни владения этническим языком.....	36
1. Вопрос о количестве уровней владения языком.....	36
2. Методики, позволяющие определить уровень владения языком и степень его сохранности.....	38
1) Запись спонтанной речи (в том числе диалогов).....	41
2) Порождение текста и составление рассказа по картинке на селькупском языке.....	43
3) Восстановление селькупского текста по его русскому переводу.....	50
4) Самозапись селькупского текста.....	54
5) Перевод отдельных предложений с русского на селькупский (опрос по анкете).....	55
6) Русская речь селькупов при переводе предложений и текстов с селькупского на русский язык и в их повседневном общении.....	58
Некоторые итоги.....	60
IV. Возможные аспекты рассмотрения связного текста в устной речи: психолингвистический аспект анализа селькупского текста.....	63
1. Краткие сведения об анализируемых текстах.....	64

2. Особенности спонтанной речи носителей селькупского языка	69
1) Наличие смысловых лакун, пропуски слов	69
2) Паузы в речи и их вербальные и невербальные заменители	70
3) Грамматические сбои и самоисправления	71
4) Повторы слов и их сегментов	71
5) Структурирующая функция повтора	72
Некоторые итоги	75
V. Лингвистический аспект анализа селькупского языка: селькупский язык сегодня	77
1. Признаки существенных изменений в языке и перспективы его дальнейшей эволюции	77
2. Изменения в грамматике селькупского языка на протяжении XX в. ...	79
1) Внутренние и внешние причины изменений	79
2) Разрушение двойственного числа	79
3) Редукция основ и двусложных флексий в именной парадигме	81
4) Гибридные формы существительных при склонении	82
5) Усечения глагольных форм и их вариативность	83
6) Смещение типов субъектного и объектного спряжения глаголов	85
7) Прекращение воспроизводства ряда глагольных категорий	85
8) Изменения в глагольном управлении	86
9) Разрушение и забвение числительных	86
10) Изменения в системе местоимений	87
11) Изменения в синтаксисе	88
Некоторые итоги	91
Заключение	92
Приложения	94
Приложение 1. Рассказы по картинкам	95
Приложение 2. Рассказы о жизни	99
Приложение 3. Самозапись текстов	103
Библиография	107
Словарь специфических самодийских и русских диалектных слов	113

Предисловие

Мое первое знакомство с селькупским языком произошло в 1970 г., когда на отделении структурной (в настоящее время — теоретической) и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ была организована полевая практика студентов, участвовавших в течение года в работе семинара по самодийским языкам. Первая селькупская экспедиция (которой предшествовали две ненецкие) работала в пос. Сидоровске, четыре последующие — в расположенном на р. Таз Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Красноселькупский р-н выделился из Туруханского р-на Красноярского края в 1944 г. На основе собранного здесь в период 1970–1973 гг. и затем в 1977 г. материала были изданы «Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект)» в трех томах. В 1970-е гг. не только в маленьких поселках, но и в Красноселькупе дети еще разговаривали на родном языке, хотя в школе-интернате школьникам, начиная уже с 1950-х годов, по свидетельству всех учившихся в те годы в нем, запрещали говорить по-селькупски. В период 1970-х гг. еще были живы многие сказочники, от которых удалось записать большие сложные тексты. Некоторые сказки представлены в разных вариантах; сказку могли рассказывать даже дети, однако в упрощенном варианте. О социолингвистической ситуации этого времени в Туруханском р-не, из которого выделился Красноселькупский р-н, достоверных сведений не сохранилось, хотя в конце 1960-х и начале 1970-х гг. здесь собирали материал томские лингвисты.

Прошло без малого 30 лет и я снова в 2002 г. приехала в Красноселькуп (на этот раз по гранту РФНФ в группе из шести человек с чисто научными, а не учебными целями). С одной стороны, молодые уже не только не разговаривали на селькупском языке (хотя кое-кто понимал, что им говорили старшие), но и не хотели этого делать. Кроме того оказалось, что прошло разделение школы на две — на русскую школу-десятилетку и селькупскую начальную, из которой лишь единицы переходили в русскую, чтобы иметь возможность по окончании ее ехать на учебу в Санкт-Петербург в Институт народов Севера (РГПУ им. А. И. Герцена). С другой стороны, выяснилось, что среди селькупов среднего возраста и даже молодых есть хорошо владеющие родным языком люди, частично живущие не в Красноселькупе, а в лесу, но приезжающие на время из леса в райцентр. Налицо ситуация, получившая название гибридной культуры (поселковая и тундрово-лесная). Живущие в поселке селькупы, представляющие поселковую культуру, отказываются от родного языка или плохо владеют им. Тундрово-лесная культура, представители которой живут в лесу и сохраняют родной язык, стараются не говорить с детьми на родном языке, а говорят по-

по-русски, подготавливая таким способом детей к школе. Правда, в небольших поселках этого района при наличии в них начальной школы молодые еще пользуются родным языком.

Незадолго до последнего приезда в 2002 г. в Красноселькуп я в группе из трех человек в 1998 г. по гранту Открытого общества впервые приехала к туруханским селькупам. Коллеги отправились в с. Совречка (Советская речка), а я стала работать в с. Фарково Туруханского района Красноярского края. Туруханский говор селькупского языка несколько отличается от тазовского, который лег в основу письменного селькупского языка для северных селькупов, но хорошо владеющие родным языком селькупы без труда могут читать и понимать написанное на тазовском диалекте. Ситуация в Фарково в конце 1990-х гг. оказалась близкой той ситуации, которую я обнаружила несколькими годами позже в Красноселькупе, о чем уже было сказано: молодежь в конце столетия не только не говорила на селькупском языке, но и не хотела этого делать. На следующий (1999 г.) ситуация только ухудшилась, поскольку старшее поколение «пошло на вымирание». Еще через четыре года (в 2003 г.) уже и старые люди, живущие в поселке, стали переходить на русский язык. Тем не менее, в лесу до сих пор живет достаточно много селькупов, и все они владеют родным языком.

Таким образом, на переломе тысячелетий селькупский язык еще жив, среди обитателей леса находится в достаточно хорошей сохранности, но молодые в поселке не желают его использовать. Описанию именно этой ситуации у туруханских селькупов на грани веков и идет речь в настоящей книге. Я не берусь прогнозировать срок жизни языка и степень сохранности его в условиях поселка. В мою задачу входило описание социолингвистической ситуации, имеющей место в с. Фарково в конце XIX — начале XX веков, выяснение отношения к ней носителей языка, уровень владения языком на этот период у представителей разных возрастных когорт и состояние самого селькупского языка. Я старалась понять, с одной стороны, почему одни молодые селькупы добровольно и вполне сознательно отказываются от родного языка, а другие (которых в поселке единицы) осуждают своих сверстников и пытаются (иногда, впрочем, только на словах) противостоять им. С проблемами социолингвистическими тесно увязаны вопросы сугубо лингвистические. Меня интересовало, какие изменения и в силу каких причин произошли и происходят в современном селькупском языке, каково состояние языка в условиях поселка на сегодня.

Выяснение современной ситуации с селькупским языком не было бы возможным без помощи самих носителей языка. В моей работе учитывались и определялись все уровни владения языком, в связи с чем записи делались не только от хорошо владеющих им, но и от тех, кто плохо владел языком и даже от тех, кто знал только отдельные слова. Для поставленной цели были важны и положительные, и отрицательные результаты. Именно

поэтому я приношу искреннюю благодарность всем информантам, с которыми я работала. В процессе этой трудоемкой работы я всегда чувствовала искреннее желание со стороны работавших со мной селькупов помочь мне. Нередко я наблюдала пробуждение интереса у информантов к родному языку: иногда спустя день или два человек вспоминал слово, которое он не мог назвать накануне, и спешил сказать его мне, а заодно сообщить и какие-то новые слова или даже рассказать сказку, вдруг ожившую в памяти.

Я пользуюсь случаем поблагодарить всех членов всех экспедиций, принимавших участие в сборе материалов и в обсуждениях трудно понимаемых мест в записях текстов. За огромную помощь в оформлении данной книги я благодарю Л. М. Захарова — не только участника последних экспедиций, но и человека, сделавшего оригинал-макет книги. Благодарю также рецензентов данной работы — д. ф. н. Д. М. Насилова и д. ф. н. В. И. Беликова, обратившего мое внимание на некоторые неточности, с благодарностью мною исправленные.

I. Административная и социально-демографическая характеристика Туруханского района

1. Статус и административные границы районов проживания северных селькупов

Районное переподчинение поселков в Северо-западной Сибири — явление обычное и столь частое, что трудно уследить, как, что и когда было переименовано. Сам Туруханский район (когда-то край¹, неофициально сохранивший это наименование и по сей день) Красноярского края неоднократно изменял свои границы. Напр., 10 августа 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в ЯН АО был образован Красноселькупский район, куда вошли территории Верхне-Тазовского, Тазовско-Ненецкого, Тазовско-Селькупского и Тымско-Караконского сельсоветов, входивших ранее в состав Туруханского р-на Красноярского края. В Туруханском районном Гос. Архиве (Ф. 1) хранятся материалы, помогающие воссоздать картину изменений административных границ района, начиная с 1917 г.

Вскоре после революции 1917 г. появились *кочсоветы* (кочевые советы, сокращенно во всех документах к/с). Район бассейна р. Таз и верховья Турухана территориально были разделены на три подрайона: Южно-Тазов-

¹ В XVIII — начале XX вв. «краями» неофициально назывались окраинные территории Российской империи, состоявшей из нескольких губерний. Губернии (возникшие в 1708 г.) делились с 1755 г. на уезды — низшие административные, судебные и финансовые единицы, полицейско-административная власть в которых осуществлялась исправником. Исторически Туруханским краем была область в Восточной Сибири, присоединенная к России в к. XVI — н. XVII в. В 1601 г. была основана Мангазея (см. рис. на с. 9), первый непашенный город России, в 1607 г. — Туруханское зимовье, ставшее в 1619 г. после первого большого пожара в Мангазее городом, долгое время известным под именем (Новой) Мангазеи. Теперь это — Старотуруханск, находящийся на левом берегу р. Турухан у Малошарской протоки р. Енисея в 8 верстах (~ 8,5 км) от нее и бывший, когда Туруханский край в 1785 г. был сделан уездом, некоторое время уездным городом. В начале XX-го века город был перенесен из-за нездорового и неудобного местоположения на правый берег Енисея при устье р. Нижней Тунгуски к Троицкому Туруханскому монастырю, неподалеку от Селивановского выселка. Опуская описание неоднократных административных преобразований в западной Сибири, следует лишь сказать, что с 1924 г. в СССР краем стала именоваться крупная административно-территориальная единица в составе РСФСР. Красноярский край в РСФСР образован 07.12.1934 г. (на 01.01.1976 г. в СССР было шесть краев). На момент 2004 г. Туруханский район — северная часть Красноярского края, а Туруханск в настоящее время в связи с уменьшением численности населения является селом и центром района в Красноярском крае.

ский, охватывающий Верхне-Тазовский к/с, и Печальскую и Чертоозерскую группы Средне-Тазовского к/с (здесь жили селькупы и эвенки Верхнего Таза). Средне-Тазовский подрайон охватывал территорию Караконского к/с и Часыльскую группу Средне-Тазовского к/с (здесь жили селькупы Среднего Таза), а Северно-Тазовский подрайон — территорию Тазовско-Ненецкого и Чапогиро-Эвенкийского к/с (это места проживания селькупов Нижнего Таза и эвенков верховьев Турухана). Кочсоветы существовали до 1930-х гг. На смену кочсоветам постепенно пришли сельсоветы. Начались переименования (в том числе и упоминаемые выше), нередко отстававшие от реального перехода населения кочевых советов на оседлость. Более того, еще до официального переименования кочсоветов в сельсоветы появились штампы и печати, именующиеся штампами и печатями сельсовета, который продолжал числиться кочсоветом. В 1950-е гг. административно-территориальная структура района снова изменилась, в результате чего относящиеся к Красноселькупскому району селькупские селения Баиха, Фарково и несколько других опять отошли к Туруханскому р-ну, что в конечном счете отрицательно сказалось на школьном образовании, поскольку произошло переподчинение образования и вызванная этим изоляция туруханских селькупов от близкородственных им по языку красноселькупских.

Рисунок 1. Рис. Т. Шмидт в газете «Маяк Севера» от 11 июля 2003 г., с. 3.

В 1966 г. в связи с тем, что некоторые сельские Советы были переведены в другие населенные пункты, было принято решение переименовать² ‘Баишенский сельсовет с центром Фарково в Фарковский, с центром д. Фарково; Елогуйский с центром д. Келлог, в Келлогский с центром д. Келлог; Зыряновский с центром д. Сургутиха, в Сургутихинский (д. Сургутиха); Мирновский с центром Баиха в Бахтинский (д. Бахта) Усть-Курейский с центром Серково в Серковский (д. Серково); Сумароковский с центром Бор в Борский сельсовет (с. Бор); Чапогиро-Эвенкийский с центром Совречка в Совреченский (Совречка)’ [Туруханский районный гос. Архив. Ф. 1 «Туруханский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет». Оп. 1. Д. 266. Л. 103. Решение РИК № 162 от 7 октября 1966 г. (см. с. 11)]. В том же 1966 г. Горошиха-Ангутинский сельсовет Туруханского р-на переименовали в Горошинский (sic! — А. К.) сельсовет с центром в д. Горошиха (решение РИК № 229 от 28 декабря; Ф. 1, Оп. 1, Д. № 266, л. 278 — см. с. 12) и внесли ‘изменения в административно-территориальный учет Туруханского района’. В 1988 г. решением РИК № 129–07 от 13.05.88 исключили из учетных данных Серковского сельского Совета с. Серково [Ф. 1. Оп. 1. Д. 761. Л. 130 (см. с. 11)]³. Изменения продолжались и в последующие годы, что не могло не сказаться на образовании (о чем речь впереди).

В период 2003–2004 гг. в Туруханском районе числилось 15 сельсоветов, среди которых селькупским считается Фарковский с центром в с. Фарково, хотя отдельные семьи, иногда сохраняющие родной язык, иногда — отказавшиеся от него, встречаются в Бакланихе, Совречке, Горошихе и других пунктах. Из 15 сельсоветов Туруханского района в семи живут представители трех коренных национальностей (селькупы, кеты и эвенки); в пяти — двух (кеты и селькупы или кеты и эвенки), не считая повсеместно живущих русских, которые начали жить в поселках, судя по данным Архива, только в 1930-е гг.⁴ Сейчас основная масса селькупов живет в с. Фарково и с. Туруханск, куда в последние годы активно переезжают жители Фар-

² Здесь и далее сохраняется пунктуация подлинника (см. архивные копии на следующих страницах).

³ Точно так же меняли свое районное подчинение населенные пункты Красноселькупского района, к которым до 1950-х гг. относились многие пункты современного Туруханского района. Напр., Пуровскую Тольку дважды ликвидировали (в 1940-е гг., а затем в 1980-е гг.) и дважды официально восстанавливали, переводя из Ларьякского района ХМ АО в Пуровский район ЯН АО (см. подробнее [Казакевич 2001, 2002]).

⁴ После падения Мангазеи, просуществовавшей с 1601 г. по 1672 г., немногочисленные русские жили только по зимовьям. Поселков с русским населением, по данным Туруханского районного гос. Архива (раздел «Население», с. 368), не было вплоть до 1930 г. Такие поселки начали появляться лишь с этого времени (напр., Матылька, Ратта); одни из них уже ликвидированы, другие существуют и поныне как в Туруханском, так и Красноселькупском р-не, где 17.09.2004 г. Красноселькуп(ск) отметил свое 60-летие.

ково. Значительно меньше их в Совречке и в с. Бор. Во всех этих и других поселках и селах селькупы (по сведениям, полученным от начальника управления делами, их на 2003 г. — 369 чел.) соседствуют и общаются с кетами и /или эвенками, а также с русскими. Вполне естественно, что в Туруханском районе широко представлены межэтнические контакты, имеющие разные варианты своего проявления в зависимости от особенностей языков, находящихся в контакте, подходов к анализу их со стороны специалистов-лингвистов и от специфики социально-демографической ситуации на местах.

ТУРУХАНСКИЙ РАЙОННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
КАРТОЧКА КАТАЛОЖНАЯ
ТЕМАТИЧЕСКАЯ **ДАТА СОБЫТИЯ:** 1966 г.
ИНДЕКС **МЕСТО СОБЫТИЯ:** Туруханский район

РУБРИКА: О переименовании сельских Советов.

ПОДРУБРИКА: Ввиду того, что некоторые сельские Советы переведены в другие населенные пункты переименовать в следующем порядке:

✓ Ваишевский сельсовет с центром Фарково в Фарковский, с центром д. Фарко
 Ялогуйский с центром д. Каллог, в Каллогский с центром д. Каллог; вФ;
 Свряновский с центром д. Сургутиха, в Сургутихинский (д. Сургутиха);
 Лидяновский с центром Байха в Бахтинский (д. Бахта)
 Усть-Курейский с центром Серково в Серковский (д. Серково);
 Сумарковский с центром Бор в Борский сельсовет (с. Бор);
 Чапогино-Эвенкийский с центром Совречка в Совреченский (д. Совречка)

НАЗВАНИЕ ФОНДА: Туруханский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет

Ф. 1. Оп. 1. Д. 266 Л. 103
 Язык документа: Решение РИК № 162 от 7 октября 1966)

Зав. архивным отделом *Е.М. Маронко* Е.М. Маронко

Дата составления: 28.05.96.

Туруханский районный гос. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266. Л. 103.

ТУРУХАНСКИЙ РАЙОННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
КАРТОЧКА КАТАЛОЖНАЯ
ТЕМАТИЧЕСКАЯ **ДАТА СОБЫТИЯ:** 1988
ИНДЕКС **МЕСТО СОБЫТИЯ:** Фарковский сельский Совет

РУБРИКА: "Об исключении из учетных данных с. Серково Серковского сельского Совета".

ПОДРУБРИКА:
СОДЕРЖАНИЕ: Исключить из учетных данных с. Серково Серковского сельского Совета.

Решение РИК №129-07 от 13.05.88.

НАЗВАНИЕ ФОНДА: Туруханский районный Совет народных депутатов и его исполком.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 761 Л. 130

Язык документа:
 Зав. архивным отделом *Е.М. Маронко* Е.М. Маронко
 06.05.99

Туруханский районный гос. Архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 761. Л. 130.

218

РСФСР

Исполнительный комитет Туруханского районного Совета
депутатов трудящихся

РЕШЕНИЕ

с. Туруханск

№ 229

от 28 декабря 1966 года

**О переименовании Горошиха-Ангутинского
сельсовета**

В связи с тем, что центр Горошиха-Ангутинского
сельсовета, Туруханского района, находится в д. Горошиха,
исполком райсовета **РЕШИЛ:**

1. Просить исполнительный комитет краевого Совета
депутатов трудящихся переименовать Горошиха-Ангутинский
сельсовет в Горошинский с центром д. Горошиха и внести измене-
ния в административно-территориальный учет Туруханского района.

Председатель Исполкома
Туруханского районного Совета
депутатов трудящихся
Секретарь Исполкома
Туруханского районного Совета
депутатов трудящихся

В. Черных / Я Черных /
М.А. Семенов / М.А. Семенов /
В. Дементьева / В. Дементьева /

*Основание: ф. 1, оп. 1, д. № 266.
конкр. время: январь - в. и. м. м. г. о. л. о.
зав. архивом*

Решение РИК № 229 от 28 декабря; ф. 1, оп. 1, д. № 266, л. 278.

2. Социально-демографическая ситуация в местах расселения селькупов. Поселок Фарково

На 1 января 1998 г. в поселке Фарково Туруханского района Красноярского края зарегистрировано 346 жителей, из них 113 русских, 2 эвенка, 18 кетов и 213 селькупов (каждый год эта цифра слегка меняется в связи с отъездом одних, рождением других или смертью третьих жителей поселка). Диаграммы и графики см. в Приложении. Селькупы, таким образом, составляют две трети населения, так что поселок считается «селькупским». До второй мировой войны поселками со значительным селькупским населением были Янов Стан на р. Баихе, Сургутиха на р. Мангутиха, Бакланиха, Горошиха и Курейка на Енисее, Мадуйка и Серково на р. Курейке, в которых к настоящему времени остались считанные селькупские семьи, как и в пос. Совречка (с преобладающим эвенкийским населением) на севере Туруханского района. В Горошихе, которая до конца 1980-х гг. находилась на левом берегу Енисея, в настоящее время (2003 г.) есть только две смешанные семьи с женщинами-селькупками. Между тем, по данным Туруханского районного гос. Архива за 1936 г. (таблица 2, с. 344), в Горошинском сельсовете числилось 419 селькупов. Из Янова Стана, где когда-то (1926–1929 гг.) была школа, возглавляемая Г. Н. Прокофьевым, и где в 1941 г. работала Л. А. Варковицкая, все жители переселены в другие места, в основном — в Фарково. Именно в Яновом Стане исследователи записали более сотни текстов на селькупском языке (в том числе — от детей!), до сих пор не изданных (хотя потребность в них велика). Из общего количества селькупов (213 чел.⁵), числящихся в Фарково, около 50 чел., то есть четверть селькупского населения, живет в лесу. Они приезжают в поселок в летнее время произвести «отоварку», закупить порох, продукты, сдать пушнину и т. п., а к сентябрю или в первых числах сентября обычно разъезжаются по своим охотничьим избушкам в лесу, оставляя детей школьного возраста в интернате и увозя с собой дошкольников. Охотники, живущие на речках сравнительно недалеко от Фарково, иногда приезжают в поселок по несколько раз за лето (а изредка и зимой), в то время как промышленные в лесу далеко от поселка зависят от вертолетов, не имеющих в последние годы регулярных рейсов. В сентябре 1998 г. из-за плохой работы транспорта несколько семей охотников задержались в Фарково на весь сентябрь, благодаря чему возникла возможность сравнить уровень знания селькупского языка постоянных жителей поселка и селькупов, живущих большую часть года в лесу и лучше знающих родной язык и фольклор, чем поселковые селькупы.

⁵ По другим сведениям, на 01.01.2003 г. в Фарковском с/с числится 239 селькупов несмотря на отъезд многих жителей в Туруханск.

Половозрастная структура нерусской части населения на 1998–1999 гг. в с. Фарково отражена в таблице 1, составленной на основе сведений, имеющих в домовой книге в сельсовете.

Таблица 1.

Нац.	Селькупы						Кеты						Эвенки			
Пол	Мужчины			Женщины			Мужчины			Женщины			Муж- чины	Женщины		
Воз- раст	До 16 лет	16– 55 лет	55– 88 лет	—	До 16 лет	16– 55 лет	55– 88 лет									
Коли- чество	44 чел.	53 чел.	6 чел.	53 чел.	50 чел.	7 чел.	—	4 чел.	—	6 чел.	3 чел.	5 чел.	—	1 чел.	1 чел.	—
	103 чел.			110 чел.			4 чел.			14 чел.			—	2 чел.		
	213 чел.						18 чел.						2 чел.			

Данная таблица показательна в социально-демографическом отношении, но недостаточна для характеристики языковой ситуации в обследованном районе. Для выяснения причин забвения селькупами родного языка и уточнения направления, в котором идет разрушение языка, следует учитывать такие признаки, как место проживания (поселок или лес), образование, уровень владения этническим языком, сфера функционирования языка, отношение родителей к обучению детей родному языку и некоторые другие. В результате анализа всех этих факторов становится возможным нарисовать безрадостную картину языковой ситуации, сложившейся в с. Фарково, и обсудить условия, необходимые для изменения существующей в районе языковой ситуации.

II. Социолингвистическая ситуация в районах проживания селькупов: поселок Фарково

1. Общие суждения

Выяснение социолингвистической ситуации у туруханских селькупов предполагает обсуждение вопросов, теснейшим образом связанных с проблемами современного состояния селькупского языка, изменения в котором происходят в силу разных причин. Определение уровня знания селькупом его родного языка представляет нелегкую задачу. Существует немало способов решения этой и подобных ей задач, в частности, таких, которые использовали французские функционалисты [Мамудян 1985, с. 156–157] для выяснения степени владения родным языком людьми, реально говорящими на нем (что далеко не всегда можно сказать о селькупах). С известной осторожностью подобная методика применима и к селькупскому языку. Заключается она в том, что учитывается языковая интуиция говорящих, которая может быть согласованной или несогласованной, а их ответы на вопросы лингвиста — разной степени уверенности. В результате все случаи колебаний, неуверенности носителей языка в употреблении в родном языке тех или иных форм слова становятся зачатком последующих языковых изменений и полного забвения многих слов и их грамматических категорий. Данная гипотеза о существовании корреляции между психологическим и социальным измерениями языка нашла свое подтверждение на селькупском материале (ср. далее разделы IV и V о психолингвистическом и собственно лингвистическом аспектах рассмотрения селькупского языка). Однако о колебаниях селькупов в употреблении отдельных слов и их форм можно говорить лишь применительно к речи среднего и старшего поколения. Что касается средне-молодого поколения, то их колебания связаны скорее с вопросом о том, нужен ли им селькупский язык.

2. Отношение селькупов к родному языку

Единства во взглядах на вопрос, необходимо ли селькупам знать родной язык, нет. Чтобы почувствовать это, достаточно сравнить между собой следующие высказывания, полученные в ответ на вопросы: «Хотите ли Вы, чтобы Вашим детям преподавали селькупский язык в школе и для чего это нужно?» и «Сохранится ли селькупский язык и в течение какого срока?». Во многих ответах и их мотивировках сквозит полное безразличие опрашиваемых по отношению к данной проблеме; это особенно чувствуется в прогнозировании будущей судьбы селькупского языка самими носителями языка (см. таблицу 2). Внутри таблицы (как и в таблице 3) в скобках указываются года рождения респондентов.

Таблица 2.

Родной язык детям надо знать	Не обязательно знать родной язык
<ul style="list-style-type: none"> • Чтобы свой язык не теряли (1963) • Родной язык надо выучить, но свой диалект (1955, 1960) • Хотя бы знать, откуда они (дети) сами (1969) • Все знают селькупский (мать о своих детях. — <i>А. К.</i>). Надо вот знать (1927) • Язык нужен, но преподавателя хорошего нету. Нет культуры этого языка. Был букварь хороший (о букваре Г. Н. Прокофьева. — <i>А. К.</i>) (1936) • Чтобы был тайным языком (1936) 	<ul style="list-style-type: none"> • Мне без разницы, на каком языке дети разговаривают (1973) • Хватит русского. Куда поеду? Мне и здесь хорошо. Дочь пусть сама выбирает (1970) • Ну и пусть преподают, какая разница! (1940) • Я умру, они (дети) как хотят (1934) • Они (дети) скажут — один русский, хватает русского (1940) • Без русского нигде основательно не пройдешь (1936) • Мне как-то без разницы, будут учить, так ладно. Пусть учат, соглашусь на селькупский, голова не забьется. Пусть учит (1977) • Я не знаю, не интересно мне, а по-селькупски один черт, на селькупском языке будут жить. Пусть русскому лучше учатся, понимают. Хоть по-русски по-нормальному знали бы (1961)

На вопрос, нужно ли селькупцу знать кроме селькупского и русского другие языки, были даны следующие ответы с мотивировкой (см. таблицу 3).

Таблица 3.

Надо знать другие языки	Не обязательно знать другие языки
<ul style="list-style-type: none"> • Пригодится, если куда поедут (дети) (1957) • Для общего развития. Вдруг поедут (дети) в Америку (1962) • Надо учить немецкий, английский, чтобы в магазинах суметь прочитать надписи на продуктах (1963) • Английский, немецкий — самые ходовые. Может, куда-то поступит. Пусть учит (1977) • Немецкий нравился, хотела бы немецкий. Английский лучше: все на обертках по-английски чтобы читали. Хочу знать просто так, для себя. Они учились бы, я помогла бы, мне интересно (1961) 	<ul style="list-style-type: none"> • Достаточно тех, которые знаю (Говорящая это селькупка (1952) знает селькупский, русский, нешенский — язык лесных ненцев — и понимает по-эвенкийски) • Половина у меня русский язык вылетает, половина по-селькупски. Как найдет. Мне никакие языки не надо, два которые есть, то и хватит, и детям тоже (1950)

Представители старшего и среднего поколения (и лишь в единичных случаях молодого) делают мрачные прогнозы относительно дальнейшего существования селькупского языка:

- Скоро вообще знать не будут селькупского языка (1940 г. р.).
- А чево толку-то, что они (уже взрослые дети. — *А. К.*) будут знать селькупский язык. Это поколение уже на вымирание пошло. Сколько умерло в этот год, то утонут, то горят (то есть умирают от пьянства. — *А. К.*). Так [сѐ] ра[м]но. Тя[з']ело так. Уборщицей возьмут и [сѐ]. Вот тебе и [т']ум. А там и пьют, и гуляют. Так [с]то бесполезно. Зачем им язык-то. Маленький (ребенок. — *А. К.*) вот такой, а он уже не знает свой язык. Папаши там молодые, они не у[т']ят детей. Навряд ли будут знать те, кто родился в 50-е (1934 г. р.).
- Скоро здесь селькупский язык, наверно, замолкнет (1950 г. р.).
- Они (молодые. — *А. К.*) понимают местами, а сказать не могут, базар (Им. п.) нашего не понимают. 50-е, может, 60-е (имеются в виду годы рождения. — *А. К.*) еще подержат, пофурычат еще наши года. Чисто по-русски базарят (1953 г. р.; сказано о молодых. — *А. К.*).
- Лет через 30 селькупский вымрет (1962 г. р.).
- Не выживет язык. Продержится лет 50–60 (1969 г. р.).

О предсказаниях, касающихся сроков жизни языка, подробно писали Н. Б. Вахтин и Е. В. Головки [Вахтин 2001, с. 263–280; Вахтин, Головки 2004, с. 127–129], подчеркивая их ошибочность. С написанным ими очень хочется согласиться, но ведь известны тысячи языков, канувших в Лету, среди которых есть ушедшие в небытие и уральские языки. В науке часто встречается обсуждение проблемы неожиданного «пробуждения» языка иногда много веков спустя после его исчезновения. Можно сомневаться в сроках исчезновения языка, но нельзя не прислушиваться к прогнозам самих носителей, прогнозам, отражающим, прежде всего, понимание селькупами их собственного уровня владения языком.

У селькупов есть такие семьи (и число их, судя по всему, увеличивается), в которых родители между собою говорят по-селькупски, но к детям обращаются по-русски, желая облегчить им их будущую жизнь в интернате, поскольку помнят о том, как сами мучились в младших классах школы, не понимая русскую речь. Мотивировка родителей того, почему *им не следует самим учить своих детей родному языку*, совпадает с официальной установкой не делать этого, так как иначе «плохо будут русский знать». С другой стороны, те же родители говорят, что детей селькупскому языку «в школе надо учить» и что необходимо считать селькупский язык родным (последнее дает некоторые льготы). Далее следует объяснение, свидетельствующее о непонимании того, что сами селькупы лишают детей возможности выбора, какой язык им считать родным, когда вырастут: «Внучке рассказывал сказки по-русски. У нее отдельные слова вылетают (по-селькупски. — *А. К.*) ‘хлеб, блюдец, чай’. Постарше будет, все равно в 10 лет учить буду» (1949 г. р.). Вполне понятно, что такое поведение родителей отрицательно сказывается на функционировании и сохранности селькупского языка в целом. В ответах молодого поколения на вопросы «надо ли учить детей селькупскому языку и не вымрет ли он», нередко чувствуется легкомыслие, как в следующем высказывании: «Куда он (язык. — *А. К.*)

денется! Останется! Говорить надо побольше только» (1970 г. р.). Сам носитель языка владеет селькупским очень плохо, чего не осознает. Те же, кто понимает, что не знает родной язык, все равно считают, что их дети должны знать «свой язык» и откровенно говорят: «Отвезу к маме домой, чтобы язык выучили» (1972 г. р.), не учитывая, что их родители тоже наполовину утратили язык, забыли его.

3. Отношение окружающего населения и администрации к проблеме возможного исчезновения селькупского языка

Уже в начале 1990-х гг. языковая ситуация у северных селькупов была тревожна, хотя и не катастрофична. В отличие от ненцев, территориально значительно более разбросанных, чем селькупы, дисперсное расселение последних отрицательно сказалось на них. Большинство северных туруханских селькупов живет в настоящее время в с. Фарково, но административно они оказались в подчинении властям, уделяющим большее внимание кетам, которые среди аборигенов района составляют большинство (по переписи 1989 г. их 1084 чел., а по данным Госкомсевера 1999 г., их 1113 чел.), и даже эвенкам, чем селькупам. Кроме того, будучи оторванными от Красноселькупского РОО (районный отдел образования), обойдены вниманием и селькупские учащиеся. Казалось бы, наличие письменности должно сдерживать темпы разрушения селькупского языка, но это не так [Казакевич & Кузнецова 1992, с. 100].

Отношение к вопросу сохранения селькупского языка у окружающего селькупов населения и администрации чаще всего безразличное (пренебрежительное встречается редко). Многие русскоязычные жители с. Фарково открыто говорят, что чем так учить селькупскому языку в школе, как это происходит в селе, лучше совсем не учить. И во многом они правы: и з у ч е н и е по два часа в неделю в течение всего лишь трех лет языка, которым дети часто не владеют, поскольку родители не разговаривают с ними по-селькупски, вряд ли может что-либо дать. Впрочем, не исключено, что даже столь поверхностное знакомство с селькупским языком, который учат в фарковской школе и русские дети, способно пробудить у кого-нибудь интерес к языку, селькупскому фольклору и самому народу⁶.

Можно ли (и нужно ли) при существующей ситуации пытаться искусственно ревитализировать находящиеся в особо плачевном состоянии многие языки уральских малочисленных народов? Вопрос тяжелый и спорный

⁶ Следует отметить, что в Красноселькупском районе (в отличие от Фарково) существует две школы — русская десятилетка и начальная селькупская школа, из которой только единицы имеют возможность перейти после ее окончания в русскую школу. Естественно, что при такой ситуации непрерывно уменьшаются шансы для селькупов поступить в училище или вуз, хотя округ и выделяет на это деньги для представителей малочисленных этносов.

(известно, что «задавать себе вопросы очень полезно, но отвечать на них очень опасно», по словам историка рубежа XIX–XX вв. Шарля Сеньобоса). С одной стороны, при далеко зашедшем процессе разрушения и забвения ряда языков и — главное — при нежелании самих носителей языка учить их, видимо, в этом нет необходимости. С другой стороны, такое решение будет чудовищно несправедливым по отношению к тому меньшинству, которое страдает от невозможности продлить жизнь «умирающему» языку, фольклору, обычаям. В таком случае необходимо действенно, а не на словах, помогать улучшать языковую и культурную ситуацию в местах проживания малочисленного этноса, то есть проявлять известную нетерпимость к создававшемуся положению вещей. И начинать делать это надо с изменения существующей практики преподавания, с изменений в написании учебников, с реформирования в подготовке учителей и многого другого, что опирается в общеэкономические и общеполитические проблемы. Но если даже допустить, что все изменения в области образования, книгоиздания и СМИ, желаемые одной частью общества и игнорируемые другой, уже практически признавшей себя ассимилированной, произойдут, то, спрашивается, не будет ли и в этом случае нарушен принцип толерантности? Любая борьба за свои права любой группы населения есть проявление нетерпимости. Вместе с тем, ни одно обновление, ни в одной сфере человеческой жизни не обходится без борьбы. Вопрос остается открытым. Сегодня языковая ситуация малочисленных уральских народов России является индикатором их общего неблагополучия. Как писал Марк Блок в своей книге «Апология истории или Ремесло историка» [Блок 1973, с. 20], «подлинное время — по природе своей некий континуум», «непрестанное изменение». Беря два последовательных периода «из чреды веков», он задавал вопрос: «В какой мере связь между ними, создаваемая непрерывным течением времени, оказывается более существенной, чем их несходство, которое порождено тем же временем, — иначе, надо ли считать знание более старого периода необходимым или излишним для понимания более нового?». Другими словами, возможно ли объяснять социальные явления простой отсылкой к более ранним состояниям? Ответом на поставленный вопрос служит арабская пословица, приводимая Марком Блоком: «Люди больше походят на свое время, чем на своих отцов». Данная пословица как нельзя лучше характеризует в настоящее время языковую ситуацию в с. Фарково и роль в ней средне-молодого поколения северных селькупов.

Публикуемая работа предполагает прежде всего фиксацию состояния селькупского сообщества, его культуры и языка на грани тысячелетий.

4. Факторы, влияющие на языковую ситуацию

Языковая ситуация, сложившаяся в последнее время в местах расселения северных селькупов и тесно связанная с уровнем владения языком его

носителей, зависит от многих факторов. Это может быть возраст носителей, частота общения на родном языке с носителями другого или других языков, что, в свою очередь, связано а) с местом жительства селькупов либо в поселке со смешанным населением, либо в лесу, где общение в кругу собственной семьи происходит большую часть времени только на родном языке (но и это, как будет показано в дальнейшем, далеко не всегда соблюдается). Важным критерием становится б) факт наличия смешанного брака, при котором у среднего поколения часто побеждает не язык кого-либо из родителей, а третий язык-посредник (обычно русский). Причиной частого употребления родного языка является также с) наличие в семье и в селе монолингва-селькупа. Если в семье есть долгожитель, что очень редко наблюдается у современных селькупов, средний возраст которых менее 50 лет⁷, то среднее поколение *volens-nolens* вынуждено общаться со стариками, плохо знающими русский язык (монолингвов-селькупов в поселке нет), на селькупском языке и тем самым поддерживать собственное знание селькупского языка. Именно благодаря этому 40–50-летние не забывают свой родной язык, иногда даже улучшают его (с молодыми они уже не имеют возможности разговаривать: не только внуки, но и дети отказываются говорить по-селькупски). Возможно, с этим связан и тот факт, что ревитализация селькупского языка наблюдается скорее у представителей 40–50-летнего возраста, чем у более молодых селькупов, которые заняты собственными детьми, предпочитая селькупскому русский язык. Частота общения связана также со сферой функционирования селькупского языка, о чем будет сказано в дальнейшем. Немаловажное значение имеет уровень образования говорящего (пусть даже в рамках только школы) и сферы функционирования селькупского языка.

Обращает на себя внимание еще один любопытный факт. Сегодня большинство представителей малочисленных уральских народов теоретически не отказывается от своего родного языка, но в то же время многие (особенно молодые) носители языка не стремятся ни овладеть им заново, если не усвоили язык в детстве, ни сохранить его, если хотя бы немного говорили до школы. Случаи подобного *языкового нигилизма* еще в 1840-е гг. отмечал Элиас Лённрот у групп вепсов, оказавшихся в изоляции. По его словам, «когда создано мнение, что чужой язык лучше родного, то тем самым уже подготовлена почва для его преобладания» [Лённрот 1955, с. 294]. Именно такая ситуация наблюдается у молодых селькупов Туруханского района Красноярского края: сейчас случаи отрицания этнического языка в пользу более престижного русского получили широкое распространение даже у представителей среднего поколения.

⁷ В Фарково к 2000 г. было всего три долгожителя — 1910, 1917 и 1927 гг. рождения, и все они умерли к 2003 г.

1-й фактор: Возраст и пробуждение этнического сознания

На уровень знания селькупами их родного языка влияют многие причины, которые будут рассмотрены подробнее на основе собранного в с. Фарково материала. Уровень владения родным языком повсеместно коррелирует с возрастом его носителей. Языковой коллектив расслоился на возрастные группы (когорты). Представители старшего поколения являются носителями языковых и культурных традиций. Именно люди старшего поколения составляют группу, для которой «характерны центростремительные, консервативные тенденции», а представители младшего поколения, «наоборот, являются носителями инновационных, центробежных тенденций в культуре, и соответственно, ориентированы не на родной язык, а на язык более крупного этноса», в Российской Федерации, как правило, — на русский язык [Концепция... 2001, с. 9].

Для оценки языковой ситуации важно учесть один факт, связанный с фактором возраста. Известно, что в среднем возрасте происходит переоценка ценностей (Н. Б. Вахтин назвал это явлением компенсации в языковом сознании народа), в связи с чем человек начинает воспринимать себя «последним из могикан», знающим родной язык, и потому старается утвердить в таком мнении окружающих, а те, в свою очередь, готовы признать авторитет селькупа, владеющего родным языком лучше, чем они сами [ср. Вахтин 1992, с. 56–57]. Отсюда можно фиксировать еще один фактор — *фактор пробуждения этнического самосознания*. При этом неясно, просыпается ли самосознание народа под влиянием агитации или возникает спонтанно. Например жизнь в полностью иноязычной среде может вызвать тоску по родному языку, в то время как в своей среде, хотя и смешанной, но на родине, где все находится в одинаковом положении и где существует свобода выбора языка, часто не ценимая и не используемая, сама возможность говорить на родном языке облегчает переход на другой язык. Так, селькуп, переселившийся в Тюмень и женатый на русской, говорит со своими детьми на селькупском языке, по свидетельству его сестры из Фарково. Женщины-селькупки, вышедшие замуж за представителей других этносов и переехавшие в кетское село, начинают говорить между собой по-селькупски, хотя в родном селе до замужества предпочитали русский язык.

Желание уяснить как можно полнее языковую ситуацию у туруханских селькупов привело к тому, что наряду со сплошным выяснением общих статистических сведений, касающихся аборигенного населения Фарково по домово́й книге в сельсовете (см. таблицу 1), было проведено выборочное и более полное анкетирование не только среди постоянных жителей Фарково, но и среди небольшой группы селькупов, живущих постоянно в лесу, о которых уже шла речь в разделе 1.2).

Работа велась с группой информантов (25 человек) разного возраста (в выборку не попали селькупы моложе 25 лет), сформировавшейся слу-

чайным образом. В поселке в начале сентября 1998 г. с отъездом в лес задержалась достаточно большая группа селькупов, которая в последующие дни быстро уменьшалась в связи с разъездом охотников по их угодьям и, таким образом, становилась недоступной для работы в будущем. Первичное знакомство с уезжающими давало только возможность установить анкетные данные и определить уровень знания языка (хорошее, среднее / посредственное, плохое) с тем, чтобы в дальнейшем чисто языковые вопросы выяснять у носителей, хорошо знающих язык. Таковых оказалось 2/5 всех опрошенных (то есть 10 чел.), причем половина из них, а именно — 5 человек, вскоре уехала в лес. Последующее общение с селькупками (живущими как в селе, так и в лесу, в том числе и в последующие годы — в 1999 и 2003), хорошо, плохо или средне (посредственно) знающими язык, позволило не только определить *языковую компетенцию носителей селькупского языка*, но и понять *механизмы и пути забвения ими родного языка*. Следует сразу сказать, что «хорошее» знание не всегда соответствует тому, что отмечено в записях исследователей северных селькупов первой половины XX века Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, Л. А. Варковицкой, также работавших в Фарково. Тем не менее, уровень владения языком условно подразделен на три типа: *хорошее, среднее, плохое* знание селькупского языка (о принципе экспертной оценки владения языком писал Н. Б. Вахтин [Вахтин 1992: 4, с. 48]. Ср. также [Вахтин 2001, с. 121]). В дальнейшем уровень владения языком у селькупов будет обсуждаться неоднократно (см. раздел III о методиках, с помощью которых этот уровень определялся).

Между количеством людей, хорошо знающих селькупский язык, и их возрастом есть четкая корреляция. Среди селькупов, родившихся в период между 1910 и 1940 гг. (то есть тех, кто старше 58 лет), хорошо владеющих селькупским языком — 6 человек; среди 57–38-летних их 3 человека, а среди 37–25-летних — только один человек. Средний уровень знания селькупского языка среди старшего поколения отмечен только у одного человека, в двух других возрастных группах — по 2 человека. Некоторая стабилизация уровня языкового знания у селькупов в возрасте от 57 до 37 лет сменяется заметным ухудшением владения языком у молодого поколения (от 37 до 25 лет). Быстро идущее забвение родного языка сказывается также на появлении людей, которые понимают, но не говорят на селькупском языке и, само собой, не говорят с детьми на родном языке. Нежелание говорить с собственными детьми на селькупском языке наблюдается даже в случае, если родители селькупы знают, хотя и плохо, свой язык. Плохое знание языка (как и полное незнание его) наиболее типично для возраста до 25 лет. В возрастной группе от 25 до 38 лет во взятой выборке было 6 человек, плохо владеющих родным языком, но не всегда признающих этот факт, в то время как среди селькупов от 38 до 57 лет лишь один человек плохо говорил по-селькупски. Округляя возраст информантов, можно говорить о трех поколениях носителей родного языка, владеющих им хорошо

(от 50 и старше), средне (от 30 до 50) и плохо (от 20 до 30), причем в каждой когорте с годами количество знающих язык все уменьшается. Селькупов в возрасте до 20 лет можно считать уже «безъязыкими». Естественно, что внутри каждого из выделенных поколений могут быть исключения, лишь подтверждающие правила.

Приведенные результаты конкретного анализа языковой ситуации получены в 1998 г. первоначально на примере всего 25 человек. В том же году при массовом обследовании селькупов в целях выяснения вопроса, насколько они владеют родным языком, результаты были подтверждены, а затем еще раз удостоверены в 1999 и 2003 гг. В начале 1990-х гг. близкую социолингвистическую картину для миноритарных уральских народов Крайнего Севера России засвидетельствовал также Юха Янхунен [Janhunen 1991, p. 4–8] и (с некоторыми уточнениями) — Аго Кюннар [Künnap 1994].

2-й фактор: Место проживания носителей языка и фактор языкового окружения

При определении уровня владения языком едва ли не более существенным, чем фактор возраста, оказался фактор места проживания селькупов. Результаты показаны в таблице 4, составленной по той же выборке, отражающей сведения и о возрасте носителей языка.

Таблица 4.

Знание селькупского языка		Хорошее				Среднее				Плохое				Понимают, не говорят				
		Муж.		Жен.		Муж.		Жен.		Муж.		Жен.		Муж.		Жен.		
Место жительства		Л	Ф	Л	Ф	Л	Ф	Л	Ф	Л	Ф	Л	Ф	Л	Ф	Л	Ф	
Кол. чел.	Возраст (г. р.)	1910–1940	—	2	1	3	1*	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
		1941–1960	3	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—	—
		1961–1973	1	—	—	—	—	—	—	2	—	2	—	4	—	—	1	1
		25	10				6				7				2			

Примечание к таблице 4:

- 1) Необходимо отметить, что в Фарково не только среди селькупов, в том числе и попавших в обследуемую выборку, но и среди русского населения есть несколько человек, которые понимают селькупскую речь, но не говорят на селькупском языке. Среди взрослых селькупов монолингвов, как уже указывалось, нет.
- 2) Среди информантов, с которыми велась работа, был селькуп, помеченный в таблице 4 знаком астериска (*); в 1995 г. он переехал в Туруханск, где от него и были произведены записи.

Условные обозначения: Л — лес, Ф — Фарково.

Из таблицы 4 вытекает, что фактор «место проживания» селькупов неразрывно связан с фактором нахождения селькупов в однородной языковой

среде или в среде смешанно-иноязычной, иначе говоря, — фактором языкового окружения. Последнее обстоятельство может способствовать развитию билингвизма, если положение языков будет более или менее равноценным; если же таких условий создать невозможно, то такое двуязычие может отрицательно повлиять на сохранность селькупского языка, находящегося в настоящее время под угрозой достаточно быстрого забвения. Вполне понятно, что селькупы, живущие своей семьей в лесу, знают, как правило, селькупский язык лучше, чем поселковые селькупы, даже если охотники (жители леса) относятся к молодому поколению. Однако в случае смешанных браков при разноязычном муже и жене (напр., муж — кет, жена — селькупка) возникает проблема языка общения в семье. Языком общения может стать не селькупский язык, а язык другого члена семьи или язык-посредник, обычно русский. И тем не менее дети в лесу слышат в основном селькупскую речь своих родителей и нередко, приезжая в поселок, не знают русского языка. С местом проживания селькупов связан и вопрос о появлении у этноса *гибридных культур* — «поселковой» и «лесной» (см. подробнее об этом [Кузнецова 2004а]).

3-й фактор: Сферы функционирования селькупского языка

За 50 лет, прошедших после окончания Второй мировой войны, для многих языков малочисленных народов сильно изменилась языковая ситуация, которая была еще в середине прошлого века совершенно другой. Это хорошо заметно по быстро меняющемуся объему функционирования языка у северных селькупов в разных сферах их жизни.

1. Внутрисемейное общение. Последним прибежищем сейчас оказывается общение внутри семьи, но и оно сохраняется далеко не везде и не всегда. Так, в с. Фарково (в отличие, впрочем, от селькупов пос. Толька Пуровская) родители перестают говорить по-селькупски не только с детьми, но и друг с другом. Мотивируется это тем, что детям трудно будет учиться в школе, если они будут говорить только по-селькупски и ни слова не знают по-русски, в то время как в 1-ом классе все преподавание ведется на русском языке. Иногда селькупский язык «на стороне» (то есть вне семьи) или в присутствии русских, выполняя функцию самоидентификации, используется молодыми как «тайный» язык по отношению к русскоязычному населению. С другой стороны, существенным является принцип этики, на который часто ссылаются сами селькупы: в присутствии человека (будь то русский или селькуп), не знающего селькупский язык, вежливость требует вести беседу на русском языке (разумеется, если не возникает желания или необходимости скрыть предмет разговора от «непосвященного»). Если же человек начинает разговор на русском языке, говорить с ним надо по-русски, если на селькупском, то по-селькупски. Всё это требуется учитывать, чтобы составить адекватное представление о языковой ситуации в с. Фарково.

2. Производственная сфера общения. В меньшей мере (по сравнению с общением в семье) используется язык в сфере традиционной хозяйственной деятельности. По данным микропереписей Госкомстата РФ последних лет, доля представителей всех малочисленных народов Севера, использующих родной язык в производственной сфере общения (среди рыбаков, охотников), составляет всего 6,7% и при этом неуклонно падает [Концепция..., 2001, с. 8]. Точно так же если традиционная одежда заменяется фабричной, то утрачиваются и навыки орнаментального искусства, и наименования, связанные с ним, и т. д. Вместе с тем в языке рыбаков и охотников, количество которых падает, сохраняется лексика, относящаяся к сфере их хозяйственной деятельности.

3. Сфера фольклорной культуры способна в большей степени, чем две другие сферы функционирования языка, оживить угасающий язык, дать импульс его дальнейшей эволюции, в частности, пробудить интерес к родному языку как основному компоненту культуры. Для любого этноса (в том числе для миноритарного, утрачивающего свой язык) наиболее мощным рычагом, позволяющим ему выжить, является его самобытное культурное развитие, в частности, — фольклор. Однако у молодых селькупов интерес к культурному наследию развит слабо: если дети не владеют языком, то и сказки им (в лучшем случае!) взрослые рассказывают на русском языке; точно так же на русском языке публикуются сказки в местных газетах, о чем будет рассказано дальше. Все это можно наблюдать сегодня у поселковых селькупов (в отличие, судя по многому, от живущих в лесу, и особенно по сравнению с обско-угорскими народами).

Вместе с тем, заметны и ростки пробуждающегося самосознания. Уже в 1980-е гг., когда уроки родного языка в школе в течение трех лет вела Н. А. Паролина, у школьников зародился интерес к селькупскому языку и культуре. В 1998 г. в сентябре в школе был устроен праздник, на котором исполнялись школьниками народные (в том числе и селькупские) песни и танцы. В 2003 г. удалось наблюдать робкие попытки сыграть шуточную мини-пьеску на селькупском языке. Языка исполнители не знали, тем не менее, текст выучили и произносили его под музыку. Текст был записан (с ошибками) руководителем данного ансамбля от матери и дешифрован ею. Интересно, что текст, представляемый как селькупский, в газете «Слово народов Севера» был опубликован в апреле 2002 г. [с. 4] как эвенкийская сказка. В качестве доказательства того, что текст эвенкийский, в конце сказки дано разъяснение не совсем понятного теперь смысла всего действия, которое сводится к следующему. Женщина с ребенком оставалась в чуме, пока муж ходил на охоту. Вдруг пришли какие-то люди, все разорили, еду забрали и ушли. Женщина успела спрятаться. Когда вернулся муж и увидел плачущую жену, он подумал, что она потеряла иголку, в результате чего вся семья останется зимой без одежды. В сказке, опубликованной в газете, даются пояснения: «В старинные времена в семье эвенков женщина имела

только одну иголку. Если ее теряли, то нечем было шить одежду, и вся семья погибала». Современным молодым трудно и представить себе такую ситуацию, однако близкая ситуация оказалась вполне реальной и в с. Фарково, где старейшая жительница села (1910 г. р.) отдала сыну, уехавшему в лес, свой наперсток, оставшись сама без него. Когда же наперсток понадобился ей, пришлось идти по другим домам просить наперсток для себя (текст диалога-просьбы, записанный на улице Фарково в 1999 г., см. раздел III.2.1).

4-й фактор: Образование и языковая политика государства в этой области

Только что названные три сферы функционирования языка (общение в семье, традиционная хозяйственная деятельность и сфера фольклора) являются наиболее обнадеживающими в деле спасения исчезающих языков. Наряду с ними существуют и *области, максимально уязвимые* в данном отношении и *одновременно весьма значимые*, способные в большей степени, чем другие сферы функционирования языка, оживить угасающий язык, ревитализировать его. Именно в этих сферах проявляется и наиболее ошутима политика государства. Это, прежде всего, образование, книгоиздание и средства массовой информации (СМИ), включая газеты, радио и телевидение. Состояние дел в Фарково по всем перечисленным областям оставляет желать много лучшего. Тем не менее (по крайней мере, на исходе второго тысячелетия) — кое-что делается и здесь.

Выяснение уровня образования информантов приводит к ошеломляюще грустным выводам. Школьное, среднее специальное или высшее образование, часто связанное с отрывом от семьи и, следовательно, в значительной степени от родного языка, обычно отрицательно сказывается на уровне владения селькупским языком, особенно, если селькуп, получивший образование выше среднего, не возвращается в родное село, а возвратившись, не получает работу, соответствующую уровню образования. Исключения редки, хотя и встречаются. Объясняется это тем, что с 1950-х гг., когда появились школьные интернаты, детям, по свидетельству в с е х, учившихся в то время людей, не разрешалось говорить на селькупском языке. Кроме того, все обучение велось (и продолжает вестись) на русском языке, а селькупский язык был и остается предметом изучения. В результате ребенок, начиная уже с детского сада или школы, неминуемо сталкивается с русским языком в большем количестве, чем с селькупским. Как ни парадоксально это звучит, но в сегодняшней ситуации получаемое учащимися образование отрицательно сказывается на знании родного языка, под которым понимается уровень владения грамматикой и объем (значительный, средний или малый) словарного запаса. Невольно возникает вопрос: когда и в силу каких обстоятельств сложилась данная ситуация? Был ли такой период, при котором владение языком не вступало в противоречие с образованием, и каков был уровень этого образования? Для получения от-

вета на эти вопросы необходимо обратиться к моменту появления у северных селькупов письменности, используемой при школьном обучении [Кузнецова 1997, с. 48, 53].

1. **Обучение в школе в 1920–1930-е гг. как фактор, воздействующий на языковое самосознание учащихся.** Сравнение книг 1930-х гг., написанных на латинице (в 1932 г. вышел первый букварь *Ŋarq̄ wətt̄y* Е. Д. Прокофьевой), с ныне действующими учебниками и книгами для чтения⁸ для северных селькупов, изданных кириллицей, говорит не в пользу последних. Не исключено при этом, что при составлении современными авторами школьных пособий ими учитывался опыт предшественников, по крайней мере, в подборе тем в книге для чтения.

Можно сравнить книгу для чтения П. Н. Жулева (для 1-го года обучения) *Toḡlȳpt̄æt c̄āt̄ toḡlȳps̄ātyl' n̄k̄ȳrl laka* (1934) и книгу для дополнительного (а значит, и не обязательного!) чтения в 1–2-м классах селькупских школ *Кэнтья* («Зоренька») О. М. Боякиной, С. И. Ирикова и А. А. Хозовой (1989). Обе книги включают по 89 текстов для чтения. И в той, и в другой есть разделы по темам «Тундра, северная природа»; революционная тематика и тексты о Ленине, о жизни при советской власти; «Город и другие страны», о работе и учебе в школе. Возможно, авторы книги 1989 г. издания ориентировались на композицию книги для чтения 1934 г. Однако пропорции между названными темами различны, что четко видно из следующей таблицы:

Таблица 5.

	1934	1989
Тундра, северная природа	50	25
Революционная и советская тематика	7	31
Повседневная жизнь и работа	19	26
Жизнь в городе и в других странах	13	—
Сказки разных народов	—	7

Тексты из разных разделов в обеих книгах даны вперемешку, например, рассказы о природе помещены в начале книги, в середине и в самом конце. Компактно приводятся лишь тексты Ленинианы. В хрестоматии 1934 г. по контрасту с жизнью на далеком заполярном севере приводятся рассказы о жизни в южных широтах, в Африке. Следует напомнить, что книга 1934 г. (89 текстов) должна была быть прочитана учащимися на первом году обучения, а книга 1989 г. (также 89 текстов) — в течение двух лет,

⁸ Для северных селькупов имеется комплект учебной литературы для 1–3 классов начальной школы. В 2002 г. вышла книга для чтения в 4 классе на селькупском языке (раттовский говор) С. И. Ирикова, но в период работы экспедиции в с. Фарково она еще не поступила в школьную библиотеку.

да и то выборочно (то есть за год — менее 40 текстов). Это различие не случайно: в 1930-е гг. дети еще хорошо знали родной язык, зато ни они, ни (часто) их родители ничего не слышали об экзотических южных животных, растениях, о жизни в жарких странах, да и о жизни в центральной России тоже знали весьма приблизительно. Наоборот, в 1980-е гг. дети уже плохо владели родным языком, как часто и их родители, и начинали изучать свой язык в школе как новый предмет, зато к жизни в советской стране стали уже привычны. К этому времени родной язык нигде не был языком обучения. К этому времени затухала и фольклорная традиция. Не случайно среди сказок нет ни одной селькупской сказки, но есть чукотская, мансийская, якутская и русская. В 1930-е и начале 1940-х годов дети сами рассказывали селькупские сказки на родном языке, которые записывали от них исследователи. Так, Л. А. Варковицкая записала в 1941 г. на Нижней Байхе от 14-летнего Гани (Гавриила Егоровича) Мантакова, ставшего впоследствии известным селькупским сказочником, о котором писала 22.01.1999 г. газета «Северный край», 26 (!) сказок, что невозможно представить себе в настоящее время.

В книге для чтения (во втором классе) Е. Д. Прокофьевой *Togylt'ptæt cāt' tantalt'psāt'yl laka* уже более 100 текстов; соотношение текстов изменилось в сторону увеличения тематики революционной и современной, касающейся жизни в городе, работы на заводе и т. п. (32 рассказа). Появились тексты о тяжелой прошлой жизни народа и о светлой жизни в настоящем, о кулаках и тракторах, о Красной Армии и героях, о лампочках электрических вместо керосиновых ламп, о радио и т. д. Много рассказывается о работе на огороде и о разных огородных культурах. Явно желая дать детям сведения биологического характера, автор книги приводит тексты о насекомых, о земноводных, о птицах, о животных, не встречающихся в тундре и тайге. Возросло количество текстов о природных явлениях и о жизни в тундре (более 40). Появились и обработанные автором селькупские сказки. В отличие от книг современных, в старых учебниках фактически нет стихов. Сами рассказы переводились на разные языки северных народов с единого стабильного учебника (переводы на селькупский язык обеих книг осуществлен Е. Д. Прокофьевой). Суммарно за два года обучения в начальной школе детям предлагалось прочитать около 190 текстов. Однако уже к концу 1930-х гг. ситуация изменилась. В 1940 г. появился букварь на кириллице (о передаче отдельных букв в этом букваре см. раздел III, примечания 14, 15 и текст, к которому даны примечания), после чего издание учебников для селькупской школы прекратилось, причем уже к началу 1950-х гг. преподавание в школе было переведено на русский язык, селькупский стал предметом изучения, а в середине того же десятилетия почти на 30 лет и вовсе исчез из школьной программы. Кириллическая азбука была заново составлена носителем языка С. И. Ириковым, который в 1986 г. выпустил новый учебник для 1 класса «Азбука». Если первые учебники были ориен-

тированы на красноселькупский говор селькупского языка, то учебная литература второй половины XX в. создавалась на основе раттовского говора.

Из приведенной аннотации на учебники 1930-х гг., данной в сопоставлении (даже самом поверхностном) с современными, видно, что произошло с селькупским языком, который сейчас присутствует в начальной школе как предмет изучения.

2. Современное школьное образование и условия, препятствующие воспроизводству селькупского языка. Как уже отмечалось, нежелание говорить с собственными детьми на селькупском языке сами селькупы объясняют тем, что в начальной школе детям (особенно в интернате) не разрешают говорить по-селькупски, чтобы легче усваивался русский язык. Из этих же соображений и родителям не рекомендуют разговаривать с детьми дома на родном языке. Между тем многие селькупы в Фарково хотят (по крайней мере, теоретически), чтобы их дети знали свой язык. Однако именно условия для осуществления данного желания отсутствуют, в связи с чем их следует, по возможности, создавать.

- К их числу относится, прежде всего, отношение родителей к данной проблеме. Дело в том, что родители запуганы трудностями, которые в свое время испытали на себе сами, возникающими при адаптации ребенка к русскоязычной школе, и либо совсем не говорят дома с детьми на родном языке, либо разговаривают мало, хотя друг с другом беседуют по-селькупски.
- В школе на селькупский язык отводится всего по 2 часа в неделю в начальных четырёх классах школы (в последнее время и того меньше — со 2-ого по 4 класс); в средней школе преподавание прекращается совсем.
- В младших классах обучение селькупскому языку ведется по учебникам, ориентированным на раттовский говор тазовского диалекта, и хотя старшее поколение, хорошо знающее язык, без труда понимает носителей красноселькупского и раттовского говоров, молодые учителя испытывают затруднения в работе с учениками по имеющимся учебникам, в которых не учтены особенности разных говоров северного (тазовско-туруханского) диалекта селькупского языка; нет никаких методических разработок, которые помогли бы им заменить специфические особенности в области фонетики и грамматики соседнего говора на черты, присущие родному говору. Впрочем, в 2002 г. появилось учебное пособие для педагогических колледжей и высших учебных заведений «Селькупский язык», в котором приводится таблица необходимых пересчетов с одного говора на другой [Кузнецова и др. 2002].
- Дети в школе фактически не слышат селькупской речи, поскольку селькупский язык — язык изучения, а не язык обучения, каковым

служит русский язык; школьники не знают селькупских сказок (а если знают, то только на русском языке) и в результате забывают даже то немногое, что усвоили в семье.

- Поразительно, что в поселке с селькупским населением, единственным во всем Туруханском районе, в курсе краеведения нет истории именно селькупского народа, хотя школьники знакомятся с историей многих древних племен и народов, населявших когда-то Сибирь (кетов, эвенков, ненцев, энцев, нганасан, даже вымерших камасинцев, маторов и др.) [Шейнфельд, Быконя 1981].

3. Условия, необходимые для изменения существующей языковой ситуации.

В недавно кончившееся десятилетие (1994–2004), объявленное ЮНЕСКО десятилетием малочисленных народов, большое внимание уделялось во всем мире и в нашей стране вопросам сохранения языков и культур миноритарных народов. В одних случаях достигнуты значительные успехи, поскольку сами коренные жители включились в данный процесс (напр., ханты и манси, ненцы и нганасаны, последние, правда, в меньшей мере). В других случаях улучшения едва заметны, как у селькупов, энцев, кетов, хотя какие-то сдвиги в этом направлении происходят. В последнее время стали говорить о гибридных культурах, развивающихся в условиях жизни в поселках и в лесу или тундре, о чем уже упоминалось. Многие люди и целые организации подключились к решению данной проблемы. Так, напр., ИНПО выпустило брошюру «Концепция этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера РФ» [М., 2001], где, в частности, обсуждаются два пути совершенствования школьного учебника для северной школы: улучшение существующих учебников родного языка или создание учебников нового поколения. Параллельно ставится вопрос о кадровом обеспечении северной школы; об организации учебного процесса в этнических северных школах, в кочевых и передвижных школах, в школах-интернатах семейного типа; рассматривается возможность очно-заочной формы обучения; идет здесь речь и о сбалансированности материала учебников для каждого последующего года обучения, о новой разработке структуры учебника, о пересмотре стратегии использования перевода с родного языка и на родной и о многом другом. Все чаще собираются конференции. Таковы, напр., Международные научные семинары в Новосибирске (2003 и 2004 гг.), на которых рассматривались вопросы создания учебников нового поколения не только для школ, но и для высших учебных заведений по языкам коренных народов Севера [Ильина 2004, с. 46–57; Кузнецова 2004b, с. 58–70].

Однако деятельность многочисленных организаций, стремящихся помочь малочисленным народам (в том числе селькупам), не исключает участия в процессе ревитализации языков этих этносов самих малочисленных

народов. Отсюда возникает вопрос, **как же относятся сами селькупы к своему языку и культуре**; хотят ли они что-либо предпринять, чтобы изменить ситуацию, и что для этого требуется делать.

Многочисленные беседы во время экспедиций со школьниками, их родителями, учителями, представителями районного отдела образования (РОО), знакомство с учебно-педагогической литературой для малочисленных народов и с методикой преподавания в начальной и средней школе позволяют сформулировать следующие претензии к школьному образованию коренных этносов Севера РФ.

- Как уже отмечалось (см. II.2), сами селькупы говорят, что язык «никуда не денется, только говорить надо побольше». Но для этого необходимо и в детском саду, и в начальной школе не запрещать, а наоборот, *разговаривать с детьми по-селькупски*⁹. Чтобы облегчить детям в дальнейшем обучение в школе, можно ввести для селькупских детей подготовительный класс, где постепенно приучать их к русскому языку.
- Совершенно необходимо вести селькупский язык как предмет изучения в течение всех лет обучения в школе (и не по 2 часа, а хотя бы по 4). Для желающих можно объявить еще и факультативные занятия. Разумно преподавать селькупский всем детям класса независимо от их национальности, как это делается и сейчас в Фарковской школе.
- Учитель должен на уроке разговаривать с учениками по-селькупски, предлагать школьникам вести диалог, читать на селькупском языке сказки. На первых порах селькупские сказки можно издавать на двух языках (правда, не в качестве учебной литературы). Последние годы на двух языках издаются сказки у хантов, манси, энцев, нганасан и многих других народов, но почему-то игнорируется эта практика для селькупов.
- Учитывая, что современное среднее и молодое поколения сами не владеют языком в совершенстве, следует организовать в школе лингфонный кабинет, где школьники могли бы слушать записанные от носителей старшего поколения, хорошо знающих селькупский язык, сказки, бытовые рассказы и т. п. В вузовской практике возможен и другой путь, которым пошли Н. Б. Кошкарева и В. Н. Соловар, написавшие пособие по лексике хантыйского языка: их учебник сопровождается аудио- и видеоприложениями. На ау-

⁹ В последнее время намечается перелом в отношении к селькупскому языку у его носителей в местах расселения как южных, так и северных селькупов. Напр., в пос. Тарко-Сале учительница младших классов, по ее собственным словам, старается говорить с учениками на уроках родного языка по-селькупски. В школе планируется довести изучение селькупского языка до 9 класса школы, но для этого требуется написать учебники и книги для чтения, пока отсутствующие.

диокассете полностью записан текст каждого урока (в том числе — диалоги, упражнения и отдельные слова и выражения); ко многим темам учебника даются видеофильмы, тексты которых приводятся в книге [Кошкарева, Соловар 2004].

- В помощь учителям селькупского языка надо писать методические указания и собирать учителей на специальные семинары или в ИНПО, или в Туруханске при РОО, повышая их квалификацию.
- В школьном курсе «История Красноярского края» требуется выделить какое-то количество часов для ознакомления школьников с историей аборигенного населения (в Фарково им являются селькупы). Такого рода занятия по географии расселения разных этносов на территории Красноярского края велись в пос. Бор. Школьники участвовали в соревнованиях с другими школами по этой теме. Разумно было бы проводить олимпиады по языковым, фольклорным темам.
- На уроках труда полезно возрождать народное искусство, обучать детей изготовлению изделий из бересты, коры и т. п. материалов, знакомить с традиционными орнаментами, раскрывать функциональное значение предметов женских рукоделий и т. д. Учитывая способность селькупских детей к рисованию, на что неоднократно обращали внимание многие исследователи-этнографы [Прокофьева 1961; Мягков 2001], необходимо стараться развивать у них именно эти способности.
- Желательно разработать методические пособия не только по языку и фольклору северных селькупов, но и по другим предметам, изучаемым в старших классах школы (например, пособия по биологии, этнографии, которые связаны с местной спецификой). Ср. соответствующее пособие В. И. Сподиной [1995]; пособие Н. М. Жунтовой [1996]; ср. также учебно-методический комплект «Уроки предков» М. И. Поповой, В. С. Момде, Л. А. Ершовой для школ Таймырского автономного округа [2002] и др.
- Наконец, необходимо обеспечивать школу школьными принадлежностями; совершенно не допустимо, чтобы у школьников не было тетрадей, ручек, карандашей, альбомов для рисования и проч., как это наблюдается сейчас в Фарковской школе.

Если подытожить все нарекания родителей, учителей и самих учащихся, становится очевидным, что все дело не только в политике русификации, но и в пассивности самого населения, в отсутствии инициаторов возрождения родного селькупского языка и культуры, которые нашлись в Ханты-Мансийском АО и которых пока слишком мало у селькупов. Нередко можно услышать и даже прочитать в местной прессе об иждивенческих настроениях коренного населения, которые следовало бы изживать. Статья в приложении к газете Туруханского района «Маяк Севера» так и названа: «Бесхитростные дети Севера уверены, что власть должна их всем обеспечивать» (автор неизвестен) [«Слово народов Севера» № 6, 2003, с. 4]. Од-

нако не менее очевидно, что желательна и помощь со стороны в целях возрождения и сохранения древней и своеобразной культуры селькупского этноса.

Все учебники и книги для чтения, существующие сейчас для селькупских школьников, плохо соответствуют создавшимся условиям и языковой ситуации в районах проживания селькупов. Требуются учебники нового типа, для которых можно использовать фрагменты и старых учебников, но для этого нужно готовить учителей новой формации, которые должны понимать свои задачи в новых условиях — условиях быстрого исчезновения селькупского языка. Преподавание по учебникам нового поколения требует подготовки учителей, способных ими пользоваться в процессе обучения детей. Однако политика в области образования вообще (в том числе и в Красноярском крае) и в Туруханском районе Красноярского края в частности вызывает большие нарекания со стороны широкой общественности, учителей, родителей.

5-й фактор: Средства массовой информации

Начиная с августа 1932 г. в Туруханске выходит общественно-политическая газета «Маяк Севера», имеющая ежемесячное приложение «Слово народов Севера», которые получают и в с. Фарково. К сожалению, даже когда в них печатаются сказки народов, населяющих туруханский район, в том числе, и селькупов, почти всё дается на русском языке, лишь изредка мелькнет сказка или появятся стихи Алитета Немтушкина на эвенкийском. Между тем пишущие высказывают порою трезвые мысли о необходимости поддерживать через школу, радио и газеты билингвизм в районе, где контакты носителей разных языков повсеместны. При этом ратующие за поддержку в районе билингвизма не учитывают, что в создавшихся условиях двуязычие является односторонним (унилатеральным), по словам Е. А. Хелимского [Helimski 1997, p. 79], когда речь идет о билингвизме аборигенного народа Сибири: напр., селькупы владеют родным и русским языком, но практически невозможно найти русского, говорящего по-селькупски. Билатеральное двуязычие встречается лишь у селькупов и кетов, в ряде районов у селькупов и хантов и некоторых других этносов данного ареала, но не среди русских, сплошь являющихся монолингвами.

При реально отсутствующем билингвизме у русскоязычного населения Западной Сибири обращают на себя внимание то и дело звучащие сейчас предложения ввести двуязычное образование. В 1930-е гг. в селькупской школе преподавание всех предметов велось на родном языке; разработанная тогда же письменность была основана на латинской основе. После перевода селькупского письма на русскую графику в 1937 г. обучение на селькупском языке «забуксовало», наступил краткий период свободного выбора языка образования, после которого в 1950-е гг. язык местного населения в школе перестал быть языком обучения, став языком изучения. Иными сло-

вами, в школе материнский язык уже не использовался в качестве языка образования [Shoji 1997, p. 65–67]. Фактическое отсутствие письменности (ее применение ограничивается лишь несколькими школьными учебниками) и официального использования языка ускоряет его утрату. Сходная ситуация в середине XIX в. была характерна для вепсов, у которых также не было письменности и официального использования языка, что, по меткому выражению Э. Лённрота, «ускоряет его гибель, подобно тому, как отсутствие фундамента и угловых камней сказывается на прочности дома». И далее: «Основу языка составляет литература, которая способствует его длительному сохранению, и если она не сумеет предотвратить исчезновение языка, то все же сохранит в себе его прекрасные приметы» [Лённрот 1955, с. 293]. К счастью, пророчество в отношении вепсов пока не сбылось. Что касается селькупов, то, не взирая на отсутствие билатерального двуязычия в районе проживания северных селькупов и обоих указанных Э. Лённротом сдерживающих разрушение языка факторов, в последнее время все чаще стали раздаваться голоса в поддержку двуязычной школы, понимаемой пишущими по-разному.

Так, методист районного управления образования С. Корсикова, обсуждая особенности северной школы на страницах ежемесячного приложения к газете «Маяк Севера» «Слово народов Севера» писала: «Наиболее приемлемой моделью национальной школы может стать двуязычная школа, в которой в качестве языка обучения используются оба языка (возможно, с некоторым отставанием русского языка). Это будет школа, где ни один язык не останется только в качестве учебного предмета, а оба будут полностью функционировать в полном объеме. При этом обеспечиваются более высокие темпы развития как родной, так и русской речи, а следовательно, и полноценное двуязычие. Двуязычие — это не только общение на двух языках, контакт двух языковых систем и двух речевых традиций, норм и этикетов, но и непрерывный диалог двух сложившихся менталитетов, эстетических идеалов, систем ценностей, диалог культур в самом широком смысле этого слова» [2003, № 3, с. 3–4]. Автор понимает, что сегодня программы для родных и русского языков разрабатываются независимо друг от друга как два самостоятельных предмета. По мнению С. Корсиковой, необходимо преодолеть этот разрыв и строить программы, исходя из того, что «родные и русский языки будут как компоненты двуязычия, которые являются конечной целью их изучения». К сожалению, автор не учитывает, что все остальные предметы (математика, физика, химия, история и др.) будут вестись, очевидно, на русском языке, а предметы национальных компонентов в школах Севера (география, ОБЖ, ИЗО) до сих пор, по признанию самого методиста, даже не обеспечены программами. Следовательно, перевес все равно останется на стороне русского языка, который будет сопровождать человека и во взрослой жизни.

Вопрос, поднятый С. Корсиковой о двуязычном образовании, давно обсуждается в мировой литературе, приводится много аргументов pro и contra; предлагаются самые разные варианты преподавания (напр., за каждым школьным предметом закрепить свой язык преподавания; чередовать два языка — язык большинства и язык меньшинства — по дням недели; в двуязычном образовании участвуют дети и меньшинств, и большинства, причем языком и обучения, и изучения может быть и тот, и другой язык, и т. д.) [Вахтин, Головкин 2004, с. 186–194]. В. М. Алпатов, обсуждая вопрос о языке обучения у народов Севера, говорит о том, что теоретически возможны четыре ответа: обучение в школе можно вести на материнском языке, на русском, на материнском и русском и ни на каком [Алпатов 2002, с. 197–198]. Последнее можно трактовать двояко: использовать какой-то третий язык в качестве языка обучения (то есть «ни на каком» из названных) или, следуя идеям лингвистической экологии, отказаться вообще от обучения детей автохтонного населения в школе. Во втором случае сохраняется тем самым их традиционная культура, пока еще теплящаяся у старшего поколения и у жителей, обитающих вне поселка, в результате чего у этноса оказываются сосуществующими гибридные культуры: «поселковая» и «лесная / тундровая».

От решения вопроса о сферах функционирования языка зависит очень многое. Особенно плохо, если этнический язык перестает быть языком домашнего общения. Мировой опыт показывает, что сохранение языка может произойти только в случае передачи родного языка в семье. Если прекратится воспроизводство языка в семье, то в школе при всех изменениях и улучшениях программ этнический язык в лучшем случае останется вторым языком, использование которого неминуемо будет угасать. Впрочем, влияние чужого языка (в данном случае — русского) на родной язык (в данном случае — селькупский) его взрослых носителей «зависит от их собственной установки на сохранение и поддержание языка» [Протасова 2004, с. 308]. Справедливость данного высказывания подтверждается единичными примерами селькупов старшего поколения, безвыездно живущих в лесу, лишь изредка навещаемых родственниками из Фарково и не только желающих сохранить, но и сохраняющих свой язык, свой образ жизни и верования.

III. Степень сохранности селькупского языка и уровни владения этническим языком

1. Вопрос о количестве уровней владения языком

В обширной социолингвистической литературе регулярно обсуждается вопрос о количестве говорящих на этническом языке (в данном случае — на селькупском). При этом цифры приводятся самые различные. Так, М. Краусс, комбинируя данные, приведенные (в процентах) в статьях Тапани Салминена [Salminen 1997, p. 100] и Юхи Янхунена [Janhunen 1991, p. 4–6], получает количество владеющих селькупским языком среди северных селькупов 1400 чел. включая детей; среди центральных (живущих на Тyme и Нарыме), — 150 говорящих, среди южных — 20 чел. [Krauss 1997, p. 21]. В социолингвистической энциклопедии «Письменные языки мира: Языки Российской Федерации» официальная версия дает другие цифры: 1797 чел. говорящих на данном языке в России. Однако в комментарии количество носителей селькупского языка указывается иное, а именно — 600 чел., причем ничего не говорится об уровне владения языком [ПЯМ 2003, с. 461]. Между тем это один из кардинальных вопросов при определении количества говорящих на этническом языке. Немногочисленные представители старшего поколения в с. Фарково достаточно хорошо владеют селькупским языком, а молодые стремительно забывают его. Степень владения языком оценить нелегко. Н. Б. Вахтин предлагает, напр., выделять семь уровней владения этническим языком.

- 1) Носитель языка говорит свободно (при этом не указывается объем слов, которыми пользуется говорящий, и остается неизвестным, что подразумевается под словом «свободно». — *А. К.*);
- 2) говорит (без всяких комментариев. — *А. К.*);
- 3) говорит с погрешностями (неясно, какого рода. — *А. К.*);
- 4) говорит ломаным языком (чем отличаются *погрешности* от *ломаного языка*, можно только предполагать. — *А. К.*);
- 5) понимает всё;
- 6) понимает общий смысл;
- 7) не знает языка [Вахтин 2001, с. 121].

Автор настоящей работы старается избегать прямых оценок речи информантов, но если оценивать речь носителей языка в тройной градации («хорошо, средне, плохо»), то мнение «говорит хорошо» будет соответствовать, по всей видимости, первому и второму уровню оценки Н. Б. Вахтина; «говорит средне», скорее всего, — третьей характеристике (при этом в речи говорящего бывает много грамматических ошибок, забываются многие селькупские слова, заметно затруднение в выражении мысли); «говорит

плохо» равно четвертому уровню владения языком, при котором человек, допуская многочисленные ошибки в своей речи, часто обращается за помощью, просит подсказать забытое им слово, то и дело переходит на русский язык, предпочитая всегда пользоваться им. При этом интересно отметить, что в определенных ситуациях человек, хорошо владеющий языком, тоже может обращаться за помощью и переходить на русский язык. Блестяще владеющих языком — единицы; всё это удалось выявить, используя различную методику, о чем будет рассказано в разделе IV данной книги. Определение степени понимания языка без говорения требует особой методики, но такой задачи не ставилось, хотя этот вопрос интересен. Слушающий может улавливать лишь тему разговора в самых общих чертах или, наоборот, понимать некоторые фрагменты речи говорящего или опознавать только отдельные слова. Для выяснения намеченных уровней понимания должны быть разработаны специальные методы исследования.

Если учесть, что в с. Фарково на грани тысячелетий селькупов старше 55 лет (по сведениям, полученным в сельсовете — см. таблицу 1) всего 13 чел. (7 женщин и 6 мужчин), а детей и подростков до 16 лет — 97 чел., то становится очевидным, что вся ответственность за сохранность селькупского языка ложится на среднее поколение (представителей которого в поселке 103 чел. и которое само весьма неоднородно в языковом отношении). Те, которым сейчас 38–55 лет, еще говорят на селькупском языке, хотя запас селькупских слов ограничен словами повседневного общения, часты вкрапления в селькупскую речь русских слов (особенно много служебных слов русского происхождения). Из числительных сохранились названия лишь первого десятка, да и те вспоминаются с трудом, а названия чисел 9 и 8 утрачены совершенно (редчайшие исключения лишь подтверждают правила). Большое влияние со стороны русского языка испытывает селькупский синтаксис (см. подробнее раздел V.2.11).

Заметное ухудшение во владении языком наблюдается у средне-молодого поколения (37–25 лет). Совсем плохо знают язык в возрасте до 25 лет, причем молодые люди, плохо владеющие родным языком, далеко не всегда признают этот факт. Быстро идущее забвение родного языка сказывается также на появлении людей, которые понимают, но не говорят на селькупском языке и, само собой, не говорят с детьми на родном языке.

Возможно ли изменить сложившуюся патовую ситуацию, и что необходимо делать для осуществления естественного желания селькупов (к сожалению, далеко не всех) сохранить свой родной язык и замечательный фольклор, фактически не известный молодому поколению и полузабытый старшим?

Даже если язык рано или поздно обречен на вымирание, судя по его теперешнему бедственному состоянию, следует сделать все возможное для того, чтобы это произошло как можно позже. Для этого необходимо изме-

нить само отношение к малочисленным народам со стороны, постараться пробудить их инициативу и помочь переломить наметившуюся тенденцию к вымиранию языка, улучшив языковую ситуацию.

2. Методики, позволяющие определить уровень владения языком и степень его сохранности

Какой уровень владения языком является критическим, после чего можно говорить о начинающейся утрате языка? Что означает выражение «утратить, забыть язык»? В чем проявляется разрушение языка? Какими путями происходит «расшатывание» языковой структуры, в каком направлении оно идет и как все это можно установить? Чтобы ответить на эти и подобные им вопросы, относящиеся к языку малочисленного этноса, нередко называемому «исчезающим», необходимо проанализировать значительный корпус текстов и сопоставить его с записями прошлых лет (если не веков, то хотя бы десятилетий). Это, к счастью, можно сделать, поскольку сохранились в достаточном количестве тексты северных селькупов, частично изданные (материалы М. А. Кастрена XIX в., Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых первой половины XX века), частично находящиеся в доступном для работы архиве Л. А. Варковицкой 20-х — 40-х гг. XX века. (Архив включает как ее собственные записи, так и материалы Г. Н. Прокофьева; описание архива см. [Кузнецова, Хелимский 1989]). Материалы 80-ти и 60-летней давности, не говоря о записях Кастрена, представляют собой в основном фольклорные тексты с небольшим количеством рассказов бытового характера. Материал, привлекаемый для данной работы и собираемый разными способами для разных целей от разных информантов разными исследователями, также может оказаться недостаточным для ответа на поставленные вопросы. Тем не менее, следует попробовать получить эти ответы, используя все доступные приемы: запись произведений фольклора и спонтанной речи (в том числе — диалогов, что прежде делалось очень редко, хотя записи историй из жизни человека — явление распространенное); перевод отдельных предложений или небольших сказок с русского на селькупский и обратно; рассказ по картинке; свободный пересказ прочитанного текста (как селькупского, что далеко не каждому было под силу, так и русского) и др. Особый интерес вызывает самозапись информантом бытового рассказа или сказки.

В эксперименте по установлению уровня владения родным языком участвовало 20 человек, которым предлагались разного типа «задачи»:

- прочитать селькупский текст в книге (некоторые информанты из числа хорошо знающих язык могли читать текст и на латинице, используемой в 30-е гг. XX в.) и пересказать его на селькупском языке. Это давало возможность увидеть разницу в грамматике за истекшие полстолетия, услышать критику информантов, которые

уверяли, что «так теперь не говорят» и уточняли иногда значения и формы слов;

- не читая текста, дать свой рассказ по картинке, свою интерпретацию увиденного на рисунке, что оказалось связанным не столько со знанием языка, сколько с творческими способностями говорящего, с его воображением;
- перевести с русского языка на селькупский небольшую сказку, записанную в свое время от туруханских селькупов, иногда известную информанту, но в ином варианте, иногда впервые услышанную, и сравнить, восстанавливаются ли (и в какой степени однозначно) при обратном переводе грамматические формы отдельных слов и сам первоначальный текст, что также является свидетельством знания языка и / или его изменения.

Записанные на диктофон диалоги и рассказы (по картинкам и спонтанные бытовые) предлагалось расшифровывать и переводить другим носителям языка, порою вступавшим в «спор» с автором текстов, поправлявшим его. Возникла возможность разночтения, которая требовала проверки в дальнейшем у других информантов.

Анализировались диалоги, участники которых говорили на разных языках — русском и селькупском, взаимно понимая друг друга (обычно собеседник, говорящий по-русски, селькупским владел хуже или совсем не знал его, хотя отмечены случаи обращения селькупа к русскому языку из соображений вежливости, если рядом находился человек, не понимающий селькупскую речь).

Запись спонтанных текстов на магнитофон, которая потом расшифровывалась лингвистами или другими носителями языка, перемежалась и дополнялась записью под диктовку, вручную, как это делалось многими исследователями в старое время, начиная с А. М. Кастрена и кончая записями Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, Л. А. Варковицкой и многих других лингвистов, оставивших нам селькупские тексты. Есть свои плюсы и минусы у того и другого способа сбора материала, поэтому учитывать их необходимо оба.

Селькупские звуковые материалы (в отличие, напр., от обско-угорских и ненецких), собиравшиеся на протяжении всего XX в. (в частности, исследователями 1920–1930-х гг.) и хранящиеся в Фонограммархиве Пушкинского Дома (Института русской литературы РАН), немногочисленны. Среди четырех записей в коллекции № 449, выполненных на восковых валиках (фонографических цилиндрах), две представляют собой шаманские песнопения. Записи были произведены в 1939 г. в Игарке Туруханского района Красноярского края студентом Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского В. В. Малиным (см. [Коллекции народов Севера... 2005, с. 22, 28]).

В отдельных случаях можно извлечь пользу из записанного самим информантом какого-либо текста (чаще всего бытового рассказа), поскольку носитель языка в отличие от записывающего лингвиста, часто сомневающегося в звучании отдельных слов, обычно хорошо идентифицирует неясно произносимые им самим звуки. Правда, есть опасность, что слово при этом будет писаться носителем языка в его полной, а не усеченной форме, характерной для аллеговой устной речи, или будет написано так, как требуется писать в школьном учебнике, в то время как сам информант произносит слово иначе.

Наконец, текстовой сбор материала необходимо было дополнять сбором материала по вопросам, по лингвистическим анкетам. Это дало возможность сосредоточить внимание на определенных грамматических категориях, на изменениях в определенной области лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса, собрать дополнительный материал по интересующим исследователя вопросам, установить категории и слова, находящиеся на грани исчезновения.

Во всех этих случаях, чтобы выявить степень сохранности языка и уровень владения им, нельзя было игнорировать также психолингвистический подход к анализу селькупских текстов, о чем особо пойдет речь в разделе IV.

Рассмотрение перечисленных приемов работы с селькупам (носителями языка) позволило установить не только высокий (к сожалению, правда, не всегда) уровень сохранности языка у представителей старшего (как правило) поколения, но и выявить различные уровни владения языком, определить стадии забвения родного языка. Разнообразие использованных методик работы с информантами дало возможность сделать выводы о степени сохранности в с. Фарково селькупского языка, представляющего собой говор тазовско-туруханского диалекта северных селькупов. Анализ языкового материала, исследование процессов интерференции на фонетическом и грамматическом уровнях; рассмотрение случаев колебаний (гезитации, по терминологии психолингвистов) в построении предложений, в выборе грамматических форм, изучение смены кодов и т. д., — всё это помогло получить ответ на многие вопросы, касающиеся уровня владения селькупским языком в зависимости от поколения, от уровня образования говорящих и места их проживания (в поселке и / или в лесу). То, что в последнее время часто называют обобщающим термином «языковой сдвиг» (подробное описание данного понятия см. в работах [Вахтин 2001; Вахтин, Головкин 2004]), можно уточнить, показав на конкретных примерах различные стадии не только в изменении родного языка, но и в отношении к нему людей разных поколений и разного уровня образования.

Далее приводятся результаты применения различных методик, с помощью которых определялся уровень владения языком того или иного носителя языка.

1. Запись спонтанной речи (в том числе диалогов)

При самом поверхностном взгляде на язык билингва в районе проживания смешанного населения обращает на себя внимание прежде всего свободное переключение билингва с одного языка на другой в области лексики, причем в первую очередь заимствуются служебные слова, что связано с изменениями в синтаксических конструкциях селькупского языка под влиянием русского, из которого и берутся союзы, частицы, модальные слова. Знаменательная лексика родного языка обладает большей устойчивостью по сравнению со служебной, но в памяти носителя языка (особенно в языке молодого поколения) остался уже очень тонкий пласт повседневных слов. Среди селькупов нередко возникают споры касательно правильного / неправильного употребления того или иного слова и его значения; вместо забытых слов в селькупскую фразу вставляется русское слово, оформляемое то селькупским, то русским окончанием.

На улице и в домах можно слышать диалог на двух языках (вопрос — на русском языке, ответная реплика — на селькупском, или наоборот), что типично не только для русско-селькупского билингвизма, но и для других языков, находящихся в контакте [см. Кузнецова 1973, с. 137, 138, 140].

Например:

— Сколько *kätyl-ej* брать? (*kätyl* 'туесок', окончание русское! — *A. K.*)

— Пять.

— *Qomba eja?* ('Деньги есть?') — Нету. Или наоборот:

— Деньги есть? — *Säñka!* ('Нет!').

Хотя селькупы уверяют, что они обычно «подстраиваются» под собеседника (на каком языке с ними заговорят, на таком они и отвечают), на самом деле это далеко не всегда так; на вопрос, заданный по-русски, нередко ответ можно услышать по-селькупски (и наоборот, как в приведенных выше и следующих примерах):

— Сколько времени Вы проводите в лесу? (вопрос задан охотнику).

— *Tetty — sompyl'a iräty* ('Четыре — пять месяцев').

— А когда уезжаете туда и когда возвращаетесь?

— *ŠoButyl' iräqyt qənnak i kəgä iräqyt moquñä tüja* ('В сентябре (букв. 'в месяц листьев') уезжаю и в марте (букв. 'в вороний месяц') домой приезжаю'). Обычно март зовут орлиным месяцем (*lįmru iräty*), а сентябрь — месяцем без листьев (*šörykutył' iräty*. — *A. K.*).

— А почему именно в эти месяцы?

— *Šötty minyrlä qənqañ, suryt čäñka* — и срок кончился. ('В лес охотиться отправляюсь, зверя нет (букв. 'зверь отсутствует') — и срок кончился').

— А как до Туруханска добираетесь? (уголья охотника находятся за Туруханском. — *A. K.*).

— Omyčel vertoletsä. Tī qomtä čäŋka. (‘Иногда вертолетом. Сейчас денег нет’).

— Кто-нибудь живет поблизости?

— Ni kuty čäŋka. Ni kutyka təččəqyt čäŋka. Onen kepy ilak (‘Никого нет. Никого поблизости нет. Сам по себе живу’).

— А на кого Вы охотитесь?

— Kutyka qaltyra, kutyka tmīpa: ondatry, täpäk, sī, päqa, ätä, siBa... (‘Кто бегаёт, кто летает: ондатра, белка, соболь, лось, олень, утка...’). Сейчас я собираюсь, у меня нет времени, а te tymty mōtqyt ėmtuŋyl, tentuŋyl, qoj notna kəntuŋyl. Məkke надо söttü qəŋqo, čelom čäŋka. (‘...а вы здесь в доме сидите, рассказывайте, что надо, говорите. Мне надо в лес идти, дня нет’).

Среди жителей Фарково, разговаривающих между собой поселькупски, один может неожиданно перейти на русский язык, как в следующем диалоге, записанном на улице села:

— Kətyl’ šütqo notna, а мумВул’ ni kut čäŋka (‘Тыес шить надо, а наперстка нигде нет’).

— Val’kətkin Кукушкиной qəssa? (‘К Вальке Кукушкиной ходила?’).

— Qəntyk ma qənta! Я не могу! (‘Как я ходила! Я не могу!’). Imaqota nil’čik tomnytu, myta мумВул’ čäŋka. Kətyl’ myta šütqo notna (‘Старуха так говорит, будто наперстка нет. Тыес, будто, шить надо’).

— Может, у Нины Павловны есть?

— Откуда у нее? Aš tənumat (‘Не знаю’).

— А, ага!

— Nil’čil’ ūry əsymra (‘Такое дело случилось’). Мумпул’kəl’ əsysa (‘Без наперстка осталась’). Мумпул’му ijəl’am s’ötty qəntysyt (‘Все наперстки мой парень в лес увез’). Ремур sütqo notna, imamty s’ötta ažə iqol’čimpat (‘Пимы шить надо, жену свою в лес не берет’). Onty s’üttyqol’čimpat ремур, вот поэтому мумпул’ s’ötqyt; tymty ni qaj čäŋka (‘Сам собирается шить пимы, вот поэтому наперстки в лесу; здесь ничего нет’).

— Ну ладно, бабка, ладно, я пошла.

В селькупскую фразу могут быть вставлены не только отдельные русские слова¹⁰ (как в последнем предложении приведенного выше диалога),

¹⁰ В XIX в. любые иноязычные вкрапления в родной язык обычно называли заимствованиями (будь то отдельные слова или целые выражения) и ограничивались констатацией этого факта. В XX в. в результате сформировавшегося на определенном этапе развития лингвистики учения о языковых контактах речь стала идти об интерференции (часто двусторонней), о смене кодов, постепенно приводящих к языковому сдвигу и массе вытекающих отсюда проблем, которые рассматриваться здесь не будут.

часто оформляемые селькупскими грамматическими показателями, но и целые сочетания слов, легко развертываемые в придаточные предложения:

- Ма роҕоҕом, *зимой одию*, ity qəsyɫ' ʈʉВунᵒᵒᵒ 'Мою парку, (которую) зимой одеваю, сними с железного гвоздя' (обращение жены к мужу. — А. К.).

- Арсур *мине* тай! 'Пищу мне дай!'

- Кэт *каждый* pitqo ʃasuyɛɛɛ 'Зимой ночами холодно' (букв.: 'каждой ночью холодно'). Русское вкрапление слова *каждый* в селькупский текст имеет форму мужского рода, что типично для селькупов, в языке которых нет грамматического рода.

- Яма-nty tör qösyty 'В яму бересту бросал'; Тэр passa яма-nty 'Он залез в яму'. Информант (1936 г. р.) забыл, как по-селькупски будет слово *яма*. Через три дня вспомнил, что забытое слово селькупского языка — кăĵ, о чем и сообщил. Следует отметить, что селькуп, живущий в лесу, но относящийся к среднему поколению, 1955 г. р., ни секунды не задумывался над переводом слова *яма* — qəĵ: Тэр patqyɫsa qəĵᵒᵒᵒDu 'Он залез в яму', Тэр taqsyt qəĵᵒᵒᵒp tətysa 'Он забросал яму земель'.

- Kotyl'topyr *била черпаком*. Голубика (им. п., как и в селькупском слове) *била* kujamsa; kujam *это биток*. (Повтор и последующее разъяснение слова, которое может оказаться непонятным собеседнику, типичны для селькупской речи).

- Mat ʃattysam por *окошка-nty* 'Я бросил палку в окошко'.

- Mat pattysap por *печи* ʃoty 'Я разрубил дерево для печки'.

- Qamtaty ütup *кастрюлька-nty!* 'Налей воду в кастрюльку!' (окончание ошибочно. — А. К.).

- Оте[c] я кукаᵒ 'Отца я люблю'.

- Iraqota orsa qutalsa, *не может* nylleqontoqo koptyᵒᵒᵒ 'Старик сильно (очень) заболел, не может встать с постели' и др.

2. Порождение текста и составление рассказа по картинке на селькупском языке

Если на уровне повседневного общения молодые селькупы еще как-то в состоянии поддержать примитивный разговор, то составить связный текст, пересказать увиденное или услышанное для большинства является непреодолимой трудностью. Глядя на какую-либо картинку, молодежь школьного возраста (старших классов) в лучшем случае в состоянии назвать лишь несколько предметов, изображенных на рисунке, и не в состоянии, как правило, назвать ни одного глагола, обозначающего то или иное действие.

В качестве примера можно привести рассказы по картинке нескольких человек, достаточно хорошо знающих селькупский язык, и сравнить с «рассказами» нескольких девочек, коллективно вспоминающих лишь отдельные селькупские слова.

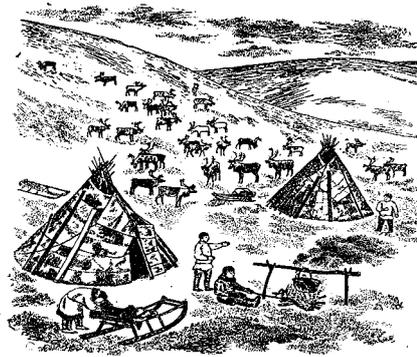
Na qætrɨ| mʲɔt qaj qætrɨntʲ?

Qucsetʲɔp pamtʲ ɛppa? Naroqʲt-li,
nasocʲt-li?
Kussaɔp pamtʲ ɛppa? Tarɨp-li,
ɛat-li, kæt-li?
Tarɨt qumɨt qaim mekatɨt?

Рисунок 2.

Na qætrɨ| mʲɔt qaj qætrɨntʲ?

Atæsmʲ| qumɨt tarɨt kut ilätʲt.
Naroqʲt-li ilätʲt?
Masocʲt-li ilätʲt?
Tarɨt qaj| utɨ| rom mekʲalim-
pätʲt?

Рисунок 3.

(По техническим причинам не пропечатались буквы начальных слов под рис. 2 во 2-й 4-й строках. Должно быть: masocʲt-li и arat-li.)

Рассказ КГП (1949 г. р.): «На стойбище: ловля рыбы неводом» и «Выпас оленей» (см. рис. 2–3). Рассказчик описывает сразу обе картинки, перекачивая с одной на другую. Рассказ ведется монотонно, почти без всяких пауз. Много назывных предложений (это характерно и для других рассказчиков), а также предложений в (2–3) ± 1 слово, что типично для старых селькупских сказок [см. Кузнецова 1999, с. 96–98]:

^wOlqa mɔt. Mɔtqop süta mɔtqopyña. Ätäija pintyty kuššat qora paškæt ätälmɔtty purqop pinqät. Torñija tymty qumyt aral *momčik* näqässä paqqysä. Qaddup näqqəlqot. *Tut* anty, alakol'my tottelympɔt и aloqa mössa ilɔt.

Irakota antsä tuña, alakosä tuña. A tymty ataltympra sätarqyt. *Это нарточки, от зимы остались.* Ätäija pintyt. Ara pas'qo kyt qanty ... ara pas'qo mɔtɨqɔtyt *когда* ütym passerka kyt qanty(qyt) karrä. (Видимо, рассказчик оговорился: речь должна идти не об осени (ara), а о лете (tarɨ). — *А. К.*)

Буквальный перевод: «Просто чум. Нюк сшил чум поставил. Оленят положат когда (то есть когда отел кончится. — *А. К.*), олени отойдут в олений дом дымокур кладут. Телята здесь люди осенний *момчик* тянут (неводят) ставной сетью. Ельца тянут. Тут ветка, лодки стоят и лодка с домом находится (букв. 'живет'). Старик на ветке (букв. 'веткой') гребет, на лодке (букв. 'лодкой') гребет. А здесь показано весной (Loc.Sg). Это нарточки, от зимы остались. Телят положат. Осень (должно быть лето. — *А. К.*) от-

крыться берег реки... осень (= лето) открыться чум поставят когда вода откроется на берегу реки на видное место».

В «причесанном» виде этот перевод может выглядеть следующим образом:

«Это просто чум: нюк сшил, чум поставил. Когда отел кончится, олени пойдут в олений сарай. Дымокур кладут — телята здесь (сюда от комаров приходят. — *А. К.*), люди. Осенью момчика тянут ставной сетью, ельца неводят. (Елец — рыба *Surginus leuciscus*, из семейства карповых. Местное название *момчик* (*А. К.*), возможно, из хант. *möytəu* [Аникин 2000, с. 392]). Тут челнок, лодки стоят (на плаву), и лодка рядом с домом находится. Старик на лодке гребет. А здесь показана весна. Это нарточки, которые после зимы остались. Отел кончился. Осенью (видимо, это оговорка. — *А. К.*), когда вода откроется, на берегу реки на видном месте чум поставят».

Данный буквальный перевод с селькупского расходится с *рассказом КГП* по этой же картинке *на русском языке*. Русский текст (отточия означают небольшую паузу в речи информанта) содержит некоторые вариации по сравнению с тем, что сначала было рассказано чуть подробнее по-селькупски:

«Простой чум. Отел кончается, когда переезжают (далее пропущен предлог *на*. — *А. К.*) летнее стойбище, дымокур кладут... Елец ловят, неведятся сетью... Момчик елец. Ловят неводом. Тут ветка, лодки стоят... Старик гребет. Это нарточки, от зимы что остались. Отел... Осень, перекочевать надо... Чум ставят, когда вода сойдет, ближе к берегу реки».

Обращает на себя внимание тот факт, что текст на русском языке составлен более грамотно, чем на родном селькупском, и рассказывается без запинок и повторов. Невольно вспоминаются приведенные выше слова селькупки: «мы на окончания не обращаем внимания. То так скажу по-своему, то этак, сама и не знаю». Колебания наблюдаются не только при выборе окончаний, но и в произношении слов, причем, фонетические различия в произносимых словах могут быть как у одного и того же информанта, так и у разных. Напр, слово со значением ‘елец’ звучит в устах одного информанта как *qəDDyр* (Асс.), другого — как *qynDyр*, а в Словаре Ф. Г. Мальцова, отражающем селькупский язык начала XX в., — как *конды(ль)-коль* [Helimski & Kahrs 2001, p. 19].

Рассказ по тем же картинкам КВП (1946 г. р.): «На стойбище: ловля рыбы неводом» и «Выпас оленей» (Рис. 2–3).

ÄDäl mōt. Хозяин / *tüqwōtyt*, *purqy mēqōt*. Ätä *purqonty lättymōtpa torñijatyp ñeñäqa aš yka ammēñynty*. Tymdy / *arat qumyt tymdy näqetōt*. Näkätsa *poqqysä qyndyp näqqylqwōt*. Тут *antyty*, *alakolmy tottelypōat*. *ōlqal mōtsä ilōt* (через некоторое время исправляет: надо — *tañyl' mōt*). Tymdy *tañyl' numyt sünčī* показывают. Tymdy *qur irakota andysä tuña andysä / alakosä*. Tymdy *atylDympa sätyrqyt*. *Kušat ätäñjat pintyt, ñäroqyt pindyty*. А *tyk karrä pašqwōt*, *kyt qanqyt pašqwōt üt ñnä* откроются *passēnta / paššēika*.

Буквальный перевод: Олений чум. Хозяин, приходят, дымокур кладут. К оленьему дымокуру лезут (чтобы) телят комар не не заел. Здесь, осенью люди здесь неводят. Ставной сетью елец вытаскивают. Тут ветка, лодки стоят (рядом) с простым чумом (чуть позднее было сказано: надо — летний чум. — *А. К.*) стоят (букв. 'живут'). Здесь внутри летнего неба (то есть 'летом'. — *А. К.*) показывают. Здесь человек старик на ветке (букв. 'веткой, челноком') гребет веткой, лодкой. Здесь показана весна. Когда бывает отел, в тундре телятся (букв. 'когда телята лягут, в тундре положат'). А сюда вниз спускаются, на берег реки сходят вода вниз откроются сойдет сойдет (колебания в выборе формы, вторая неправильная. — *А. К.*).

Дочь **КВП** 1977 г. р. смогла вспомнить всего около 20 слов, иногда — в каком-либо падеже, считая такое слово за исходную форму, напр., matqut 'дом' (вместо mātqut 'в доме', Loc.Sg), lapka-nty 'лавка' (вместо 'в лавке'; Pl.Sg). Слово *олень* оказалось забытым; вспомнились слова kan-ija 'щенок' (которое было переведено как 'собаки'), ijala 'мальчик', pil'da 'сковорода' (скорее всего это слово осталось в памяти только потому, что является прозвищем одной жительницы села) и некоторые другие. Из числительных известно три первых. По признанию самой селькупки, она «слышать слышит, а разговаривать — так, некоторые слова».

Запас селькупских слов у дочери **КП** (1980 г. р.) чуть больше, чем у дочери **КВП**, но тоже невелик: alako 'лодка' (с неправильным ударением на втором слоге вместо первого), andy 'ветка' (челнок), lapy 'весло' (ср. lapy 'лопата' в словаре Ф. Г. Мальцова [Helimski, Kahrs 2001, с. 95]), ima 'женщина', imaqota 'старуха', ira 'мужчина', iraqota 'старик', ky 'река', guš '1. русский; 2. приезжий', čely '1. день; 2. солнце', sötty 'в лес', söttyt 'в лесу'; про слово to было сказано 'знаю, но только забыла', как и о слове roqyulaka и нескольких других.

Последние два примера — яркое свидетельство прекращения передачи языка в семье, причем в первом случае ребенок до школы рос в семье в атмосфере поселка, а во втором — в лесу, где родители, по крайней мере, между собой говорили по-селькупски, чем и можно объяснить лучшее знание слов у данного информанта.

Рассказ по картинке КМГ (1940 г. р.): «На стойбище: ловля рыбы неводом» (см. рис. 2). (Дешифровка самого автора рассказа). Хорошо знающая родной язык КМГ, свободно им владеющая, рассказывающая истории из собственной жизни, отвечающая на вопросы анкеты, оказалась не склонной к «сочинительству» рассказа по картинке. Данный факт приходится учитывать, устанавливая степень владения языком: знание языка не коррелирует с воображением человека, с его умением, способностью / неспособностью сочинить рассказ по картинке, описать, что происходит, а не просто перечислить нарисованные предметы.

«Так. Somryla māt, но не знаю, māt какой, māt qa берестяной, qa палаточный ну здесь непонятно. Нн... Alako. n̄qyul alako где-то нн... Как это

речка-то? (вопрос к мужу БАЕ: Qajndyk kətyqo qa ku или как? Ответ из другой комнаты: Ну! 'да'). Ку или как, или или, ку или как? Как это вот это по... по-своему. Вот это... (показывает пришедшему мужу на речку с лодками. Он: Где?) Ну вот это вот, вот вот эт идет? Ку... возле речки, ну как возле речки или как... Я и сама не знаю даже... не знаю, что делать... возле речки наверно. А tymdy вот это nā... это это nāqā... nāqāks... как это — nāqāssa roqqu, что ли? (ответ мужа: Ага.). Неводят, roqur čattympōt, nāqāssa roqur čattymroatyt. Так. Ну, ukur, ukur, где-то, куда-то. А... Ну-ну как один alakosa, он как один поедет? Ветка, на ветке дорогой поехал, а он куда едет-то веткой вниз? [смех] Да, ой, я не могу. (А. К. напоминает: говорите по-селькупски, по-селькупски). А... Alakosa ukur, ukurnyl qa qənda, qa в другую, на другую сторону на лодке, ну на лодке alakosa i qənda... Берег как сказать, как сказать берег, берег qantu?... qanurmyla qənta или как? Вот так. Так. Ну чего еще вам? Кəта. Всё».

Начав рассказ по-селькупски (sompyl'a mōt 'пять чумов'), информант сразу же стала сбиваться на рассказ по-русски. В результате получилось что-то похожее на синхронный самоперевод. Записанный текст служит прекрасной демонстрацией процесса речепорождения как на родном, так и на неродном языке, отражает напряженность психологического состояния говорящего, спадающую к концу, что доказывает завершение рассказа селькупским kəta 'сказала' (об этом подробнее см. дальше, раздел IV). Следует, безусловно, учитывать также фактор присутствия исследователя, носителя русского языка, что может провоцировать рассказчика-селькупа переходить на русский язык. Кроме того, исследователь дает установку говорить по-селькупски, в результате чего информант возвращается на родной язык¹¹.

Рассказы по одной и той же картинке, взятой из книги для чтения «Тогылтпытæt сātъ» П. Н. Жулева 1934 г., свидетельствуют также, с одной стороны, о встречающемся абсолютно у всех информантов (в большей или меньшей степени) смещении кодов. При этом наряду со смешением русских и селькупских слов, изредка встречается и гибридное словообразование. С другой стороны (и в этом случае выявляется лучшее владение в целом русским языком), при рассказе на русском языке у представителей среднего поколения почти нет повторов, не вспоминаются мучительно отдельные слова, не страдает грамматика в такой мере, как в селькупском тексте, нередко больше используется деталей.

Книга для чтения по селькупскому языку на латинице [Жулев 1934, с. 14–15], в составлении которой принимали участие Г. Д. Вербов и Т. С. Карпова, а тексты перевела на селькупский язык Е. Д. Прокофьева, была ут-

¹¹ Аналогичная ситуация отмечена А. Ю. Русаковым в его исследовании севернорусского диалекта цыганского языка [Русаков 2004, с. 82].

верждена в качестве учебника, используемого на первом году обучения (!) в селькупской школе. Насколько упал уровень владения родным языком к концу 1980-х гг. свидетельствуют учебники и книги для чтения С. И. Ирикова и его соавторов. В учебной литературе 1980-х гг. меньше текстов, однообразнее лексика, много русских заимствований, беднее в целом лексический запас слов, а дети (судя по методическим указаниям) учатся только читать, «без понимания», каковое планируется, по инструкции, лишь на третий год обучения.

В период летних каникул во время опроса нескольких школьников по материалу, недавно пройденному в закончившемся учебном году, выяснилось, что дети способны прочитать выбранный ими самими текст из учебника, но не в состоянии перевести его. В лучшем случае приблизительно помнят его содержание и могут назвать несколько знакомых им слов. Среди учеников были чистокровные селькупы, родители которых уже не пользуются селькупским, одна русская девочка и дети от смешанных браков (один из которых сказал, что хочет быть учителем селькупского языка). Результаты опроса оказались плачевными; пятеро детей суммарно назвали 28 селькупских слов, допуская в них ошибки и произнося некоторые слова с разным или неправильным ударением: lwoká и loká ‘лиса’, kapak ‘собака’ (с двумя разными ударениями), qur ‘человек’, nãtäja ‘девочка’ (здесь и в двух других словах суффикс -ja вместо местного -l’a используется в учебнике, ориентированном на ратговский говор тазовского диалекта), qorqu ‘медведь’, siBa ‘утка’, čely ‘день и солнце’, ama ‘мама’, ara ‘папа’, sompu! ‘а пять’, tetty ‘четыре’, situquja ‘двойка’, nãqug ‘три’, il’ča ‘дедушка’, imaqota ‘бабушка’, ija ‘мальчик’, torova ‘здравствуйте!’, omtyčas ‘садитесь!’, somak ‘хорошо’, solak ‘ложка’, kät ‘зима’, kätynyt ‘говорит’, apsy ‘еда, продукты’, aqsyl ‘гриб’, suruja ‘птица’. Дальнейшее изучение селькупского языка по окончании начальной школы не предусматривается.

Ниже приводится текст в графике 1930-х гг., записанный латиницей, из уже упоминаемой книги для чтения П. Н. Жулева [Жулев 1934, с. 14]. Текст дан под картинкой (см. рис. 4), на которой изображен медведь в реке, ловящий рыбу, и двое детей, наблюдающих за ним из-за кустов (знак 8 соответствует Š, Y передает ü, c = č, а Ъ означает в кириллической транслитерации Ъ):

Ukkьrcontоqьt Maɾja aj Miða ŋarontь palqalæ qənnāq̄i. Ŋaroqьt kь kə8impa. Ŋaroqьt palqap koc eŋa. Maɾja aj Miða palqap taqqylqolamnāq̄i. Miða kьntь manteja. Ukkьrcontоqьt kьqьt qorqьr kontьrntь. Qorqь utqьt nьr̄kylæ uttь manьmpa. Miða aj Maɾja nir̄kьmallæ ŋarqyl’ mьn putontь etteisāq̄i. Təpəqь qorqьnnānь eпьsāq̄i. Qorqь cukur!’ap oq̄yllæ pulæ ammeisьt. Nьnь qorqь 8iq̄ylæ əlpə qəssa. Maɾja aj Miða moqьnæ paktьsāq̄i. Mātq̄ntij laŋkyl’alolejsāq̄i.

— Qorqь kьqьn wəɣka!

Ијақи торыглә 'қәһнақи.

Ukkьrcontоqьt Marja aj Misa Һarontь palqalә qәһnaқи. Һarоqьt kь kәsimpra. Һarоqьt palqар kос еға. Marja aj Misa palqар taqqьqolamnaқи. Misa kьntь manteja. Ukkьrcontоqьt kьqьt qorqьr kontьrьntь. Qorqь yтqьt Һьrkьlә yttь mamьmpa.

Misa aj Marja Һirkьmallә Һarqьlь mьp putontь etteisaқи. Tәpәqь qorqьppapь mьsaқи. Qorqь cukurjar оrqqьllә pulә ammeisьt. Һьlpь qorqь siqьrlә әlpә

Рисунок 4.

(По техническим причинам не пропечатались буквы начальных слов трех последних строчек под рис. 4. Должно быть: putontь, еньсақи и ammeisьt.)

(Однажды Марья и Миша в тундру за морошкой пошли-(вдвоем). В тундре река течет. В тундре морошки много (есть). Марья и Миша морошку собирают. Миша на реку посмотрел. Вдруг (= однажды) в реке медведя увидел. Медведь в воде стоя, в воду смотрит. Миша и Марья, испугавшись, за тальником (= кустами тальника) спрятались. Потом медведь сопя прочь ушел. Марья и Миша домой побежали. Дома начали кричать: «Медведь в реке большой!»).

Данный рассказ был прочитан (перевода в книге для чтения нет) **КЕА** (1957 г. р.) и пересказан с собственными добавлениями и своим осмыслением по-селькупски. В ходе рассказа давались комментарии по употреблению отдельных слов (они даны в скобках). Некоторые слова тут же переводились. При подборе слов иногда менялись и грамматические формы (они даны через знак альтернации). Рассказчик регулярно использовал сокращенную форму ЗРІ в глаголах (-ьt вместо ьtyt). Многие слова повторялись. В результате рассказ не нуждается в переводе.

Рассказ по картинке КЕА (1957 г. р.): «Медведь в реке и дети» (см. рис. 4).

Ијat торyrlә qәntьt / qәssьt *пошли* ұккyр рәг (uqqьr contoqьt *старые люди так говорят*) Һarоntь qәnsьtyt // Һarоqьt кy qәҺna (*бежит, течет*; kәsimpra

qәssa. Marja aj Misa тоqьnә rakьtsәқи. Matqьntij laqьlalolejsәқи.

— Qorqь kьqьp wәrьka!

Аксьl мь.

Мемьqьp macoqьt аксьl kос еға.

Әltaqaj ira nilcik kәtsьt.

— Me ilcaimьt аксьl assa arsaьt.

Mekinь akсьl aj assa Һatna.

Mika — pioner pisaltьmpьlә nilcik kәtsьt.

— Tat assa somak koьmantь! Akсьl — soma arсь. Skolaqьt me аксьlр arsaьmь. Tәelь me аксьlр taqqьqolontь qәntьmь. Mat tenьmaj qail arsaьl аксьlim, qail kostьl аксьlim ekka.

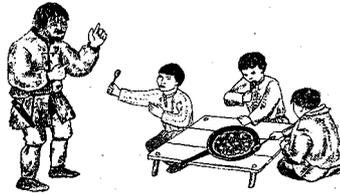

Рисунок 4а.

нельзя, küšimpa «сикать») // mē palqor taqqylsum *морошку собрали* (А. К.: а как будет «они?») 5 сек. вспоминает. Ответ: «он» — tər palqor taqqylsyт // Miša aj Marja palqor taqqylqolapsōt *начали собирать* // Miša kynty mēteisa *посмотрел* // kol'čysyt *увидел* медведь в воде стоя, на воду mennypmat *смотрит* // ijaty nyркымōssōt *испугались* // ħārql' putoqyt *в тальниках* ətōt *ждут* // Təpyt qorqynnōn ənōt *медведя боятся* // čukur ijar *маленький* sig orqyllā ammēisyт / amnāt *ест* šiqyrlā *сопя* ālpā qəssa *прочь* ušel // Miša и Marja *домой* paksōt // moqynā tülā / tülā moqynā *домой* prišli «Qorqy kyqyt mārkyka!» — laŋkyšqolapsōt *кричат* начали / *медведь в реке* ходит, обитается, стоит //

Следует сразу сказать, что в рассказе **КЕА** русские слова употреблялись с интонацией не сомнения, а уверенности в правильности перевода.

Для сравнения можно привести **рассказ** по той же картинке **КВИ** (1962 г. р.), произнесенный без предварительного чтения текста в учебнике, поскольку латиницей ей оказалось читать трудно (формально английский язык в школе преподавался и латиница школьникам известна).

Ijat topyrlā qəssōt šōtty // ky... kysot?... topyr topyr qaj ampōt *или* taqqylqo *как сказать-то?* topyr taqqylqo taqqylqo taqqylqo / taqqylpa taqqylpōt // Nūny kynDy / kydDy? *к реке* qəssōt // Numty *там* mennypmōt: ky sūčoyt *в реке* suryp omta // *Как как как* ъет-то? Qaj qəlyp amnyт qaj üt... ütymbat // *Они испугались?* Ijat nyркымōssōt // *Побежали?* paktysōt / əтымBōt *спрятались* // omtysōt omtysōt *сидят* // nūny əsyntykīn āmäntykīn kətyqo *што* numDy sury ky šūñčoyt //

Данный текст свидетельствует о затруднениях рассказчицы при употреблении грамматической формы глаголов (taqqylqo 'собрать': taqqylpa? taqqylpōt?), о ее сомнениях в выборе слова (вопросы к самой себе задаются по-русски) и в правильности произнесения слов (kynDy / kydDy?¹² 'к реке' qəssōt 'пошли' / ky... kysōt?). О типичной для устной речи эхололии см. в разделе IV о психолингвистическом анализе текста.

3. Восстановление селькупского текста по его русскому переводу

Известно, что одно-однозначного перевода не может быть вообще. Л. Н. Толстой, однажды попросив перевести на русский язык отдельные фразы из своего произведения, переведенного на итальянский язык, снова на русский, выражал сожаление, что перевод всегда расходился с оригиналом. То же самое происходит и с селькупским текстом в случае такого двойного перевода, осуществленного даже хорошо знающим родной язык человеком.

Обратный перевод текста на селькупский с русского, полученного в свое время с селькупского, служит инструментом сравнения и анализа текстов оригинала и двух переводов, сделанных сначала с селькупского на

¹² В речи многих информантов встречается ассимиляция согласных, особенно полувзвонких (ср., например, текст Numyt kanak — см. III.2.3, записанный от **КАА**).

русский, а затем снова на селькупский. Задача сводится фактически к адекватному восстановлению селькупского текста по русскому переводу, приближающемуся, с одной стороны, к подстрочнику, а с другой стороны, содержащему предложения, построенные по законам русского синтаксиса. Подобный эксперимент с двойным переводом текста оказался под силу лишь информантам, хорошо знающим родной язык. Сказка «Божья собака», записанная более чем полвека назад (в 1941 г.) в этих же местах Л. А. Варковицкой от известного в последующие годы (уже упоминавшегося ранее) сказочника, а в то время 14-летнего подростка, Гани Мантакова, была переведена ею на русский язык и издана. Вот эта сказка.

Божья собака

Бог послал собаку вниз, так сказал: «Ты людям так скажи: если человек умрет, этого человека люди на лабаз пусть положат». Потом собака так сказала: «Если человек умрет, вы в землю закопав, похороните!» Потом собака вверх залезла. Бог так спросил:

— Ты как сказала?

— Я так сказала: «Если человек умрет, тогда на лабаз положите (поставьте)!»

— Нет, ты врешь! Бог так сказал: «Ты так сказала: человека, далеко закопав, похороните».

Потом бог собаку вниз бросил, так сказал:

— «Ты людей объединенными костями питайся!» Конец.

В 1998 г. русский текст сказки был предложен для перевода с русского на селькупский селькупу 1955 г. р., постоянно живущему в лесу, но случайно задержавшемуся в с. Фарково во время работы экспедиции в данном селе. Перевод оказался достаточно близок к первоначальному тексту сказки (причем сказки в этом варианте, как постепенно выяснилось, информант не знал). Различия встретились в нескольких словах, замененных их синонимами, есть разночтения в грамматике и фонетике¹³, в чем легко убедиться, сравнивая варианты записи 1941 и 1998 гг. (вариант 1998 г. дается в скобках после каждой фразы; полужирным шрифтом выделены случаи расхождений). Особенно заметны различия в области фонетики: для селькупа, участника эксперимента (КАА 1955 г. р.), характерны полувзвонкие (скорее даже явно звонкие) согласные. Есть случаи смены кодов, использования других категорий времени и усечения окончаний; возникающая при этом вариативность многих форм во всех частях речи в языке в целом постоянно возрастает (см. [Кузнецова 2002]). Интересно, что оба селькупских текста в целом сохраняют селькупский синтаксис, хотя в русском переводе Л. А. Варковицкой построение некоторых фраз соответствует русскому синтаксису.

¹³ Кстати, в тексте 1941 г. также встречаются примеры различной транскрипции одного и того же слова.

Numyt kanak

Nop kanap ðill'ä ütyñyt.

(Nop kanap ðill'ä üty~~syt~~.)

Ñil'čik kätynyt. Tat na qumytyt kinjik. ñil'čik kätäty!

(Ñil'čik kätysyt: **Ты это qumytytkin** ñil'čik kätynyl'!)

Qup qata qummäl' na qumyp qumyt pöronty innä totynjätyt!

(Qup **если kudda? qumba** na qumyp **piddät / pindät** innä porondy!)

Nyny kanak ñil'čik kätynyt.

(Nyny kanak ñil'čik kätysyt.)

Te qup qata qummäl' kuntakty tättonty ðill'ä syrquyllä meñylyt!

(Te qup **если qumba kundatte** tättonty **takkyny** meñylyt!)

Nyny kanak ñil'čik ðinnä syqyl'na.

(Nyny kanak ñil'čik ðinnä **syqyleisa**.)

Nop soqyññit.

(Nop ñil'dzik soqyšit.)

Tat qäntyk kätysal?

(Tat qä~~ndyk~~ kätysal?)

Mat ñil'čik kätysap: qup qata qummäl' naššat te pöronty totynjätyt!

(Mat ñil'čik kätysam: qup **если kudda** naššat **тогда** te porondy **pinnyjlyt!**)

Ašša, tat mol'mytanty.

(Ašša, tat molmytal!)

Nop ñil'čik kätynyt: tat ñil'čik kätysal qumyp quntakty ðill'ä syrquyllä meñylyt.

(Nop ñil'čik kätysyt: tat ñil'čik kätysal qumyp **kundakty ðill'ä syrquylläkyty** **takkyny**.)

Nyny nop kanak ðill'ä čattynyt.

(Nyny nop kanak ðill'ä čattysyt.)

Ñil'čik kätynyt.

(Ñil'**dzik** kätysyt.)

Tat qumyt ampyl' læpsä amkylläl'!

(Tat qumytyt ambyl' læl'mysä amyräš!)

Moryty.

Несколько жительниц с. Фарково 1956 и 1934 гг. р. также смогли восстановить первоначальный текст той же сказки, правда, испытывая колебания в подборе слов (это особенно заметно у селькупки 1956 г. р.) и перевода текст с некоторыми купюрами и ошибками в грамматических формах по сравнению с первоначальным селькупским оригиналом.

Разительный контраст с этими переводами представляет собой попытка перевода того же текста носительницей языка 1972 г. р. (мать селькупка, хорошо знающая язык, отец эвенк), которая окончила в Санкт-Петербурге Герценовский пединститут и год проработала в Фарково учителем селькуп-

ского языка, а позднее переехала в г. Красноярск. Она не только не смогла перевести текст, но вспомнила вообще из селькупского языка только 30 слов (пять с подсказкой, остальные сама и лишь на следующий день, записав их кириллицей по принятой орфографии, однако часто с ошибками): *номыль каңак* (вместо *канак*) 'божья собака', *қарят* (вместо *каррә*) 'вниз', *қаря* (вместо *қара*) 'журавль', *поңа* (вместо *понә*) 'на улицу', *лока* (вместо *лоқа*) 'лиса', *има* 'жена, старуха', *ира* 'муж, старик', *ийя* 'ребенок, сын', *сипа* (вместо *шипa*) 'утка', *қампи* (должно быть *қампi*) 'платок', *сурьшиқа* 'охотиться' (верхне-тазовский вариант), *өта* (вместо *өтә*) 'олень', *амырка* (вместо *амырқо* или *амырқа*) 'есть, кушать', *тамтыр* 'род', *по* 'дерево' и 'год', *челы* 'день, солнце, свет', *селькуп* (вместо *шөлькуп*) 'селькуп', *аматта* 'дурачок, простофиля', *кыбэко* (вместо *кыпака*) 'немного', *кучча* (вместо *куччә*) 'куда', *нема* (вместо *нәма*) 'заяц', *то* 'озеро', *порки* 'штаны' (видимо, из *портки*: 'ама (мама) купила штаны'), *няры* (вместо *нярқы*) 'красный' и *няры* 'тундра', *парқа* (вместо *порқы*) 'парка (вид одежды)', *лосыль ира* 'черт'.

В оправдание информанта следует сказать, что в приведенных примерах многие ошибки объясняются неустойчивостью орфографии, которая у северных селькупов изменялась в течение XX века неоднократно. Как уже отмечалось в разделе III, последние учебники и книги для чтения в начальной школе, написанные С. И. Ириковым (носителем раттовского говора тазовского диалекта селькупского языка) при участии О. И. Боякиной и А. А. Хозовой, ориентированы на раттовский (верхне-тазовский) говор северных селькупов, отличный от туруханского диалекта, представленного в Фарково, и более близкого красноселькупскому говору тазовских селькупов. Не случайно хорошо знающие родной язык селькупы из Фарково не только с легкостью понимают тазовских селькупов, но даже читают написанные в 30-е годы XX века латиницей учебники Г. Н. Прокофьева и др., в основу которых был положен красноселькупский говор северных селькупов. Что касается современной учебной литературы, существующей на кириллице, то за период с выхода в свет первого издания школьной Азбуки в 1986 г. до появления в 2002 г. книги «Чтение» (под редакцией А. И. Гашилова) заметно изменился алфавит. К счастью, в книге для чтения дан небольшой словарь в новой орфографии: появились буквы *ä, i, ə*, исчезла буква *ц*¹⁴; естественно, стали иными написания многих слов. Не удивительно, что в такой ситуации ни о какой грамотности как школьников, так и учителей, вынужденных постоянно переучиваться, не может быть и речи. Просмотр школьных тетрадей в фарковской школе в 1998 г. и приведенные

¹⁴ В современном селькупском языке исследуемого района звук, передаваемый буквой Ц, отсутствует, но не исключено, что именно так звучал тот звук, который в настоящее время передается как [š]: Хоштыль ляхха = в современной графике Қоштыль ляхқа [qoštɯl' l'aqqa] 'Плохой товарищ'. Буква Ц используется в Букваре 1940 г., где [К] передается через Х [Прокофьев & Прокофьева 1940, с. 102].

выше селькупские слова, оставшиеся в памяти бывшей студентки РГПУ им. Герцена, некоторое время преподававшей в школе селькупский язык, подтверждают сказанное. И это не вина учителей, а беда существующей системы школьного образования. (Результаты перевода отдельных слов с русского языка на селькупский см. также в Приложении 3.1.)

4. Самозапись селькупского текста

Как уже говорилось, иногда носитель языка сам предлагает записать отдельные слова, которые он не спеша вспоминает, или целый текст, опасаясь, что может при устном рассказе кое-что забыть или рассказать недостаточно связно. Именно так появился список слов, приведенный ранее (см. пункт 3 выше), который удалось вспомнить дома носителю языка (1972 г. р.). Точно так же поступила информантка в Фарково (1969 г. р.), захотевшая сама записать текст, содержащий сказку нравоучительного характера: нельзя детям вечером шуметь, бегать, так как может придти лозы и погубить шалунов (см. Приложение 3.2).

В этом тексте обращает на себя внимание его транслитерация (рядом со словом, записанным информантом, публикатором дана его правильная транскрипция): регулярно происходит озвончение глухих согласных (*кыбля* [kupaɫ'a] 'маленький', *анды* [antu] 'ветка, челнок', *ыгы сондыряш!* [yky sɔntyräš] 'не играй' и др.); вместо звука [q], обычно обозначаемого на письме буквой *к*, употребляется русское *х* (*хум* [qum] человек', *хэса* [qəssa] 'ушла'). В грамматике Г. Н. Прокофьева дано особое написание звука *ɕ*, который автор определяет как «глубоко-заднеязычный средне-звонкий смычный, наблюдаемый в положении после сонорных *м, н, ɲ, л, г*, а также в положении между двумя гласными» [Прокофьев 1935, с. 24], который можно услышать у некоторых информантов и сейчас и который они сами передают на письме одни через *х* (*согырхо* 'печь' — глагол), другие через *кх*: *кхессат* 'добыли', *кхольчисат* 'увидели'¹⁵. При этом указанные Г. Н. Прокофьевым правила дистрибуции не соблюдаются, что видно и по приведенным словам (ср. также: *ныркымассат* вместо ожидаемого *nyɲuməssət(yt)* 'испугались' и т. п.). В приведенных и других формах глаголов 3PL часто встречается усеченный вариант с большими колебаниями в произнесении гласного в окончании: [qəsswat], [qol'čisət]. Ср. также тот же звук [ɕ] не только в позиции конца, но и начала слова: *оанталтысат* 'обрадовались' и *онталисат* [ɔntaltysuat], [ɔntalisət(yt)]; *пактысат* [paktyswət] и т. п. Информанты испытывают неуверенность и в записи некоторых других гласных, напр., глагол со значением 'думать' (təɣuɕo) в форме 3PI прошедшего времени был написан как *тяртысат* вместо *təɣysət* или *təɣysət* и иные варианты.

¹⁵ В Букваре 1940 г. Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых, изданном на кириллице, используется буква *х*: хорхы [qoɣy] 'медведь', Ичаля, лямык хондык! [ičal'a l'amuk qontyk] 'Ичаля, спокойно спи!' и др.

Иногда информанты предлагают сами записывать отдельные слова. Так, КГП (1949 г. р.) записал список в 20 глаголов, которые давал в форме 3Sg или 3Pl, причем все формы множественного числа писались в усеченном варианте и одновременно произносились, что дало возможность лингвисту делать транскрипцию слов: 'промелькнули' мялькымасат [mɛl'kymɔswat], 'стемнело' рямкымасса [r'ämkyɔssa], 'увидели' кхольчисат [ɕol'ɕeisɔt], 'остались' кхалысат [ɕalyswat], 'выскочили' пактысат поння [paktyswat pɔnə], 'думали' тярпысат [tɛrpyʂɔt] и др.

5. Перевод отдельных предложений с русского на селькупский (опрос по анкете)

Назначение анкет, с помощью которых производится сбор материала в полевых условиях, как можно видеть из описания предыдущих методик, бывает различное, учитывающее не только чисто лингвистические, но и социолингвистические задачи. Анкета может быть ориентирована (5a) на проверку и уточнения разного рода имеющегося материала и / или (5b) только на исчезающие категории языка.

5a. Обычно лингвист, собравший достаточно большой корпус текстов, пытается что-то уточнить в нем (отдельные формы слов, их значение, порядок слов, синтаксические конструкции), понять или проверить семантику слова и т. п.; если надо, исправить неминуемые ошибки или описки. Предлагаемые информантам для перевода с русского на селькупский предложения, перепроверяемые неоднократно у разных людей, давали возможность сравнить знание языка у разных носителей и установить уровень этого знания, а также понять механизм забвения языка, о чем будет сказано несколько позднее. Порядок слов русской фразы в таком случае специально варьировался, что позволяло определить, влияет ли порядок слов русского языка (и насколько сильно) на построение селькупского предложения. При анкетировании лингвист-полевик, ориентируясь на выявление в селькупском языке определенных грамматических категорий и способов их выражения, должен учитывать социальные характеристики информанта, адекватность вопроса обстановке, должен убедиться, правильно ли он понят информантом. Особенно важно все это учитывать, если по вопроснику, составленному лингвистом, ведется сбор материала кем-то другим, а не самим исследователем¹⁶. Результаты проводимого анкетирования зависят не только от

¹⁶ Сбор лексического материала по анкетам с помощью «толмачей» имеет давнюю традицию на Руси. Уже в XVIII в. Василий Никитич Татищев собрал «через толмачество казака Ивана Ковригина и чрез камасинского татарина Суростая Судачикова» 400 слов камасинского языка среди саяно-алтайских самоедов. В случае сбора антропонимов анкетировавшему рекомендовалось узнавать, «когда и кто детям имя дает».

носителя языка, но и от составителя анкеты, что весьма существенно. Абсолютно права была венгерская исследовательница Энико Сий, когда писала: «Заполнение анкеты — очень трудоемкое и утомительное занятие. Оно требует 3–4, а то и 4–5 часов работы, но и в этом случае из поля зрения могут выпасть важные вопросы...» [Сий 1998, с. 14].

В качестве примера далее приводятся некоторые русские фразы, которые давались для перевода информантам, и комментарии к ним, позволяющие представить уровень знания языка информантом и изменения, происходящие в языке (о результатах анкетирования, позволяющих судить о характере изменений в селькупском языке, см. раздел V «Лингвистический аспект анализа селькупского языка»).

- Молочная банка упала на землю и разбилась — Молоко!́ банка tətton al'čyса и talimōssa (1940 г. р.). В селькупском языке сочетание адъективной формы существительного (или просто существительного), имеющего вещественное значение, и слова со значением емкости нередко характеризует определяемое слово с количественной стороны, напр.: rakal čšj 'кружка чаю', ütyl' ро́чка 'бочка воды' и т. п. Другая информантка (1934 г. р.) эту же фразу ('Молочная банка...') перевела, опустив обстоятельство места (на землю), как Pankalaka molokanōny (букв. 'банка от / из-под молока') al'čyса i talimōssa (подробнее об определительной конструкции такого рода и о колебаниях в построении ее см. [Очерки 1980, с. 378–379]).

- Я приехал в деревню Фарково через три дня. — Mat tütam деревня-qanty Parkovanty чере[s] nōqyг čel. Данный пример демонстрирует гибридное словоизменение в селькупском языке и смешение кодов¹⁷; и то, и другое весьма типично для селькупского языка сегодня, как и усечение основ (čel вместо čely).

- Ты смотришь через / сквозь стекло наружу — Tat mannypsal в стекло ropä (1940 г. р.); наряду с этим: Тэр mennympsyty стеклonty (букв. 'он смотрел в стекло') (1934 г. р.).

- Он заболел перед праздником — Тэр qütälympa пра[z]ник qanyqyt. Информант 1934 г. р. колебался, каким словом перевести предлог *перед*: «Такие слова у нас не употреблялись, по-моему» (что правильно: послелог qanyqyt в Лос., действительно, употребляется только в пространственном значении 'возле, недалеко от чего-либо' [Очерки 1980, с. 319]).

- Я обрадовался приходу сына — Mat ondalsam, что ijam tüsa (1940 г. р.) (ни один человек не знал, как передать в селькупском отглагольное существительное). У селькупа 1934 г. р. частые колебания в выборе форм (onDaleisa, onDalel'čimpa(ty), onDaleilimpa) заканчиваются выбором про-

¹⁷ Вопрос о явлениях смешения и переключения кодов далеко не всегда и не всеми исследователями решается однозначно, в связи с чем в данном описании языковой ситуации в Фарково термины не противопоставляются друг другу.

стейшей — onDaleisa; иные информанты (1927 г. р.) вместо ontylpyqo употребляют somamqo: Iraqota somamBa, ijam tüsa (что-то вроде ‘старик хорошо [хотя форма глагольная. — А. К.], сын пришел’) или Iraqota somak tenygmBa (то есть ‘Старик хорошо подумал’) i jaty mōquna tümBa ‘сын-его домой пришел’ (1963 г. р.). Информант 1969 г. р. уверяет, что ontaltyqo означает ‘артачиться’, с чем согласился селькуп 1963 г. р.

- Сомнения информантов наблюдались также в выборе слова для русского глагола *смеяться* в значении ‘смеяться над кем-либо’ и ‘с кем-либо’: Тэрут laqynōtyt tol’čysumyl’ qumyntynōny / qumytytkiny ‘Они смеялись над лыжниками’. Та же информантка (1934 г. р.) вслед за этой фразой дала перевод ‘Они смеялись над собакой’ (используя подсказку) как Тэрут pi-synnōtyt kanaktykiny; laqyssa означает ‘смеяться вместе’: Тэр laqyssa massa ‘Он смеялся со мной’, Nätäk и ija laqyssōtyt ‘мальчик и девочка смеялись’, но: Ija pistysty nätäjar / masur ‘Мальчик смеялся над девочкой / надо мной’ (то есть ‘высмеивал’, или, как сказала информантка, «просмеивал»).

- Я подумал, что мой сын ушел — Mat nil’čik tenyrsam что ma ijam qəpra.

- Я живу без отца и матери — Mat ilam asamsa и («по-русски добавляю», — сказала информантка, имея в виду союз *и*) amamsa. На самом деле ama ‘мама’, äsä или əsy ‘отец’, ara ‘папа’. Затем был приведен другой вариант: Mat ilam amamkoly и («это я сама прибавила») asykoly.

- Через три дня я поеду — Через nōqut čel mat qəntam.

- Он влез в дом через окно — Тэр ratpa через окошканony (1936 г. р.); другой информант (1934 г. р.) данную фразу перевел как Тэр ratqylsa mōtyt окошкат qanuyut... su (отточием отмечено колебание в выборе слова, которое так и не было сказано).

- Он испугался моей собаки — Тэр nyrqymōssa mat kananōny (1934 г. р.).

В ряде случаев комментарии относительно перевода отсутствуют в силу их однотипности и возможности легко понять, имеем мы дело с переключением кодов, с усеченными основами или с гибридным словообразованием. Судя по примерам, приведенным здесь и в других разделах, в селькупской речи билингвов встречается очень много и грамматических, и фонетических ошибок. Среди последних — с трудом различимые *i* и *j*, а тем более *ī*; практически не уловимы долготы; часты сбои в произношении [e, ε, ä] и т. д. Особенно бросается в глаза разноречивость в произнесении одних и тех же слов или отдельных форм (напр., -nōny и -nony; -oat, -ōt, -wōt, wat, -ōat, очень редко -ōtūt и др.).

5b. В ряде случаев, заинтересовавшись каким-либо конкретным явлением языка, исследователь путем наводящих вопросов в виде анкет расширяет, а иногда даже меняет свое представление о нем, собирает дополнительный материал, готовя специальные для своей цели анкеты. С этой целью ведется *опрос по анкете, специально ориентированной на исчезающие категории языка*. Работая с носителями малочисленных языков, анкети-

рующей нередко преследует социолингвистическую цель, желая выяснить степень владения языком или понять, какие категории языка оказываются наиболее уязвимыми, исчезают раньше всего. Для этой последней цели необходимо привлекать к работе не только хорошо, но и плохо знающих язык людей. С помощью анкет такого типа легко устанавливается, что первыми расшатывается система числительных и местоимений: в речи носителей языка среди числительных дольше других помнятся первые три числительных, а из местоимений — личные первых двух чисел единственного и множественного чисел (подробнее см. раздел V).

Молодое поколение, плохо знающее родной язык, не может конструировать даже самые простые фразы, а хорошо знающие свой язык старики (реже представители среднего поколения) испытывают затруднения при переводе на селькупский язык предложений, в которых должны быть использованы аудитив, кондиционалис и дебитив. Исчезновение данных категорий началось достаточно давно. Дебитив Г. Н. Прокофьев даже не включил в свою грамматику 1935 г., а относительно аудитива утверждал, что формы 1-го лица аудитив не образует [Прокофьев 1935, с. 70] (правда, в 1970-е гг. эта форма была обнаружена в красноселькупском районе [Очерки 1980, с. 247]). Сейчас, к началу XXI в., о существовании этих категорий, выражаемых синтетически, с помощью определенных суффиксов, молодые даже не подозревают, хотя эти категории еще живы. Подобные факты исчезновения названных категорий объяснимы скорее всего внутриязыковыми процессами (см. подробнее [Кузнецова 2003]), однако нельзя исключить и влияния русского языка, в котором категория аудитива на формальном уровне отсутствует, а условное и сослагательное наклонения выражаются аналитически.

Таким образом, опрос по анкете может строиться по-разному, в зависимости от задач, стоящих перед исследователем, что было продемонстрировано на нескольких конкретных примерах.

6. Русская речь селькупов при переводе предложений и текстов с селькупского на русский язык и в их повседневном общении

До сих пор в основном речь шла об изменениях в селькупском языке под влиянием русского в результате интерференции. Однако и в русском языке селькупа-билингва происходят значительные изменения под воздействием родного языка, причем у представителей старшего и среднего поколений это происходит в большей степени, чем у молодых. Молодые, сталкиваясь в школьные годы с родным языком лишь как с предметом изучения и переходя фактически целиком на русский язык, в большинстве своем забывают родной язык, что видно, в частности, при попытках делать перевод отдельных фраз или целых текстов с селькупского языка на русский. Это заметно и при повседневном общении на русском языке селькупов между собой.

Интерференция характеризует все языковые уровни — фонетический, морфологический и синтаксический, не говоря уже о лексическом. Так, когда фраза на селькупском языке Тэр нугдүмᄡssa mat kаnаnᄡпу была предложена носителю языка 1934 г. р., он перевел ее как ‘он испугался *моего* собаки’ (ср. в языке того же информанта: «волк — *она* и есь это волк, а олени — *ата*»). Это вполне понятно: в селькупском нет рода, отсюда — трудности в определении данной категории в русском языке. Ср. аналогичные примеры на ошибки в русском языке не только в области грамматики, но и фонетики, взятые из рассказа о жизни местной жительницы 1917 г. р., безграмотной (русский язык выучила сама перед войной в Фарково): «Мой точь селькуп. Точь учился, он хорошо русский снает... Я рыпный план раньше выполнил, сила нету теперь. Какой план ташь, усё выполнил... Чичас вотка торокой, какой много пить!.. Сой песни снаю (в селькупском языке прилагательное не согласуется с существительным ни по числу, ни по падежу. — *А. К.*). Сапыл песни» (‘Моя дочь селькуп. Дочь училась, она хорошо русский знает... Я рыбный план раньше выполняла, силы нет теперь. Какой план дашь, все выполняла... Сейчас водка дорогая, какое много пить!.. Свои песни знаю. Забыла песни’). С фонетической точки зрения в приведенных примерах типичным является отсутствие стечения согласных (*сой* вместо *свой*) и оглушение звонких согласных. Именно поэтому не сразу можно расшифровать фразу: «Какой-то папка приехал». А означает она: ‘Какая-то бабка приехала’ (ср. в русском омонимы, представленные в слове *папка*: ‘папа’ и ‘картонная обложка для хранения бумаг...’ от нем. *Papier* ‘картон’). Омоформы, появляющиеся в результате неправильного употребления категории рода, возникают и в отношении глаголов прошедшего времени, типа *ты приехал* = *ты приехал* и *ты приехала*. В отличие от матери цитируемой информантки (1917 г. р.) ее дочь (1940 г. р.), неплохо владеющая русским языком, тоже допускает ошибки в употреблении категории рода в русском языке. Так, она говорит о себе: «Сам с детства делал туесков» вместо «Сама с детства делала туески» (в слове *туесков* ошибка вызвана незнанием правил выражения категории одушевленности / неодушевленности в русском языке, поскольку в селькупском она выявляется не в *Асс.*, а в других падежах, да и то (возможно, под влиянием русского) не всегда). Или: *Тору!* — ноги, много. *Тор* — *ноги один или два*. Ср. также: *Моя сына посла* (‘Мой сын пошел’) (информант 1910 г. р.). Проскальзывают ошибки на категорию рода и в речи молодых, даже получивших среднее специальное образование: «*Люда не сумел* прочитат слово чум». Чем старше носитель языка, тем больше ошибок в употреблении категории рода в его русской речи. Вот выдержка из письма, полученного мною от селькупа 1924 г. р. (образование 5 классов школы): «*Вашу письмо* получил *большое привет от моего семьи*... Привет большой Вашей семье *от моих семьи большой* 19 нучат двое правнучат и моих 8 детей!». Из его же рассказа

о жизни: «*Стройка закрылся, я перешел работать рыбзаводе*». Характерным здесь является пропуск предлога, так как в селькупском их нет. Аналогичные примеры: Смотрю — *тарелка* совсем мало ягод (1957 г. р.); Я *выросла Енисей. Туруханоске родилась* (1910 г. р.). Отел кончается, когда *переезжают летнее стойбище* (пропущен предлог *на*. — А. К.). Иногда, наоборот, наблюдается гиперкоррекция, в результате которой в селькупском тексте используется русский предлог: Тэрут имут сүллöтүт **в** qumyтыр ‘Они мимо стреляли **в** людей’ (1936 г. р.).

Все описанные ранее методики рассчитаны на выявление уровня владения родным языком представителями различных возрастных когорт, но одновременно они позволяют заметить и неравномерность в сохранности разных грамматических категорий у носителей языка: некоторые категории известны даже плохо говорящим по-селькупски, другие с трудом вспоминаются и теми, кто свободно владеет языком. Выяснить степень сохранности тех или иных грамматических категорий можно с помощью специальных анкет, разрабатываемых самим лингвистом.

Некоторые итоги

При исследовании билингвизма / мультилингвизма и кодового смешения у народов, населяющих Туруханский район Красноярского края, предполагалось дать прежде всего описание специфики языковой ситуации в базовом селе данного ареала — в селе Фарково, где из аборигенного населения живут в основном селькупы с небольшой примесью кетов и эвенков; проживают здесь также русские. Особое внимание в данном разделе было сосредоточено на методах выявления языковой ситуации у селькупов, в частности, — на определении уровня владения родным языком (с. Фарково).

Общераспространенным является мнение, что селькупский язык разрушается, если не сказать, что вымирает. Это положение, однако, требует разъяснения. Селькупский язык на современном этапе своего существования следует рассматривать как имеющий два полюса. С одной стороны, в речи людей средне-старшего поколения (когорты 40–70-летних с единичными 30-летними носителями языка) наблюдается достаточно хорошая сохранность языка времен начала XX века, что легко устанавливается путем сравнения современного языка с языком в записях Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых и Л. А. Варковицкой, работавших в этом селе в 1920–1940-х гг. Происходящие изменения (усечения глагольных окончаний, разрушение Ду, почти полная утрата аудитива) имеют скорее внутриязыковые причины, чем внеязыковые, обусловленные социолингвистической ситуацией.

С другой стороны, существует резкий перепад в знании языка у селькупов в возрасте от 20 до 30 лет, которые пользуются весьма специфической речью, грамматически построенной по принципу «Мой твой не понимаю» с добавлениями слов из русского языка. На первых порах казалось,

что у молодого поколения селькупов складывается пиджин, которым селькупы 20–30-летнего возраста иногда пользуются. Однако русские этого «языка» не знают и не прибегают к такому языку общения, не понимают его. Старшее поколение селькупов также не приемлет его, хотя нередко делает ошибки такого же рода, как и молодые (возможно, не без их влияния). Данный способ общения, конечно, можно рассматривать как определенную стадию разрушения селькупского языка. Для выяснения этого обстоятельства оказалось необходимым привлекать в качестве информантов селькупов, заведомо плохо владеющих родным языком. Обычно лингвисты-полевики избегают обращаться к таким информантам, но в конкретной нашей ситуации этот прием оправдал себя. Важно было установить, каковы механизмы разрушения языка, в каком направлении оно идет, какое место в процессе исчезновения языка занимает билингвизм, какова его природа.

Этот «язык», используемый небольшой группой молодых селькупов, они сами считают своеобразным «тайным языком», который не понимают ни русские, ни младшее поколение, и о котором селькупы, еще владеющие родным языком, говорят: «Лепят, что ни попадя». В данной возрастной группе утрачены многие грамматические категории глагола, двойственное число, некоторые падежи; изменилось под влиянием русского языка управление глаголов в пределах определенных семантических групп; русифицировалось произношение; забыты исконные полипредикативные конструкции, заменившиеся на подчинительные связи русского типа, слишком много заимствований из русского языка и т. п. Изучение того, в каком направлении идут разного рода утраты в языке и появляются нововведения, в состоянии натолкнуть исследователя на новые выводы. С другой стороны, когорта 1995–1980 гг. р. целиком перешла на русский язык, чему способствует и современное школьное обучение. В качестве промежуточного состояния языка можно считать язык поколения 20–30-летних, которое может передать (если захочет это сделать) своим детям лишь отдельные слова без грамматики, а существующее в районе обучение родному языку, проводимое на русском языке, ничего не поправит в плачевном состоянии этого языка. Для коммуникативных целей такой «язык» не пригоден.

Общий вывод не утешителен: при достаточно хорошей сохранности селькупского языка у старшего и (частично) среднего поколения молодые не говорят на нем и не хотят учить родной язык. Подобную ситуацию, имеющую несколько стадий, при которой «...общность отказалась от использования старого языка и перешла на новый» [Вахтин, Головкин 2004, с. 111], в последнее время стали называть «языковым сдвигом». Однако в данном случае еще не все отказались от родного языка: его сохраняют селькупы, живущие в лесу, и старшее поколение. Благодаря тому, что в этносе есть хотя бы минимальное количество людей, живущих в лесу, знающих язык и во многом сохраняющих до сих пор традиционное сознание, можно говорить о наличии у селькупов гибридных форм культуры. В науч-

ной литературе уже неоднократно говорилось о существовании параллельных культур (иначе их называют гибридными культурами) у ненцев и других северных народов [Savolainen 1998, Лярская 2001, Кузнецова 2005]. Вся надежда на пробуждение этнического самосознания, появляющегося обычно у человека годам к 50 (ср. размышления на данную тему [Вахтин 2001]).

IV. Возможные аспекты рассмотрения связного текста в устной речи: психолингвистический аспект анализа селькупского текста¹⁸

В предыдущих разделах, когда шла речь об уровнях владения языком, в качестве одной из методик при определении степени владения языком предлагалось тому или иному информанту составить рассказ по картинке и / или восстановить селькупский текст по его русскому переводу, сделанному ранее (см. раздел III.1.2). Эти же методики позволяют решить и некоторые другие задачи, напр., установить, как происходит у селькупов процесс речепорождения на родном языке и на русском, который является в настоящее время доминирующим в районе проживания северных селькупов. Результаты способны показать, информантам какого возраста и на каком языке легче, привычнее говорить в настоящее время.

В зонах языковых контактов в речи билингов неизбежно возникает кодовое смешение, сказывающееся на структуре связного текста. Связный текст в спонтанной речи может иметь разные аспекты рассмотрения, тесно переплетающиеся между собой, в том числе — психолингвистический. О социальном статусе участников речевого общения, их возрасте, образовательном цензе и т. д. уже говорилось. Не менее важен аспект психолингвистический, помогающий понять систему правил речевой коммуникации, в частности, особенности «грамматики говорящего» и организацию устного дискурса. Именно психолингвистика исследует процесс речепорождения с его многочисленными проявлениями речевых колебаний (хезитации), влияющих на структуру речевого потока¹⁹. Моделирование «непричесанной» речевой деятельности человека вызывает большой интерес, но до сих пор не получило своего развития. Речь, пестрящая неоднозначными высказываниями и, как это ни удивительно, не создающая особых неудобств для коммуникантов, необычайно интересна для лингвиста. Анализ спонтанной устной речи, запись которой представляет большую трудность (см. об этом, напр., [Миронова 1999; Беликов, Крысин 2000; Протасова 1999]), во многом

¹⁸ В данном разделе частично использован материал доклада на Международном семинаре Диалог²⁰⁰¹ по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Сходства и различия в спонтанной речи монолингвов и билингов: факторы, влияющие на построение связного текста в устной речи (на примере типологически разных языков — русского и селькупского)» [Кузнецова 2001a].

¹⁹ Психолингвиста интересует, как участники акта коммуникации (особенно устного) осуществляют речевое планирование; в чем состоят затруднения говорящего в процессе речепроизводства; как вырабатывается автоматизм речи взрослых при малой степени автоматизации детской речи, на что, в частности, указывает Н. Г. Гармаш [Гармаш 1999, с. 1] и т. п.

зависит от того, сколь точно фиксировались особенности записанного текста. В данном случае речь идет о селькупском тексте, что делается впервые, хотя разного рода оговорки, повторы часто отмечались собирателями фольклорных материалов, но затем при изданиях элиминировались из текста. Аккуратность в передаче всех особенностей устной речи, включая паузы, самоисправления говорящего, сбои в употреблении грамматических форм и порядка слов, множество оборванных фраз или отдельных слов, повторов одного и того же слова и т. п., предоставляет возможность лингвисту попытаться установить организацию устного дискурса.

1. Краткие сведения об анализируемых текстах

В настоящем разделе анализируются спонтанные селькупские тексты, данные в транскрипции, позволяющие судить о смене кодов, записанные от селькупов и демонстрирующие интерференцию на всех языковых уровнях. К сожалению, ни в одном из текстов не проставлено ударение, в том числе, — эмфатическое, отсутствие которого иногда ведет к допустимой двойной трактовке смысла. Учитывая разноречивость в записи текстов (в том числе — очень частые различия в фонетической транскрипции одного и того же слова не только у разных, но и у одного информанта), фонетические приметы связных текстов специально не исследовались. Все внимание было сосредоточено на структурно-грамматических особенностях монологических текстов, рассматриваемых с собственно языковой точки зрения и с учетом некоторых данных психолингвистики и социолингвистики.

Все селькупские тексты получены от билингвов, владеющих родным и русским языком. Последнее обстоятельство, как уже говорилось, является вынужденным: среди селькупов, от которых записывались тексты, не было ни одного монолингва (что в настоящее время характерно для языковой ситуации в районах проживания этого этноса), а среди русских, наоборот, — ни одного билингва.

Аналізу подвергались тексты, в которых повествовалось об охоте, рыбной ловле, о сборе ягод, работе на звероферме, о ярких эпизодах из жизни информанта и т. д. Устная речь северных селькупов собиралась в 1998–1999 и 2003 гг. в с. Фарково Туруханского района Красноярского края. Среди носителей селькупского языка, от которых произведена запись, нет ни одного информанта с высшим образованием. Молодое поколение в настоящее время (в отличие от 1980-х гг. и более ранних) не владеет родным языком, поэтому записи текстов в 1990-е гг. велись только от людей среднего и старшего возрастов. Среди информантов-селькупов было несколько человек со средним специальным образованием, но большая часть даже не окончила школу. В основном все селькупы — рыбаки и охотники. При анализе текстов особое внимание уделялось рассмотрению

особенностей дискурса в области морфологии и синтаксиса. Была сделана попытка

- обнаружить наиболее типичные признаки спонтанной селькупской речи рассказчиков;
- выявить среди разного типа дискурсивных слов такие элементы, которые обладают определенными функциями (структурирующими свойствами) и связаны с построением дискурса. (Термин «дискурс» употреблен здесь исключительно в лингвистическом смысле; об использовании данного слова при анализе нелингвистических аспектов рассмотрения языка см. [Вахтин, Головкин 2004, с. 253–274]);
- установить причины особенностей спонтанной селькупской речи при сравнении ее с русской спонтанной речью тех же селькупов (подробнее о русской речи селькупов см. [Кузнецова 2001а, с. 134–137]).

Необходимо сразу обратить внимание на то, что в сказках, тексты которых также записывались, специфичные особенности спонтанной речи встречаются значительно реже: меньше колебаний в подборе слов (часто их совсем нет), меньше ошибок грамматического характера, меньше расхождений в звучании одного и того же слова. Правда и то, что сказочников почти не осталось, а если они и встречаются, то живут, как правило, в лесу и в селе бывают лишь наездами. Во время экспедиций в Фарково в 1998, 1999 и 2003 гг. посчастливилось записать некоторое количество сказок, мифов, песен. Сравнение с ними записей спонтанной речи, свидетельствующей о современном уровне владения языком средне-старшего поколения, подтверждает сказанное об уровне владения селькупским языком в целом. Повседневная речь сказочников (в отличие от фольклорных текстов, рассказываемых ими) также содержит все характерные признаки спонтанной речи, отмечаемой и у поселковой части населения.

Далее приводятся отрывки из записей селькупской речи, на примере которых можно будет продемонстрировать наиболее типичные для спонтанной речи нарушения и инвентарь средств выражения речевых колебаний и дать ответ на поставленные вопросы.

Первый (включая отрывок **1а**) и второй тексты записывались на диктофон и параллельно вручную, затем расшифровывались и перепроверялись с информантами. Иногда дешифровщиком выступал житель села, благодаря чему появилась возможность фиксировать новые фонетические и грамматические варианты слов, если на них указывал дешифровщик. В приложении (см. Приложение 1), а также в разделе о методиках, с помощью которых определяется уровень владения родным языком, приведены тексты, многие из которых подтверждают выводы, полученные на материале анализируемых далее текстов.

Во всех текстах обращает на себя внимание обилие включенно-личных предложений, создающих впечатление «рубленой прозы»: отсутствие подлежащего компенсируется окончаниями глагола, поскольку речь ведется от первого лица. Использование таких предложений в данном контексте не мешает пониманию текста.

Селькупские тексты

Текст 1: «Соболек». Рассказчик КЮА (1950 г. р.). Ну ukkur p̄r mē это qaryt это swoma это čel čel eisa / soma čēly // ну и Юрочка / qəlym... memmätə sötty sötty qəlymyt // ну ладно // qəssymyt ну... čiqyrl̄r... qyDaka qəssymyt / маленько čiqyrl̄r pissyt // а это čelyt čiqyrl̄ry это čiqyrl̄ это перестал čiqyrl̄... // Ну ладно / twāal̄ twānynty qəssymyt // Вот // Tūrysä qwoltyssam... čaptäl'myt eisa // давношний было... ну это .. mättyty namyk eija // mättyndy nola qəntysym // КуБука notessym калкан twotässym / twottessym // syrysä капкан illä qwoneissam // čoqololsam / s̄llaka putyl'mōssa // Так ладно qəttysyt // ну ладно / одного ukuryr qəttysymyt qəssymyt // Вот так / aj надо qənqo // ладно / это это ме это ej nēnnä qəlym // ej nēnnä s'eBylak čar qəssymyt // ej s̄jt mättyllaka // куБука qəssymyt aj s̄jt mätty qosymyt //

Буквальный перевод: «Ну, один раз мы это утром это хороший это де... де... был, хороший день. Ну и Юрочка, пойдем-ка... хватит, ладно в лес лес пойдем! Ну ладно. Пошли ну... пороша... (информанты объясняли как 'трескучий, твердый снежок'. — А. К.) немного... пошли. Маленько снежок лег. А это... дня снежок это снеж... это перестал снег. Ну ладно. Поодаль там отошли. Вот. Лыжной палкой пошевелили. В давности был (имеется в виду соболь. — А. К.). Давношний было. Ну... это след его свежий (есть). По следу гоня шли. Понемногу догнали капкан поставили... поставили. Снегом капкан прикрыли. Потыкали. Соболь выскочил. Так ладно. Убил. Ну ладно, одного, одного ударили ударили (т. е. 'добыли' — А. К.). Вот так. Опять надо идти. Ладно. Это это... мы это опять вперед идем. Опять вперед немного едва пошли опять соболя след. Немного пошли опять соболя след нашли».

Данный рассказ кончается описанием того, как Юрочка в тот же удачный для охотников день схватил очередного соболя руками, выгнанного дымокуром из-под снега (**текст 1а**):

S̄llaka putyl'mōssa // Aža qapkan kun totta totta / al'Bämyt putyl'mōssa // A s̄llaka putyl'mōssa / ёлки зеленые / а это совсем как üsserpaty это kukany kukany // нуja kuka // Mämeta Юрочка čüat! А он myta 'qojsä čüntam?' 'Memeta oraty!' Ну təp paktysa s̄llaka-to kuka n̄l'čyk äl'Bän / qälymBa čonDyka čonDyka qälymBa // orqylsyт // l'a / l'aqa / mämety orqylBät! // Qa orqylsam? Ni qwoj aš tomnyt // ёлки зеленые... kučče qat... qattysa s̄llaka / kučče qattysa? // orqylsam orqylsam / myta orqylpany // Схватил я / ёлки зеленые / держу я // Нупу я təpytkin подбежал / ёлки зеленые / ну смотрю /

sīllakap orqylpat somak orqylpat / tšal'myt orqylpat / ёлки зеленые // ну nīl'čuk это... nīl'čuk это... nīk ничего / короче na čely me sompyla sīp qossymyt // na čelyty // во видите... так и moqynä qəssym // ну и все //

Буквальный перевод: «Соболь выскочил... не капкан где стоит стоит / по стороне выскочил. А соболь выскочил ёлки зеленые / а это совсем как пьяный это качается качается / Стоит качается. “Ну же Юрочка стреляй!” А он будто “Чем выстрелю?” “Ну же лови!..” Ну он побежал, соболь-то стоит так стороной (в стороне). Идет медленно медленно идет. Схватил. “Эй, друг, довольно уж, хватай!” Что я ловил... Ничего не говорит. Куда дел... делся соболь, куда делся? “Схватил-я схватил-я. Будто схватил. Схватил я ёлки зеленые, держу я”. Тогда я к нему подбежал ёлки зеленые, ну смотрю, соболя схватил хорошо схватил, за шею схватил, ёлки зеленые. Ну так это так это так... ничего, короче этот день мы пять соболей нашли. Этот день. Во видите... так и назад пошли. Ну и все».

Комментарий к тексту. Данный текст в своем полном объеме содержит 342 слова, включая повторы (которых около 30) и обрывки слов как селькупских, так и русских. Повторы встречаются нескольких типов: это могут быть исправления грамматических форм слова; сознательное подчеркивание сказанного или, наоборот, слово-эхо (часто на русском языке); нередки среди них слова-паразиты и т. п. Количество русских слов составляет более 21%, причем большая часть из них — это слова или сочетания незначимые (ну, ну ладно, ну и, ну это, а, хоть, во! короче) и лишь изредка рассказчик употребляет русские типа *свежий, утром, лес*. Сбои в речи заметнее в начале рассказа, что вполне естественно и понятно.

Текст 2: «Охота на лося». Рассказ по картинке КВИ (1962 г. р.). На Рис. 5 изображена охота на медведя, а на рис. 6 — охота на оленя (štä), которого рассказчик считает лосем (päqqy). Рассказ ведется сразу по обоим картинкам.

Сначала сосредоточиться... Qumyt sötty kanaksä sötty qəssuoat²⁰ // Päqqyt mätty как-то mätty qol'čimpat // kanak погнали... как это у нас... nōlä qəssa päqqur // так // nōlasuat qəssa // Päqqylaka päqqylaka paktymra // nуну qumyt увидели... увидели... увидели... как это / как увидели-то? а! вчера qol'čimpat (слово вспоминали уже в предыдущий день. — А. К.) // а! šyur... kanak surup nūmyt? /это облизывает / nōmyt? / nōtysoat // теперь никак не складывается / ничего кроме šyur əsygysuat // должно быть qas-suatyt / если лось // moqynä qəssuat // всё // а сохатый убежал // päqqylaka paktylä qənpa //

²⁰ Как и при записи отдельных фраз (см. III.5), в рассказах по картинкам глагольная форма ЗРІ представлена многими вариантами. Помимо становящихся регулярными усечений встречаются глайды и явные дифтонги на месте гласного ̄: -uoat, -uat, -oat, woat (полная форма должна быть -šyut, здесь это qassuatyt).

Буквальный перевод: Люди в лес с собакой в лес пошли. Лося след... как-то след увидели. Собака... погнала... как это у нас... погнала (букв. 'гоняя пошла') лося. Так. Погнала. Лось, лось побежал. Потом люди увидели... увидели... увидели... как увидели-то? а! вчера... увидели. А! зверь... (= медведь) собака... зверь *hymyt*? ('*hymyt* это облизывает' — реплика в сторону записывающего. — А. К.) гонит?... гонят. Теперь никак не складывается, ничего кроме *зверя* (= *медведя*) *повалили*. Должно быть *убили, если лось*. Назад пошли. Всё. А сохатый убежал. Лось, убегая, ушел.

Комментарий к тексту. Автор данного рассказа по картинке (из книги П. Н. Жулева в переводе на селькупский язык Е. Д. Прокофьевой для чтения в 1 классе 1934 г. издания) регулярно не только редуцирует окончания глаголов в ЗРІ., но и произносит их по-разному: то как **-oat**, то как **-uat** (один раз как **-uatyt**). Вместо *Du* при упоминании о двух собаках столь же регулярно используется *Sg*. Само слово лось (по-сибирски — сохатый) трижды произносится с суффиксом **-лака**, что для других идиолектов не свойственно.

Масоqыт.

Масоqыт sum eja. Semen aj Лъра масоqыт qənnəqı. Тагъыı| tołciııт olə sьromьп qьгьmpəт. Pəpь kanəıт mutь-qoləmnəт. Qıməqь tapəłtьlə nьleısəqı. Puskəqьmtь, təqəqьmtь mısəlnəqı, ətəqı. Macıт pıtoqьnь wəqь qoqь pıtьlmənnə. Лъра cəttьgьт. Qoqь əqьrlə illə əlca. Qoqьp kьlь cıgь qaj cəgьnnьт. Nьnь qoqь aj ьnnə læpətəlnь. Kanəт qoqьsə jar oqьlnəт. Qoqь kanəтp ьləttьgьт. Ukьkь kanəт pəqomьт nьtəgьт, jarьk kanəт topьmtь ottəlnьт. Лъра qoqьт
— Nilcı| qoqь me kanəımtь melь amьntь! Лъра aj Semen təqəsə qəłtьpəqı. ьlnə təqəsə qoqьp qənnьtı.

Рисунок 5.

Macın ətə| minəmo.

Uttьt setьr contoqьt əsəem macın ətəem qoqontoqo qənnə. İja əsəemoptı qənnə. Masoqьt əsəem ətəem wəttьp qoqьt aj kəntəlqoləmnьт. Setьrmtь macın ətə kənpьlə qəłtьrəqo təcəlnь. Setьgь| sьgьsə topьmtь matьrntь. Ətə cək oqьmkьlьmnьт. Əsəem kəntəlnьт. ьlnə ətə nьleısь, kəjıть mıтьcımьpə. Əsəem cəttьgьт, ətə kəmtə nullьmənnə. İja nь tьra. İja əsəemoptı ətəт qoqьp kıgьqoləmnəqı.

Kət kuttar me qəłьpəpəmtьp?

Me qımımtь tap cəłь qəłьqontьtəqo qənnəт. Tot qəpьkьт tьgьəт. Petr-ıra ı|matь| qımьtьtkıni atьltьgьт utь| qəqьp|

Рисунок 6.

Сравнение рассказов по одной и той же картинке, на одну и ту же тему позволяет установить, какие слова никогда никем из рассказчиков не путаются, не забываются, а какие находятся уже на краю сознания, полузабыты. То же самое видно на примере не только лексики, но и грамматических форм, фонетических вариантов, обилие которых расшатывает языковую систему. В неустойчивости языковой системы современного селькупского языка легко убедиться, посмотрев в Приложении 1 тексты 1, 2 к рисункам 7, 8 и другим, сравнив их между собой.

Na qætɾɯ̄! t̄ɯ̄q̄t̄ qaj qætɾɯ̄n̄t̄?

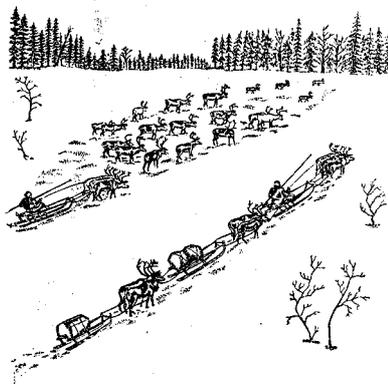

Kun nilci| minarmo екь|ālimpa ma-
oq̄t̄-li, ɳaɳoq̄t̄-li?
Kussaɳt̄ nilci| minarmo екь|ālimpa
ɳɳɳ-li, arat̄-li, kət̄-li?
Taɳt̄ nilci| minarmo qaitqo assa екь-
ālimpa?

Рисунок 7. Охота на белку.

(По техническим причинам не пропечатались буквы начальных слов под рис. 7. на строках 2, 4, 6. Должно быть: (ma-)соq̄t̄-li, таɳɳ и (екь-)ālimpa соответственно.)

Na qætɾɯ̄! t̄ɯ̄q̄t̄ qaj qætɾɯ̄n̄t̄?

Kəp kunt̄ āt̄æs̄ɯ̄m̄| qum̄t̄ kusce
kəɳɳɳn̄t̄ɳɳɳ?
Kussaɳt̄ taɳɳ ɳɳɳt̄æ| t̄ɳt̄ɳɳɳn̄ɳɳ
qənkə|ālimp̄āt̄ɳɳ?
Kət̄ qaitqo jaɳk̄ t̄ɳt̄ɳt̄ kəɳɳɳālim-
p̄āt̄ɳɳ? Naccet̄ɳɳt̄ qaim mek̄ā|olimp̄āt̄ɳɳ?

Рисунок 8. Аргиш.

2. Особенности спонтанной речи носителей селькупского языка

1. Наличие смысловых лагун, пропуски слов

В устной непринужденной речи мысль опережает слова: в сознании как будто проигрываются разные варианты возможного использования тех или иных слов для описания следующего события; принятие речевых решений часто происходит при забвении того, о чем рассказчик должен говорить сию минуту. В результате оказывается нарушенным логическое построение текста, из которого выпадают целые фрагменты, возникает смысловая лагуна и нарушается последовательность событий, а слово остается

непроизнесенным. В таких ситуациях рассказчик, заметив сам пробел в описании действия или почувствовав непонимание заинтересованных слушателей, может вернуться вспять и вставить пропущенное, или же игнорировать смысловой пробел, особенно, если видит, что окружающие понимают то, что он хотел сказать.

Текст 2 на селькупском языке выглядит, на первый взгляд, сумбурно: незаконченные фразы, неоднократные повторы; перестановки слов, наблюдаемые в связи с колебаниями рассказчика при построении речи; оговорки, самоисправления и даже пояснения на русском языке, специально сделанные для записывающего. Если первичная запись разговорной речи отражает основные особенности мало «причесанной» публикатором разговорной речи селькупов, то в препарированном виде текст выглядит следующим образом: «Люди в лес с собакой пошли. Лося след увидели. Собака погнала лося. Лось побежал. Потом люди увидели (лося). Собаки гонят. Медведя повалили (т. е. добыли, убили. — *А. К.*). Назад пошли. Всё. А сохатый убежал». В наличии большого количества коротких фраз таится языковая «спрессованность», а нередко и метафоричность. Интересно, что даже в этом коротком тексте в основном сохраняется типичный для селькупского языка порядок слов (SOV), лишь изредка изменяемый под влиянием русского языка. Много лакун и в тексте 1. Особенно затяжное непонимание у слушающего возникает в момент, когда рассказчик говорит о том, что палкой пошевелили (неизвестно, что), что-то было или кто-то давно был (кто — неизвестно), след (чей?) свежий остался... И лишь спустя еще несколько фраз выясняется, что охотники напали на след соболя: *s̄llaka rutył'mōssa* 'соболь выскочил'. В самом начале этого же текста автор хотел сказать что-то про *qaryt* 'утро', но исправился, и сообщил, что был *soma cely* 'хороший день'. (Аналогичные тексты см. в Приложении 1).

2. Паузы в речи и их вербальные и невербальные заменители

Иногда говорящий, испытывая затруднения в планировании и коррекции высказывания, прерывает речь. Пауза (в текстах она отмечена отточием) дает время проконтролировать правильность предыдущего речевого отрезка и подготовиться к произнесению следующей части «брезжащего» в сознании высказывания. Вместо пауз часто появляются *вставные звуковые элементы* — разного рода «эканье», «мычание» (mm) и т. п. звуки; используются также *невербальные средства* — смех, покашливание, что обозначается в скобках, напр.: «Токо (вместо *только* — результат аллегровой речи) *n'i ukug әтур аҗ тәнүмүсар. Вот и... мм... только әпак s'öl'qumyl' әтүса тәнүмүсар. Там деревняп̄н кортыкол епүсам*» (смех). 'Только ни одного слова не знала. Вот и... мм... только своими селькупскими словами умела (разговаривать). Там после деревни всего боялась (смех)'.⁷

Заполнителями пауз являются в основном слова, заимствованные из русского языка, свидетельствуя не только о психологически объяснимом

явлении выигрывания времени для продумывания очередного речевого отрезка, но и о типичном для билингвизма смешении кодов. В этой функции могут выступать *десемантизированные слова* (частицы и даже местоимения) *вот, ну, ну это, так* и другие (текст 1). Заполняя паузу, говорящий тем самым сокращает длительность перерыва в звучании и выигрывает время для продумывания последующего речевого отрезка. У рассказчика текстов 1, 1а излюбленным словом «паразитом» выступают отдельные русские слова и обороты *ёлки зеленые, ну, это, ладно*. Слова-сорняки — явление, сравнимое с эпидемией, заразное; оно надолго «прилипает», привязывается к человеку (подобно знаменитому *Режьте билеты, режьте билеты, режьте осторожней...*). От таких слов трудно избавляться. Не случайно в Фарково один селькуп, без конца вставляющий в свою селькупскую речь в качестве слова-паразита сочетание, заимствованное из русского языка, получил прозвище *Ёлки-палки*, а рассказывающий данный эпизод — *Ёлки зеленые*. Многие из этих слов и их сочетания образуют в тексте эхоические слова (текст 1, 1а).

3. Грамматические сбои и самоисправления

Как правило, и говорящий, и слушающий проявляют равнодушие к нормам грамматики, обычно соблюдаемым автоматически, но иногда говорящий чувствует сам неточность в своей речи. Далее, естественно, приводятся примеры лишь тех ошибок, которые являются таковыми с точки зрения самого говорящего, лично их замечающего. Грамматические сбои в современной спонтанной речи селькупов исключительно часты, как и признания говорящих в том, что они забыли какое-то селькупское слово, не уверены в какой-то грамматической форме и т. д. Дешифровщик текста 1, хорошо знающий родной язык, указывал, напр., что форма *qəssymt* ‘добыли’ относится к действию, производимому двумя человеками, а форма на -*myt* (*qəssymyt* и т. п.) означает действие, совершаемое многими. Однако формы *Du* и *Pl* в его же речи, как и в речи других носителей языка, часто смешивались, что видно и по приведенному отрывку. В этом же тексте глагол *qəttysymyt* тотчас исправляется на *qəssymyt* ‘убили, добыли’. Состояние еще большей неуверенности в знании родного языка, колебания в выборе верного решения видны на примере текста 2, представляющего собой рассказ по двум сходным картинкам, изображающим охоту на лося (см. рис. 5) и на медведя (см. рис. 6).

4. Повторы слов и их сегментов

Непроизвольно срывающееся с языка слово может быть свидетельством желания говорящего выиграть время для продумывания дискурсивной стратегии — как наилучшим способом организовать текст; но это может свидетельствовать и о потере хода мысли, который путем паузирования пытаются восстановить, или о незнании информанта, о чем говорить даль-

ше, и т. д. Эхоические слова в селькупском тексте не менее часты, чем в русском. В текстах **1, 1а, 2** их много как среди селькупских слов, так и среди русских: *kukany, kukany* ‘качается, качается’; *njl'čyk это... njl'čyk это* ‘так это... так это’; *капкан twotässym / twottesyym* ‘капкан поставили поставили’; *это это*. Порою эхолия возникает за счет перевода слова с русского на селькупский: *одного ukuryp qattysymyt* ‘одного одного убили (добыли)’. Нередко в устном дискурсе встречаются не только эхоические слова, но и части недоговоренных слов. В сознании, как уже отмечалось, перебираются различные слова для обозначения действия и объекта, о которых человек собирается говорить. Однако иногда принимаемое решение изменяется, а подготовленная артикуляционная база не успевает измениться, и тогда в речи возникают сегменты слов, как, напр., в следующих случаях:

(1) *čel, čel eisa / soma čel* ‘ден, ден был, хороший день’; *njk* вместо *njl'čyk* ‘такой’;

(1а) *kučče qat... qattysa sllaka / kučče qattysa?* ‘куда дел... делся соболь, куда делся?’

Некоторые усечения (типа *njk* вместо *njl'čyk* ‘такой’) становятся типичными признаками спонтанной речи селькупов: укорачивания слов особенно часты среди союзов и частиц; например, отрицательная частица *ašša* сокращается до *aš*. В усеченном виде она имеет омоним — усилительную частицу *aš*, заимствованную, возможно, из русского языка (*аж*). Отрицательная частица *aš* в сочетании с союзом *tary* образует союз *taraš* (< *tary ašša*) ‘пока не’, а условный союз *qatamol* ‘если’ и сравнительный союз *mitymol* ‘будто’ функционируют также в виде *qata* и *mity*. В свою очередь вторая часть этих слов (*mol*), представляющая собой заимствование из русского языка, может функционировать и самостоятельно.

Автоматические повторы таких слов, как *вот, так, там, это*, весьма часты в селькупской речи, могут быть и дистантными. Они обычно проskalзывают настолько самопроизвольно, бесконтрольно со стороны говорящего, что трудно даже предположить, будто их назначение — выиграть время для продумывания следующего речевого отрезка. Чаше всего именно их принято называть «словами паразитами, сорняками, лишними словами, незначительными частицами, discursive particles» и т. п., независимо от того, как их классифицируют с точки зрения психологической или с точки зрения структурирования дискурса (в лингвистическом понимании термина). Однако повторы слов могут быть еще совершенно другого типа.

5. Структурирующая функция повтора

В отличие от не контролируемых рассказчиком дискурсивных слов (вроде *вот, ну* и т. п.), в селькупских спонтанных текстах встречаются дистантные повторы, основная функция которых состоит в связывании текста. В этом случае в их произнесении меньше автоматизма и они выполняют различные функции организации текста, хотя специального названия не имеют.

Обычным дискурсивным маркером в селькупских текстах служит слово *нуу* ‘потом’, напр.: *Нуу татумна. Нуу тат қум матуһуһа. Нуу нил’эик кэтуу*. ‘Потом залетовали. Потом человек чум поставил. Потом так сказал’. Слово *memeta* и все его фонетические варианты из текстов **1**, **1a** также допустимо трактовать как дискурсивный маркер. Селькупское слово *memeta* (*memäta, mämmätə, mämätä, mämäty, mämmäta*) можно приблизительно перевести как ‘хватит, довольно, ладно, давай же, ну же’. В ненецком языке (большеземельский говор) есть междометие *мэсь һэя* в значении ‘хватит, ладно’. В книге «Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам» Н. М. Терещенко указывает на существование в фольклоре своеобразной словесной формулы, связывающей один эпизод с другими; в западных говорах это — слово *мэнеко* (*мынеко*), которое она переводит как ‘сказ’ [Терещенко 1990, с. 117]. Правда, в отношении селькупского языка вряд ли можно говорить в аналогичном случае о слове *memeta* и его вариантах как об особом приеме, организующем повествование и адекватном в этом смысле слову *нуу* ‘потом’. Скорее здесь речь может идти о повторе, часто используемом рассказчиком в качестве понуждения к действию (в данном конкретном случае сына Юрочки) и именно благодаря этому участвующем в структурировании текста, но не указывающем на последовательность событий. Данный повтор по своему назначению ближе всего к апеллятивной функции языка: он создает дополнительное напряжение у слушателя, ожидающего дальнейшего развития сюжета.

В селькупских сказках, которые в какой-то мере разумно рассматривать как особую форму спонтанной устной речи, поскольку в них часто проявляется творческое начало рассказчика, нередко встречаются диалоги, связанные между собой по принципу эха. Они состоят из двух реплик, принадлежащих разным участникам диалога; высказывания тождественны во всех отношениях, и реплика отвечающего на вопрос представляет собой передразнивание спрашивающего: «(Iča) nıl’ kətyŋyty: “Tap roqqanu l̄m̄pyl laka qajqo sykur̄m̄nny?” Konnāqyn kuty qos qāqyltym̄paty: “Tap roqqanu l̄m̄pyl laka qajqo sykur̄m̄nny?”» ‘(Ича) так сказал: «Этот поплавок моей сети почему запутался?» На берегу кто-то передразнивает: «Этот поплавок моей сети почему запутался?»’ [Очерки 1993, с. 17]. Можно утверждать, что эхолоалия во всех видах своего проявления представляет собой типичную черту селькупского дискурса [Кузнецова 1987, с. 38]. Не менее характерной его чертой служит склонность говорящих регулярно задавать вопросы риторического свойства, желая обратить внимание слушающих на происходящее. Эти вопросы, регулярно задаваемые, напоминают дистантные повторы, но повторы, выполняющие функцию дискурсивного маркера, оживляющие интерес слушателей: *Ira čūrysa, čūrysa, n̄ty qaj metyty? Imamty hōlā qəssa* «Старик плакал, плакал, дальше что сделает? Жену догоня пошел» [Очерки 1993, с. 28]. Ср. в тексте **1a** риторический вопрос: *kuččə qatysa s̄llaka?* ‘Куда делся соболь?’.

Селькупы, хорошо знающие родной язык, однако чувствующие, что не только молодое, но и среднее поколение не всегда понимает их, рассказывая какие-нибудь эпизоды из своей жизни, нередко используют прием эхоталии, давая сразу же перевод селькупского слова, если видят, что слушающий утратил нить рассказа. По таким параллелям «селькупское слово — русское слово» легко уловить смысл всего рассказа, что можно продемонстрировать на следующем примере, не приводя полностью перевода его на русский язык.

Текст 4. Рассказ КЕА (1957 г. р.) о сборе летом ягод с детьми.

Тар таят топур сочимпа. Ме ијатясә маґонту ґонґантум. Котыл' топур паґалтентум. Укол' ґил ме ґоґшим паґалсым ґитто позавчера ходили набили с ведро топур. Іјат паґалґлсґт, таґґалсым ґитто. Ме топурл'а топурл'а! Все ме кытто ґоґшм алакосә тунампонты / тунампоґыт горельнике (тунампу — горельник) конне tantysym забрались. Іјат mennympґт / ґолґисват топур nanner сочимпа, это kotyl' топур. Іјат оме топур амнґт та... ni... nil'ґик томнам: те топур таґґылнл / таґґылмл. Марґу ијат, марґу нәтәт kuiamsә monnot(y) / motґо kotyl'tопуr. А кырл'а кутыкаткин muktyt po sompyl'a po а тәпыт это сперва таґґылсґат / таґґентґт, а потом, когда кушать надоест, suatyrlә sґtyrlә / ґалтыrwґт. Ма тупытыт / тупыткин томнам: те топур таґґылнл. Хоть utysә, хоть ґәнтык. Моґнә тұл'а ґwaj amtyl'? (Наводящий вопрос записывающего: «Что готовите из голубики, черники, из всех ягод?»). Моґнә тұл'а марґу нәтәт nil' томнґт mekke: «үрл' һәј метум». Ма nil' томнам я им говорю «Те menal menal... Mukap korпунл', мешайте, ґәнтык хотите, так и делайте». Ну, они сам... тәпыт ni томнґт метум, метум, сковородку pitalakap karn'a tottysuot поставили үрл' и ni топурл' һәјл'атур ягодные пирожки piroґolapsґт начали жарить pirosґт нажарили марґу tarelkapto. КуВул'а нәтәја ма нәл'әл'am ну, motyrnґт просят и kybl'a іјал'а motyrnґт Vovkatґо ґәrwot зовут. Этот тоже хватает нам ај oganyt и seBla kunty немного погодя mennympam — tarelka тарелка sünґоґыт топурл' һәј совсем ґonak мало essysa. Ма ник томнам: «ґерпента, ґерпента, ґәппыл, ґалтырулу! Хватит, хватит, идите!»

Данный текст служит примером не только и не столько переключения кодов, сколько примером *желания со стороны рассказчика добиться полного понимания его слушателем* (в чем говорящий имеет основания сомневаться). В этом легко убедиться, если вычленив из текста и скомпоновать воедино все русские слова, дублирующие многие селькупские слова:

«позавчера ходили набили с ведро...; все мы... горельнике... забрались (Следующий кусок текста остался без русского комментария со стороны рассказчика: до горельника добирались на лодке, а там собирали ягоды (топур) — кто битком, кто — рукой прямо в рот, особенно младшие дети, кому пять-шесть лет. — А. К); это сперва; а потом, когда кушать надоест... я им говорю: мешайте... хотите, так и делайте. Ну, они сами... сковородку... поставили... и... ягодные пирожки... начали жарить... нажарили... ну... просят... и... Вовкой... зовут. Этот тоже хватает... и... немного погодя... тарелка... совсем... мало... Хватит, хватит, идите!».

В этом рассказе о сборе ягод детьми и приобщении старших девочек к изготовлению пищи, обучении их искусству печь пирожки с ягодами хорошо видны особенности современной селькупской разговорной речи с ее вариативностью, усечениями окончаний у существительных и глаголов. Изредка встречаются и типичные ошибки в русских словах (напр., пропуск предлога в слове, стоящем в предложном падеже: *горельнике* вместо *в горельнике*, *тарелка* + послелог вместо *в тарелке*. Ср. примеры в разделе III.2.1).

Некоторые итоги

Подытоживая комментарии к текстам в данном разделе, можно ответить на поставленные вопросы.

1. Характерной чертой спонтанной речи селькупов (как, впрочем, и носителей русского языка) являются некоторые проявления многочисленных колебаний (хезитации) говорящих — паузы, разного рода повторы, обрывы предложений и слов, грамматические и смысловые эллипсы, реже — самоисправления замеченных ошибок в собственной речи.

2. Специфическими приметам связного текста, полученного в результате анализа спонтанной речи, в селькупском языке можно считать большое количество разнообразных слов-паразитов, произносимых бесконтрольно, по большей части взятых из русского языка, что свидетельствует о смешении кодов, типичном для зон языкового контактирования, и частые случаи плеоназма. Своеобразный прием эхоических повторов в селькупских связных текстах состоит в дублировании не только одного и того же слова на родном языке или на русском, но и на двух языках сразу: за исконным словом следует его русский перевод (соответствие).

3. Среди дискурсивных элементов можно выделить селькупские слова, иногда употребляемые бессознательно и обладающие определенными функциями, такими, как функция побуждения к действию (*memäta* ~ ‘ну же!’) или усиления ослабевающего внимания у слушателя (апеллятивная), проявляющаяся в вопросах типа *ämtyl' qok kuččä qatenta?* ‘Царь куда денется?’ (ответ: «свою дочь послал к Иче»); *Tänty mat qaj kätentak?* ‘Тебе я что скажу?’ (ответ: «Я буду спать»). Такова же функция, указывающая на последовательность речевых отрезков, на завершение конкретного высказывания или на начало нового (*nytu*) и др.

4. Свойственные информантам приметы спонтанной речи (паузы, повторы, обрывы предложений и слов, вставные элементы в речь, эллипсисы) при порождении связных текстов объяснимы причинами *психологического* характера: они позволяют выиграть время для продумывания стратегии дальнейшего высказывания. Расхождения в конкретных способах заполнения пауз, использование эхоических слов, наблюдаемых в районах с билингвизмом, где имеется смешение кодов, получают объяснения с *социолингвистической* точки зрения. В ряде случаев перестановки местами слов в

речевом потоке становятся понятными не только с психологической точки зрения или с позиций социолингвистики, но и с учетом лингвистики. Напр., различие доминирующих основных порядков слов в языке флективном типа русского (SVO) и в языке агглютинативном типа селькупского (SOV) ведет к тому, что, с одной стороны, селькуп-билингв начинает строить фразу по законам русского языка, с другой стороны, спохватившись, исправляет ее, следуя правилам родного синтаксиса.

Инвентарь средств речевых нарушений и учет вариантных форм помогает правильно оценить перспективы эволюции языка в плане влияния социолингвистических факторов на язык (роль возраста говорящих, образовательного ценза, миграции населения и т. п.). Фонетическая и грамматическая вариативность слов создает пограничную, смежную зону центральной и периферийной областей языка. Именно в этой зоне происходят те изменения, которые, проникая в центр и вытесняя из него отдельные элементы в силу тех или иных экстралингвистических причин, постепенно расшатывают языковую систему, приводят к ее изменению: существует тесная взаимосвязь между высокой частотностью и высокой степенью интеграции языковых явлений в систему [Мамудян 1985, с. 156]. Становясь высоко частотными, вновь возникающие варианты ведут к изменению всей системы селькупского языка. О конкретных изменениях в языке туруханских селькупов под влиянием перечисленных причин речь пойдет в следующем разделе.

V. Лингвистический аспект анализа селькупского языка: селькупский язык сегодня

1. Признаки существенных изменений в языке и перспективы его дальнейшей эволюции

Изменение всей системы языка связано с одновременным действием нескольких факторов. Оно зависит, как уже отмечалось,

- 1) от политики государства;
- 2) от социологических факторов (контактное влияние более престижного языка, возраст говорящих, образовательный ценз, миграция населения, место жительства носителей языка и т. п.), теснейшим образом связанных, в свою очередь, с государственной политикой;
- 3) от психологических факторов (уверенности / неуверенности и в силу этого — согласованности / несогласованности носителей языка в употреблении тех или иных звуков, слов, грамматических форм, синтаксических оборотов и т. д., что приводит к общепринятости одних форм и факультативности других, через некоторое время совсем исчезающих из обихода).

В результате действия названных в самом общем виде причин, ведущих к изменению языковой системы, можно фиксировать в селькупском языке стадию языкового сдвига, который «означает, что общность отказалась от использования старого языка и перешла на новый. Этот переход на новый язык обычно (но не всегда) предполагает более или менее длительный период *двуязычия*» [Вахтин, Головкин 2004, с. 111]. Правда, в настоящее время фазу языкового сдвига и его примет можно наблюдать лишь в языке среднего (а порою и старшего) поколений, да и то не во всех селькупских поселках и даже не во всех семьях. Для подавляющего большинства молодых уже наступила следующая фаза, состоящая в сознательном отказе от родного языка, переходе на русский язык, а нередко даже в требовании к старшим прекратить использование селькупского языка, не говорить с детьми по-селькупски. Редчайшие исключения только подтверждают правило. В конце 1940-х гг. Л. А. Варковицкая, работавшая летом 1941 г. в с. Фарково, образно писала: «Селькупский язык весь в движении, изменении, переходах» [Варковицкая 1947, с. 16]. При этом *изменения* грамматических форм, их «колебания, зыбкость» фиксировались ею не только при записях у селькупов, живущих в разных станках, но они отмечались и «при записях у одних и тех же лиц, в одних и тех же текстах» (выделено мною. — А. К.).

Со времени констатации этого факта прошло уже более полувека, а ситуация во многом та же. При работе с одним и тем же информантом по-прежнему обращает на себя внимание множество вариантов той или иной грамматической формы в его речи. В упоминаемой на предыдущей страни-

постоянным, становится переменным, вариативным и высоко частотным. Значительное увеличение в селькупском языке вариантов того или иного явления наблюдается на любом языковом уровне. Появляются дублетные формы (русские и селькупские) в области лексики, фонетики и грамматики, есть случаи гибридного словообразования и т. д.

В качестве примера можно привести вариативность средств выражения глагольных категорий в селькупском языке, колебания в управлении, в построении предложения, в ставшей обычной подмене селькупских числительных русскими и многое другое, о чем пойдет речь в этом разделе.

2. Изменения в грамматике селькупского языка на протяжении XX в.

1. Внутренние и внешние причины изменений

Изменения в области селькупской грамматики, происходящие в результате как внутренних, так и внешних причин, набирают темп в условиях поселковой жизни селькупов в отличие от условий традиционного образа жизни в лесу или тундре, где изменения происходят значительно медленнее и сохранность языка, в конечном счете, лучше. К внутренним причинам языковых изменений, по Андре Мартине [Мартине 1963, с. 532–534], относится принцип экономии в языке, принцип наименьшего усилия, выявляющийся, в частности, в появлении сокращенных вариантов, а к внешним — влияние другого / других языков. Какого типа изменения произошли в последнее время в исследуемом районе в области грамматики, можно показать на нескольких конкретных примерах.

2. Разрушение двойственного числа

В 1940-е гг. (не исключено, что и раньше) заметным стало разрушение категории двойственного числа. Оно проявлялось в грамматической рассогласованности имени и глагола, напр.: Тэрäqu antal̄ᵇqu или antal̄ᵇtyt 'Они-Du заспорили-Du / Pl' (лишь в архаических шаманских текстах имя — обычно с числительным ṣitty — и глагол всегда стоят в Du). Если в именах с числительным ṣitty употребляется форма Du, то в глаголах Du начал исчезать и заменяться Pl. В двойственном числе к концу XX в. процесс рассогласования в плане выражения между существительным и глаголом, начавшийся (как минимум) в первой половине XX в., заменился смысловым согласованием по множественному числу, а при числительном ṣitty 'два' и имя, и глагол чаще стоят в Sg [Кузнецова 2001, с. 219].

Особым случаем употребления в Du существительных со значением живых существ (в основном названий родственников), реже — предметов, сохранившимся вплоть до 1980-х гг., можно считать последовательность нескольких суффиксов, кончающуюся формой Du и до сих пор не получившую однозначной трактовки. Показателю Du может предшествовать «копулятивный суффикс» -qā, как назвал его Г. Н. Прокофьев [Prokofjev

1931, S. 296]. В результате соединения суффикса с показателем *Du* возникает сочетание *-qāqī*. Перед *-qāqī* в свою очередь может стоять частица *mī*, образуя, таким образом, форму *mīqāqī*, прибавляемую к формам адъективной репрезентации существительного, полученной от его второй основы. Позднее Г. Н. Прокофьев интерпретировал частицу *-qā* [qæ], к которой присоединялся суффикс *Du*, образуя сочетание *-qāqī*, как *частицу*, «служащую для указания тесной связи, существующей между двумя лицами (*suffixum copulativum*)». В этой же функции выступает, по наблюдениям Г. Н. Прокофьева, суффикс *-s*, присоединяемый к основе слова. По словам Г. Н. Прокофьева, данный суффикс, «вступающий в сочетание с частицей *qæ*, относится к омертвелым словообразующим суффиксам. Поэтому точное его значение установить трудно. Можно предполагать, что суффикс *-s* использовался в аналогичном значении, что и рассматриваемая частица *qæ*, служащая в современном селькупском языке для указания тесной связи между двумя лицами»: *šitty igaqimosqāq* ‘супруги’ (*šitty* ‘два’, *iga* ‘старик’, *qim* ‘человек’), *šitty timnasqāq* ‘братья’ [Прокофьев 1935, с. 79–80; 1937, с. 118]. В 1940-е гг. у Л. А. Варковицкой и в [Очерки 1980] данный суффикс фиксировался как *-su* при обозначении родственников, образуя цепочку морфем *-suqāqī*. Л. А. Варковицкая предлагала членить рассматриваемую цепочку как *-suqā-qī* (напр., *timna-sqāq* ‘братья’), где первая часть цепочки имеет совместно-собирательное значение [Варковицкая 1947, с. 23]. Более того, автор считает, что показатель *-q* осмыслиется тоже «скорее не как показатель числовой (двойственности), а показатель совместности (совместной деятельности)» [Там же]. В собранных ею в 1941 г. текстах достаточно часто встречаются цепочки обсуждаемых суффиксов, которые выступают в нескольких варьирующихся конструкциях. Напр.: *šitty timna-sqāq* ‘Два брата жили вместе’; *Palna aj šitty timna-sqāq* ‘Пална и два брата жили’ (наличие трех братьев, как отмечает Л. А. Варковицкая, не смущает рассказчика, так как формант *q* выражает не число, а совместность) и т. д. В сказке, записанной от 14-летнего Гани Мантакова, встречаются предложения иного типа: *Ньнь Ісакесікал’ пākь timnasqāq* ‘Потом Ичакечиковы три брата пошли’ (то есть и здесь сам Ичакечика не учитывается). Сказка кончается словами: *Ньнь порқы’ док Ісакесікал’ мьър ылā* ‘Потом в небе находящийся царь Ичу с братьями (так у Варковицкой. — А. К.) вниз убил’. В своих маргиналиях Л. А. Варковицкая пишет по поводу этой фразы: «Интересное множественное число от Ичи (имеется в виду мьър. — А. К.). Получается вроде фамилии» [Варковицкая. Архив. Тетр. 6, с. 62a]. Авторы Очерков [Очерки 1980, с. 168] также пишут, что показатель *Du -qāqī* встречается в сочетании с суффиксом *-su-*, который «передает значение взаимной собирательности в узком кругу слов-терминов родства» [Очерки 1980, с. 339]. Независимо от того, как проводится членение обсуждаемой последовательности морфем,

в текстах конца XX в. цепочка *-syqāqī* встречается обычно в зачинах сказок (и то всего лишь трех) [Очерки 1993, №№ 4, 18, 23]. В двух случаях из трех вместо числительного *šitty* указывается тот или та, с кем совместно живет его / ее родственник: *Ičakučyka imyl'asyqāj ilymmyntōj* 'Ичакычыка со своей бабушкой вместе жили'; *Пумрōqī ira imasyqāqī* 'Жили (Du) старик со своей старухой (Du)'. В тексте сказки № 1 [1993, с. 9] встречаются сочетания слов *Imaqotal' āpnā-syqāqī*, означающее 'Старухина (разг.) невестка вдвоем (подразумевается 'с сыном')', *Tē ija-syī* 'Вы вместе с сыном' и просто *āpnā-syī* 'мать вместе (имеется в виду её сын)'. В 2003 г. в с. Фарково было зафиксировано сочетание *myqāqī* после адъективной формы существительного *эсу* (*эсунул' myqāqī*) что представляет собой конструкцию, подобную приведенной у Л. А. Варковицкой формы совместности *Ičakečikal' mьtьp*, но не в форме Pl, а в форме Du: *эсунул' myqāqī nāl'amtī ontī tōqqyntī omtyltysōtī* 'Родительскую дочку свою позади себя (букв. 'себя позади') посадили'. Примеры приведенных колебаний свидетельствуют, с одной стороны, о нестойкости данной категории совместности в пределах группы наименований родственников, с другой стороны, — о ее живучести (ср. также верхнетазовскую форму *šora-syqāqī* и среднетазовскую *tjmnā-syqāqī* 'два брата') [Очерки 1993, с. 33, 34].

Как видно из приведенных фактов, изменения и колебания в категории числа, особенно сильно затронувшие категорию Du, продолжают в течение уже более 80 лет (Г. Н. Прокофьев работал у северных селькупов в селе Янов Стан директором школы в период 1925–1926 гг.), но говорить об исчезновении этой категории пока преждевременно.

3. Редукция основ и двусложных флексий в именной парадигме

В селькупском языке (как и в ряде других уральских языков) существует двуосновность имени. Этот факт нередко обращает на себя внимание наличием в именах усеченных основ, часто с чередованием в них гласных и согласных, а иногда согласных с нулем (см. [Очерки 1980, с. 162–164; Хелимский 1993, с. 359–360]). Возникают варианты основы, что встречается как у северных, так и у южных селькупов, причем «параллельное существование именных основ в полной и усеченной форме наблюдается не только в разных диалектах, но и в пределах одного диалектного подразделения» [Сатеева 2000, с. 138]. Причиной вариативности именных основ являются обычно ассимилятивные процессы (как прогрессивные, так и регрессивные), о чем писали М. А. Кастрен [Castrén 1854, S. 185–186], Г. Н. и Е. Д. Прокофьевы [Прокофьев 1935, с. 25–26; Прокофьева 1966, с. 398–399] и многие др.

Судя по замечанию Г. Ф. Миллера, «проглатывание» концов слов было присуще разговорной речи селькупов (как, впрочем, и других народов) и в XVIII в. Так, Г. Ф. Миллер отметил, что в слове *Schöselgub* «последние бу-

квы (первой части слова, до *gub = qur* ‘человек’. — *А. К.*) сильно проглатываются и почти не слышны» [Хелимский 2005, с. 32]. Это позволило Е. А. Хелимскому выдвинуть на обсуждение новую этимологию селькупского этнонима как ‘низовской человек’ [Хелимский 2005, с. 43–45].

В говоре туруханских селькупов помимо усечения основ для именной парадигмы характерно усечение и двусложных падежных показателей (подробнее о вариативности флексий см. [Кузнецова 2002, с. 514–515]), которые составляют приблизительно треть всех флексий.). Трансформация окончаний наблюдается в *Dat.* (*-kinj > -kin*), *Abess. / Car.* (*-kōlyk > -kōly > -kōl*), *Transl.*²¹ (*-pōqo > -pōq*), *El.* В последнем из перечисленных падежей (в *El.*) редукция окончания происходит в единичных случаях, поскольку усечение показателя *-qupu* до *-qup* приводит к появлению омоформ *Loc. / El.*; в результате функцию *El.* обычно выполняет послелог *pōnu*, также нередко редуцируемый до *-pōn* (основа послелога, в свободном виде не зафиксированная — *-nō*; ср. *pōtup* — форма *ProI.*). Аналогична ситуация с многозначным послелогом *cōtu / cōt*, с послелогом, имеющим основу *-qanuk / -qan* или с основой *-tōk / -tō* (напр., в *III.*) и некоторыми другими (ср. подобные изменения в послелогах в тазовском диалекте / говоре селькупского языка [Очерки 1980, с. 317–324]). Редукция окончаний слов — характерный признак аллегровой речи любого языка; не исключение в этом отношении и селькупский язык. Иными словами, данный признак не является решающим фактором в изменении языка, хотя в значительной мере способствует расшатыванию языковой системы).

4. Гибридные формы существительных при склонении

Изменения при склонении слов (помимо усечения окончаний), наблюдаемые в повседневной речи представителей среднего и старшего поколения, могут быть и другого рода. В именной парадигме учащаются случаи гибридного образования форм существительных при их склонении. В речи представителей обоих поколений часто используются при склонении русские корни в сочетании с селькупскими окончаниями. Напр.: *Olom čūša*; *лекарсап* (= *lekarsa-p*) *ūtysam*, *olom soma esa* ‘Голова-моя болит; лекарство выпила, голова-моя хорошая стала’; *Ma isam мукап* (= *muka-p*) *nāl’a čōty* ‘Я купила муку для дочери’; *Tar ima ila mōt-qyt kāsyl’ mōta-tu natqylpa краскаса* (= *kraska-sa*) ‘Та женщина жила в доме железная дверь-его покрашена краской’; *Sintal’ rōty mašur tattysuōt школанты* (= *škola-nty*) ‘На следующий год меня привезли в школу’.

Иногда встречаются гибридные образования другого типа: селькупский корень оформляется русской флексией, как во фразе «*кужат-кой*

²¹ Усечения форм *Transl.* чаще всего встречаются в показателях *1Sg*, реже — в окончаниях *2–3 Sg*: *-tōqo / tōq*.

mōssam kotyl' torug», которую информантка тут же перевела, используя слово мужского рода, хотя русская концовка при слове kiĵam была женского рода: 'битком (биток — 'берестяная конусообразная корзина с ручкой для собирания ягод'.— А. К.) била голубику' (mōtqo 'бить' > mōt-sa-m; kotyl' torug ' голубика', букв. 'замшевая ягода').

В результате происходящих в языке изменений даже 60-ти–70-тилетние носители селькупского языка говорят: «У нас стал как будто русский родной язык». Этот факт с грустью признается многими представителями среднего и старшего поколений, которые вместе с тем считают, что «селькупский язык приспособлен к этой местности. Он подходит к листьям, лесу, ко всему», по словам селькупа 1957 г. р. О. А. Казакевич высказала предположение, что появление русской лексики в речи селькупов (как частично адаптированной, так и неадаптированной) зависит от темы. По ее мнению, русские слова «почти полностью отсутствуют при описании жизни в лесу и появляются во множестве, лишь только речь заходит о поселке» [Казакевич 2000, с. 82]. Однако это не единственная причина широкого использования русских слов, их русской огласовки и грамматических форм в речи селькупов, хотя сбрасывать со счетов указанную причину не стоит. Более существенны другие причины, о которых речь шла раньше (см. об этом раздел II.4).

5. Усечения глагольных форм и их вариативность

С самого начала XX в., судя по работам Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых и Л. А. Варковицкой, происходят все усиливающиеся изменения в глагольной системе, проявляющиеся не только в смысловой рассогласованности имени и глагола в Du, но и в появлении усеченных глагольных окончаний. Так, в выборке, взятой из полевых материалов Л. А. Варковицкой, работавшей в селах Нижняя и Верхняя Баиха и Усть-Баиха Туруханского района Красноярского края (по нынешнему административному делению), среди 360 глагольных форм не было ни одного случая редуцированной формы 3Pl (-ōt вместо -ōtyt), в то время как формы 3Sg достаточно часто варьировались (-ty / -t). Между тем в показателях 2Sg императива усечение глагольных форм наблюдалось часто и в субъектном, и в объектном спряжениях: -āšyk > -āš, -āty > -ty /-āt (подробнее см. [Кузнецова 2002, с. 516–519])²². Описанные тенденции 1940-х гг. отражены в таблице 6, где процентное соотношение полных и сокращенных форм дано округленно (в отличие от абсолютных чисел) и равно пропорции ~ 3 : 1.

²² Вариативность форм императива, проявляющуюся в редукции его показателей, можно обнаружить уже в словаре, написанном 100 лет назад, Ф. Г. Мальцовым. См. [Helimski & Kahrs 2001; Хелимский 2002, с. 155–170].

Таблица 6.

Годы	Глагольные окончания		Количество форм	Всего	
	Полн. / кратк.	Показатели		(в числах)	(в %)
1940-е годы	Полные формы	3Pl -5tyt	88	275	75%
		3Sg -ty	160		
		Imperativ 2Sg -äšyk / -äty / -ty	27		
	Усеченные формы	3Pl -5t	0	82	25%
		3Sg -t	76		
		Imperativ 2Sg -äš / -ät	6		
Всего				357	100%

За истекший с 1940-х гг. период в селькупском языке изменилось соотношение в употреблении полных и сокращенных глагольных окончаний. Материалы по вариативности грамматических форм, собранные на грани XX–XXI вв., демонстрируют уже сильное преобладание усеченных форм 2Sg над полными в императиве одного и того же глагола независимо от типа спряжения. Иногда встречаются формы гибридного словообразования, в которых показатель 2Sg императива прибавляется к форме императива русского глагола: quraltäš(yk) uznajty časap әмәнты нәнү ‘пойди узнай время у матери!’ (подробнее см. [Кузнецова 2002b, с. 268–273]). Особенно заметен процесс редукции в формах 2Sg императива и 3Sg / Pl других наклонений, что видно из таблицы 6а [Кузнецова 2002а, с. 518]. Следует также учесть, что формы императива встречаются реже, чем показатели лица / числа разных времен во всех доступных для сравнения материалах по языку северных селькупов.

Таблица 6а.

Годы	Глагольные окончания		Количество форм	Всего	
	Полн. / кратк.	Показатели		(в числах)	(в %)
1990-е годы	Полные формы	3Pl -5tyt	32	92	25%
		3Sg -ty	34		
		Imperativ 2Sg -äšyk / -äty / -ty	26		
	Усеченные формы	3Pl -5t	114	265	75%
		3Sg -t	77		
		Imperativ 2Sg -äš / -ät	74		
Всего				357	100%

6. Смешение типов субъектного и объектного спряжения глаголов

В последнее десятилетие стало заметным смешение субъектного и объектного типов спряжения, как в словах *miŋäš* и *mitty / mittä* 'дай!', *čüty* и *čüäš* 'стреляй!' при отсутствии *ŋ* в интервокальном положении во втором глаголе. Правильно звучат лишь примитивные обороты типа *Дай хлеб, нож Mitty häñ / paŋ!* Да и в тех допускаются ошибки и фонетического, и грамматического характера. Судя по многим примерам, не только определение субъектного и объектного типов спряжения и типов глагольных основ, но и другие глагольные категории представляют собой неодолимую трудность для молодых носителей языка. Предложенную для перевода фразу *Я вышел в дом* селькуп 1970 г. р. перевел как *Mat mōt sersam* (вместо *Mat mōtty šersak*), а *Я вышел из дома* и *Я на улице гулял* перевел (первую) как *Ma roqyt pakta* (видимо, вместо *paktympysak*: *rōqyt* 'на улице', *paktyqo* 'бежать') и (вторую) как *Ma mot roqyt kolimpas* (букв. 'Я / мой дом снаружи / на улице возвратился' с загадочным показателем *-s* на конце, который, возможно, представляет собой усечение от *kol'yu-mru-sa-k*, как и в глаголе *qəpra-s*, данном выше). Предложение *Я стою рядом с домом* трансформировалось в *Ma mōt puŋa* (букв. 'мой дом стоит'). Из приведенных примеров видно, что молодое поколение, разговаривая между собой по-селькупски, конструирует фразу, используя практически одни корни с минимумом грамматических форм, беспощадно путая значения слов и русифицируя произношение. При этом беседа на селькупском ведется либо на показ, чтобы доказать, что говорящие владеют родным языком, либо для того, чтобы скрыть предмет разговора от односельчанина, не знающего селькупского языка. Как объяснял сам информант, важно знать, **о чем** говорят. В случае невозможности донести мысль до слушателя, прибегают к русскому языку.

К сожалению, даже хорошо владеющая селькупским языком его носительница (1940 г. р.) грустно призналась: «мы на окончания не обращаем внимания. То так скажу по-своему, то этак, сама и не знаю. Мы на легких словах разговариваем, к русскому языку перешли».

7. Прекращение воспроизводства ряда глагольных категорий

Помимо приведенных в таблицах **6** и **6а** варьирующихся и редуцированных показателей глаголов имеются и другие признаки безвозвратного изменения языка. К ним относится, напр., утрата некоторых глагольных категорий; среди них прежде всего — наклонение, которое можно назвать эвиденциальным и которое в настоящее время знают единицы носителей языка. Данное наклонение имеет формы на *-muput*, встречающиеся только в 3Sg (реже в 3Pl) и в основном в субъектном спряжении. В [Очерках 1980] эти формы относятся к повествовательному прошедшему времени латентива. В самодийских языках сложное соотношение категорий времени и на-

клонения позволяет говорить о существовании единой категории времени-наклонения, как это предложено для энецкого языка И. П. Сорокиной [Сорокина 1975, 1980] и Аго Кюннапом [Кюннап 2002] и как это не исключено для селькупского языка (см. [Кузнецова 2003, с. 261–262]). Независимо от того, как данная категория может быть интерпретирована, ее форму выражения используют лишь редкие носители старшего поколения. Вместе с тем следует помнить, что обсуждаемые языковые изменения в основном характерны для речи жителей Фарково. В меньшей мере это касается тех селькупов, которые, живя в лесу большую часть времени, лишь эпизодически появляются в селе; и совершенно не известно, каков уровень владения языком у постоянных жителей леса старшего поколения, время от времени посещаемых родственниками.

8. Изменения в глагольном управлении

Большие изменения произошли в системе глагольного управления, что становится очевидным при сравнении материалов, собранных в 1920-е гг. Г. Н. Прокофьевым, со сведениями о языке конца ушедшего тысячелетия, и что может быть продемонстрировано на примере управления глаголов разными семантическими групп. Так, глагол *pełtyqo* ‘помогать’ требовал Асс., означая буквально ‘дополнить, дополовинить’ (ср. *pełäk* ‘половина’): *šip pełDät!* ‘мне (букв. ‘меня’) помоги!’; *Mat mōtygnak pełDyqo mašip* ‘Я прошу помочь ‘мне (букв. ‘меня’)’. В настоящее время такое управление встречается в речи лишь нескольких стариков, остальные используют Dat.-All. (*pełDät mäkkä!* ‘помоги мне!’), свободно варьирующийся с Ill.: *Mōtyrāš porty!* ‘Проси бога’ (букв. ‘богу’) и т. д. Изменилось управление и у глагола *ñtalpyqo* ‘радоваться’: вместо Instr. теперь (видимо, под влиянием русского языка) используется Illativ (*ñtalpyqo näläky / pañonty < ñtalpyqo näläksä / pañysä* ‘радоваться девочке / ножу’ вместо ‘радоваться девочкой / ножом’) [Кузнецова 2000, с. 111–112]. В некоторых случаях вариативность пока недопустима, несмотря на возможное русское влияние. Напр., в группе глаголов движения глагол всегда требует постановки существительного только в Instr.: *antysä / qaqlysä tüsak* ‘челноком / нартой приехал’ (ср. в русском языке: *ехать поездом* и *на поезде*, *нартой* и *на нарте*, *плыть лодкой* и *на лодке*).

9. Разрушение и забвение числительных

Лингвисты-полевики обычно ищут для работы людей, хорошо знающих язык, однако, ставя перед собой цель выяснить, с каких категорий начинается разрушение языка, его забвение, в каком направлении оно идет, необходимо также, как уже отмечалось (см. III.2.3; ср. V.2.10), собирать материалы у селькупов средне и плохо знающих свой язык. Отрицательный результат не менее важен, чем положительный. Именно в речи селькупов,

еще хоть как-то говорящих на своем языке, считающих его родным и объявляющих себя знающими его, можно найти ответ на поставленный вопрос: *с чего начинается разрушение языка, какие изменения в нем необратимы?* Наиболее показательны в этом смысле две части речи — числительные и местоимения, на примере которых отчетливо видна степень забвения языка.

В последние годы в с. Фарково наблюдается массовое разрушение системы селькупских числительных и переход на русские числительные, хотя жители леса прекрасно знают селькупскую систему счета. Поселковым селькупам числительные знакомы только до восьми, да и среди тех твердо известны только названия трех первых чисел. Впрочем, плохо знающие язык, по образно-презрительной оценке жителя, хорошо владеющего селькупским языком, «лепят что ни попадя» и с указанными числительными. Так, селькуп 1970 г. р. уверял, что *p̄q̄uḡ q̄uḡ* — это ‘много мужчин’ (на самом деле *p̄q̄uḡ* ‘три’): *Ma q̄əp̄ra-s p̄q̄uḡ q̄uḡ* ‘я иду к людям, *p̄q̄uḡ q̄uḡ* — много мужчин’. В селькупской школе (см. также результаты опроса учащихся в III.2.2), во 2-м классе школьники твердо знают числительные «1» (*okk̄uḡ* вместо ожидаемого *ukkuḡ*), «5» (*somp̄ȳl̄ä*); проявляют неуверенность, когда их спрашивают, как будет «2» и «4», и регулярно ошибаются, отвечая на вопрос учителя, как будет «3» (*əkkuḡ*, *ukkuḡ*). Последнее связано, видимо, с некоторым сходством в звучании числительного «3» с числительным «1» (*okkuḡ*): «3» — это *p̄q̄uḡ*. Ученики 3-го класса должны знать числительные первого десятка, а в 4 классе дети учат названия десятков, при произнесении которых и у взрослых, и тем более у школьников основа претерпевает весьма сильную редукцию: *šitsar* «20» (вместо *šittysar*), *tətsar* «40» (вместо ожидаемого *təttysar*) и т. п. Практически в быту даже говорящие на родном языке селькупы не используют селькупские наименования чисел, пользуясь исключительно русскими числительными.

10. Изменения в системе местоимений

Не менее уязвимы местоимения, из которых пока твердо помнятся формы личных местоимений в Nom. 1 и 2Sg / Pl. Среди опрошенных молодых селькупов ни один человек, как оказалось, не знает формы личного местоимения 3Sg и часто колеблется в употреблении 2Sg. Не известны молодым и формы склонения местоимений. Обычно 1Sg используется в укороченном варианте: *Ma* вместо **Mat**. Молодые совершенно не знают форм Du и Pl личных местоимений.

Поучительны результаты обработки полевого материала 1998 г., собранные в с. Фарково, с точки зрения знания / незнания местоименных форм представителями средне-старшего и молодого поколения. На 216 случаев употребления местоимений (из них семь — лично-усилительные и 10 — возвратные), зафиксированных в 250 фразах, местоимений в Pl отмечено

менее 20, а из них восемь в Nom. 1Pl, два — 2Pl и пять — 3Pl (təpyt) + в нескольких косвенных падежах 3Pl. Вместо Du в речи мало-мальски владеющих языком используется форма me + sita, sitami, то есть ‘Мы двое’. В Sg встретилось 192 местоимения: в 1Sg — 106, из них 86 — Nom., 20 — в косвенных падежах; во 2Sg — 34 местоимения (18 — Nom., 14 — косвенные падежи) и 52 случая употребления 3Sg исключительно в речи старшего поколения (47 — Nom. и пять — косвенные падежи). Следует также иметь в виду, что при наличии в селькупском языке включенно-личных предложений обилие форм 1 л. в Nom. было спровоцировано предлагаемыми фразами на русском языке. В подборе некоторых косвенных падежей для личных местоимений затруднялись даже представители старшего поколения. Не вызывало сомнения только употребление Acc., D.-All., Instr. С помощью послелогов n̄n(y), c̄t̄(y) передавались El., Gen. соответственно. Подобно тому, как оказываются невостребованными в настоящее время селькупские числительные, забываются и местоимения. Падежные формы местоимений подвергаются сильной редукции, как и формы падежных окончаний существительных, и одновременно забываются совсем или сильно искажаются.

11. Изменения в синтаксисе

В заключение следует указать на заметные изменения в области селькупского синтаксиса, также испытавшего на себе влияние русского языка. Впрочем, иногда бывает трудно сказать, происходят те или изменения в силу внутренних причин или под влиянием другого языка. Прежде всего, в глаза бросается частая замена порядка слов, типичного для селькупского (SOV), на порядок слов, характерный (как обычно считается) для русского языка (SVO), что видно и во многих приводимых в настоящей книге примерах. Порядок SOV обычно коррелирует с порядками GenNom&AdjN (подробнее см. [Кузнецова 1999]), который тоже нарушается, особенно в речи среднего поколения, еще говорящего на родном языке. Это обстоятельство связано с двумя моментами. В лингвистике первоначально порядки слов, о которых до сих пор шла речь, устанавливались, исходя из формально грамматических критериев, а именно — из того, каков порядок членов предложения в речи (причем традиционно вместо «предиката» использовался и продолжает использоваться слово «глагол»). Однако во второй половине XX века лингвисты начали активно заниматься классификацией предложений с иных позиций — коммуникативных, вводя в оборот коммуникативные категории²³. Речь стала вестись о том, что именно выносится в предложении вперед: тема сообщения (топик) или формальный его член — подлежащее. Такой подход к классификации предложений позволил выделить четыре

²³ История коммуникативного членения речи имеет более чем столетнюю предысторию, в том числе и в отношении русского языка, описание которой выходит за рамки настоящей работы.

типа языков в зависимости от вынесения вперед топика или подлежащего. Порядок SVO в русском языке характерен, прежде всего, для литературного языка; в разговорном языке более типичным является иной порядок, что объясняется, в свою очередь, столь же типичным вынесением вперед топика. Поскольку именно разговорный русский язык, отличающийся от письменного литературного языка порядком слов, прежде всего оказал влияние на селькупский, становится понятным разноречие и в родной речи селькупов.

В частности, для селькупского языка характерно, как и для разговорного русского, вынесение вперед топика. Это особенно часто наблюдается в фольклоре, где для зачина многих сказок характерно монотонное перечисление их персонажей, изредка дополняемое указанием на место будущего действия или на объект, вокруг которого действие будет развиваться, при отсутствии сообщения о самом действии. Примеров такого рода достаточно много в записях Л. А. Варковицкой 1941 г., напр.: Тэтуру ај оккуг тiмiнiату 'Шаман и один брат-его'. Içakeçikat n̄q̄ȳg t̄im̄īās̄ȳt 'Ичакечика-его три брата-вместе (с ним)' (собирательность передается здесь с помощью суффикса -су-, о котором речь шла уже в разделе V.2.2. Переводы здесь и далее даны буквальные. — А. К.). Šitty t̄im̄īās̄ȳq̄ǣq̄ȳ 'Два брата вместе' и т. п. На 27 просмотренных текстов приходится пять сказок именно с такими зачинами, в то время как в записях 1970-х гг. на 28 сказок нет ни одного зачина в виде подобных назывных предложений. Среди тех же текстов Л. А. Варковицкой одна бытовая история начинается с глагола, приводя читающего в недоумение (возможно, такое начало было спровоцировано вопросом исследовательницы). Лишь после третьей фразы картина проясняется (появляется топик), и становится понятно, о чем будет речь, несмотря на грамматические неточности и повторы слов в рассказе, что типично для устной речи: T̄īŋ̄a. Q̄aql̄ȳ ǣt̄ǣs̄ǣ t̄īŋ̄a. Am̄ȳrn̄ȭt̄ȳt̄ ap̄s̄ȳm̄ am̄n̄ȭt̄ȳt̄. Nā im̄an̄ȭt̄ȳt̄. 'Пришел. Сани (с) оленями пришли (букв. 3Sg). Поели еду съели. Это сватаются (женятся)'. Далее следует рассказ о неудачном сватовстве.

В начале двусоставных предложений в текстах, записанных в 1970-е гг., более чем вдвое преобладают фразы со структурой SV по сравнению с порядком VS [Очерки 1993]. Помимо колебания в выборе порядков слов обращает на себя внимание трудность различения в селькупском языке простых двусоставных предложений и бессоюзных сложных при наличии монотонной соединительной интонации, понижении ее к концу предложения и при отсутствии пауз. Пунктуация целиком — на совести и опыте лингвиста, как, напр., в следующем отрывке из сказки о судьбе дочери и злой падчерицы старика: Iga q̄anna. Q̄anna. Iga t̄īŋ̄a. N̄äl̄ǟm̄tȳ los am̄mēim̄pa. Mōq̄n̄ä q̄anna. Iga ç̄iḡyl̄ä q̄anna. 'Старик пошел. Пошел. Старик пришел. Дочь её чорт съел. Домой пошел. Старик плача идет' [Варковицкая 1947, с. 223].

Однако простым (как односоставным, так и двусоставным) предложениям свойственна не только спокойная однообразная манера произнесения.

При перечислении в сказках многих событий, отделяемых рассказчиком друг от друга только паузами, возникает впечатление отрывистости, резкости; сказочник как будто рубит фразы, создавая «рубленный текст», примеры которого можно найти и в материалах Л. А. Варковицкой 1941 г. [Варковицкая. Архив], и в текстах, собранных в 1960–1970 г. [Очерки 1993]. Пунктуация для подобных текстов не разработана; лингвисты, записывающие их, далеко не всегда и часто неадекватно в полевых условиях отмечают паузы и спад или подъем интонации, ориентируясь в основном на пунктуационные правила русского языка, как в следующих примерах: П'џа, рэгqор tam ėnta. Огqыль, пæqыль, нъqыль'еть! 'Дедушка, живот-мой вот есть. Схвати, потяни, разорви!' (интересно, что во время полевой работы после каждого глагола в записи ставятся восклицательные знаки. — А. К.) [Варковицкая 1947, с. 63]; Olymty šitty qĕnyty, tū čattyty — las! — aj tō čattyty — las! 'Голову-свою в разные стороны швыряет: сюда бросил — раз! — туда бросил — раз!' [Очерки 1993, с. 9].

Свойственное селькупскому языку бессоюзие и значительное количество назывных (номинативных) предложений (причем сплошь и рядом четко различающая границы предложений интонация отсутствует) затрудняет проведение границ не только между простыми и бессоюзными сложносочиненными предложениями, но и между последними и бессоюзными сложноподчиненными. Примером может служить одна и та же примета, записанная от разных информантов в двух вариантах (с союзом и без него): (Qata) čičik-ĭja mōt-ty mǝš-ĕnta — qōtyra-rōqy '(Если) птенчик в дом влетит — к беде' (букв. 'бедово'), то есть 'быть беде, будет беда'. Пауза, отмеченная здесь как тире мною, появлялась в обоих вариантах у того и другого информанта. Никаких специальных правил пунктуации для письменного варианта селькупского языка не существует [Кузнецова 2006].

В селькупском языке 1940-х гг. в исследуемом ареале простые предложения преобладали над полипредикативными; судя по косвенным данным, аналогичная картина была и в других районах проживания северных селькупов. В 1960–1970-е гг. (по сравнению с 1940-ми гг.) заметно увеличивается среди сложных предложений союзная связь, причем союзные предложения (как сочинительные, так и подчинительные) составляют 46% от всех сложных предложений, по подсчетам Е. В. Грушкиной [Грушкина 2000, с. 172]. К рубежу тысячелетий их процент явно возрос, по сравнению с данными Л. А. Варковицкой и подсчетами Е. В. Грушкиной, работавшей с материалами селькупов Красноселькупского района. Увеличилось и количество союзов. Это произошло за счет заимствований из русского языка (jesli, čto / što, i, n'i ... n'i) и калек с них (типа kuttar mity 'как будто'). В результате все усиливающейся смены кодов в речи еще говорящих на родном языке селькупов сплошь и рядом можно услышать союзы *потому, когда, тогда, пока, чтобы* и др., что легко увидеть и в приводимых в данном исследовании текстах.

Некоторые итоги

Инвентарь речевых нарушений и учет вариантных форм, выполняющих в селькупском языке функцию механизма постепенного расшатывания языковой системы, помогают правильно оценить перспективы эволюции языка и приводят к его изменению, подготавливая переход носителей языка на другой язык.

Переход к русскому языку, особенно заметный на уровне лексики, где наиболее отчетливо видно смешение кодов, тесно связан с забвением грамматики родного языка и все увеличивающейся рассогласованностью носителей языка в правилах произношения и употребления тех или иных грамматических форм. В результате растет вариативность грамматических форм, грозящая (или обещающая?) привести отдельные формы имени и глагола к появлению новых окончаний в языке. В частности, усеченный вариант глаголов в 3PI превращается фактически в неписаную норму (см. [Кузнецова 2002a]).

Если молодое поколение, как видно из приведенных примеров, не может конструировать даже самые простые фразы, то хорошо знающие свой язык представители старшего поколения испытывают затруднения при переводе на селькупский предложений, в которых должна быть использована эвиденциальная семантика (иными словами, почти исчез аудитив). Точно так же полузабыты формы кондиционалиса и дебитива. (См. подробнее [Кузнецова 2003]). Забвение этих категорий началось достаточно давно, судя по описанию их Г. Н. Прокофьевым [Прокофьев 1935], и объяснимо не только внутриязыковыми процессами. Нельзя исключить и влияния русского языка, в котором на формальном (парадигматическом) уровне категория аудитива отсутствует, а условное и сослагательное наклонения выражаются аналитически. Точно так же приходится учитывать психо- и социолингвистические факторы, о которых шла речь на протяжении всей главы. Разрушение формальной и смысловой сторон грамматических форм селькупского языка идет параллельными путями.

Заключение

Многое из того, о чем говорилось в данной книге и касалось социолингвистической характеристики села Фарково, представляет собой быстро устаревающие в наши дни сведения, стремительно меняющиеся с каждым годом. Как писал в 2004 г. итальянский журналист Карло Бонини в своей документальной прозе «Гуантанамо. Путешествие в тюрьму для террористов», «сведения — всем известно — вещь скоропортящаяся. Они быстро теряют актуальность, потому что у новостей короткая жизнь» [Иностранная литература. 2006. № 12. С. 223]. Однако любые сведения, в том числе утратившие актуальность, сохраняют свою информационную ценность.

Разумеется, новость новости рознь, но как только новое становится привычным и общеупотребительным, ему опять что-то приходит на смену, создавая тем самым континуум социальных и языковых явлений и процессов. Разница во владении языком людей близких по возрасту друг к другу не так бросается в глаза, как различие в речи представителей далеких друг от друга поколений (в основном имеются в виду жители поселка. См. раздел III.1). Вместе с тем, если старшее поколение отмечает даже незначительное ухудшение владения языком у среднего поколения, которое, в свою очередь, осуждает знание языка следующего за ним средне-молодого поколения (37–25 лет), то для молодого поколения различия в языке среднего и старшего поколений реально не ощутимы. Сравнение по владению языком молодого и старшего поколений демонстрирует колоссальный разрыв в уровне владения языком его носителей в области и грамматики, и лексики, и фонетики; это позволяет старшему поколению (как уже отмечалось) говорить о молодых: «Лепят, что не попадя». Самое младшее поколение уже полностью отказалось от родного языка, перешло на русский. Исключения в пределах любого поколения только подтверждают правило.

Предпринятое мною описание изменений, происходивших в языке туруханских селькупов в течение длительного времени и постепенно приведших к теперешнему его состоянию (к языку последнего десятилетия ушедшего века и начала первого десятилетия века наступившего), было продиктовано желанием сохранить для будущих исследователей сведения о конкретном историческом срезе селькупского языка. Несмотря на многочисленные факты, свидетельствующие о падении уровня владения языком и о добровольном отказе молодых пользоваться им, селькупский язык живет. Определенная жизнестойкость языка подтверждается сравнением лексики и грамматики современного языка северных селькупов с материалами порою более чем столетней давности. Материалы М. А. Кастрена, Ф. Г. Мальцева, Г. Н. и Е. Д. Прокофьевых и др. по северным селькупам, К. Доннера, У. Т. Сирелиуса, Н. П. Григоровского и др. по южным при сравнении их со

сведениями, собранными на грани второго и третьего тысячелетий, свидетельствуют о достаточно высоком проценте сохранности языка. Жизнестойкость языка поддерживается наличием локальной гибридной субкультуры (лесной и тундровой в отличие от поселковой), способной продлить жизнь селькупского языка.

Вместе с тем, лингвистам, пытающимся прогнозировать будущее селькупского языка, но еще верящим в продолжение его жизни (по крайней мере, его северных диалектов), необходимо учитывать следующие моменты. Это прежде всего неблагоприятная социолингвистическая обстановка в районе проживания селькупов с. Фарково, отношение к языку со стороны официальных властей разного уровня и позиция молодых носителей языка, добровольно отказывающихся от него. Всё это может ускорить исчезновение языка.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения содержат образцы текстов, собранных мною в селе Фарково во время трех экспедиций в 1998, 1999 и 2003 гг. Аналогичные тексты или отрывки из них были проанализированы с разных точек зрения в III–IV разделах книги о селькупках. Материал для данных приложений подбирался, исходя из разных принципов, напр., с точки зрения наличия / отсутствия в нем примеров на переключение кодов. Впрочем, значительных по объему текстов, которые были бы совершенно лишены примет языкового сдвига, в современном селькупском языке найти почти невозможно, по крайней мере, в условиях села. Точно так же трудно найти тексты, в которых отсутствовали бы многочисленные фонетические варианты произнесения слов и одних и тех же грамматических форм даже у одного информанта. По приводимым рассказам, сказкам, приметам, народным рецептам хорошо видно, какие грамматические категории и формы в настоящее время преобладают в повседневной речи носителей языка в с. Фарково, а какие выходят из употребления. Уровень владения языком разных информантов особенно четко виден при сравнении рассказов по одной и той же картинке, а также при восстановлении селькупского текста по его русскому переводу. Тексты дают представление и о синтаксисе современного селькупского языка в его северном диалекте, в частности, обращает на себя внимание широкое использование в идиолекте селькупов, плохо владеющих родным языком, чистых корней слов или производных слов в Nom. (что нередко совпадает по форме с Acc.) вместо какого-то определенного падежа. Отдельные случаи изменения в управлении происходят под влиянием русского языка. Одновременно в русскоязычных вставках, которых бывает очень много в селькупских текстах, можно обнаружить следы влияния селькупского языка на русский; таковы, напр., ошибки в роде, пропуски предлогов (они восстанавливаются в скобках) и другие отклонения от норм русского языка. Отсутствие знаков препинания в селькупском тексте и в русских переводах свидетельствует о специфичном произнесении предложений селькупками с понижением интонации к концу речи. Многочисленные отточия и обрывки начатых, но не законченных слов указывают на колебания рассказчика в подборе слов (как селькупских, так и русских) при построении предложения.

Приложение 1.

Рассказы по картинкам

1. **Рассказ КВП (1946 г. р.): «Охота на белку».** Расшифровка КМГ. См. Рис. 7, с. 69.

Под рисунком — вопросы: «Где такая охота бывает — в лесу ли, в тундре ли? Когда такая охота бывает — летом ли, осенью ли, зимой ли? Летом такая охота почему не бывает?» Ни один информант не читал, что написано под картинками латиницей и даже не интересовался, о чем там говорится.

1. Ukyr qur qənpa sötty kana... sitä kanaksä... kət minyrqo. 2. **Вот** kanat qalqos qol'tisuat. 3. Qumylaka tüsa tətčat / tytyrčak... 4. Mennympaty täpäk uómta kanak mutuat, ərqolsyту **ружье, ружье или бердана, как они называются, rušalaka в общем, rušša** [внуку: Костя, тише, не греми, не греми!], rušša uorqylsyту, **в белку täpär čartyqo хочет, хочет.** 5. Täpätү čartätү(ty) kanat mútuát. 6. Täbälaka omta... **лиственница как сказать? Счас... опять думать надо, как лиственница называется.** 7. Tytyqyt, ой, tümoqyt, tümoqyt, tümy, tümy, tümoqyt täpäk omta. **Всё.**

Буквальный перевод рассказа информантом и комментарии лингвиста. 1. Один человек пошел в лес собака (с) двумя собаками... зимой охотиться (обычно глагол minyrqo означает 'охотиться на крупных зверей'. — А. К.). 2. Вот собака что-то (вместо qalqos должно быть qaj qos. — А. К.) увидела ('увидеть' qol'čyqo). 3. Человек подошел близко tətčat (усеченная форма от təttyčakty / tətčakty / tətčaqyn), tytyrčak... (Возможно, информант собирался сказать *на кедре*. — А. К.) 4. Увидел белка сидит собака лает, схватил (начальный гласный глагола oqylyqo 'схватить' звучит то как **э**, то как **ю**. — А. К.) ружье, ружье или бердана (*берданка* — название военного ружья образца 1870 г. по имени его изобретателя американца Бердана — А. К.), как они называются, ружье в общем, ружье, ружье схватил, в белку белку выстрелить (должно быть čattyqo. — А. К.) хочет, хочет. 5. (в) Белку стреляет собака лает. 6. Белка сидит... лиственница как сказать? Сейчас... опять думать надо, как лиственница называется. 7. На кедре, ой, на лиственнице, на лиственнице, лиственница, лиственница, на лиственнице белка сидит. **Всё.** (Эхоический повтор слова то по-русски, то по-селькупски особенно типичен для информантов, испытывающих неуверенность в своих знаниях родного языка. — А. К.)

Рассказ на русском языке. Один человек пришел пойти на охоту с двумя собаками. Взял с собой ружье, и вдруг собаки облаивают кого-то. Он подошел ближе, смотрит — белка сидит... на лиственнице. Ну, начал стрелять.

В отличие от рассказа на родном языке информант не испытывает колебаний при выборе слов на русском языке; лишь в первой фразе сочетание «пришел пойти» (допустимым было бы «пришел, чтобы пойти»). — А. К.)

наводит на мысль о возможном влиянии родного языка, где конструкция с супином строится без союза и что было бы правильно для русского языка при глаголах движения в конструкции типа *пришел / пошел охотиться, рыбачить*, но не с двумя глаголами движения. Повествование на русском языке коротко и ясно, никаких затруднений у рассказчика нет.

2. **Рассказ БАЕ (1936 г. р.): «Охота на белку».** Расшифровка КВП. См. Рис. 7, с. 69.

Рассказчик, не читая наводящих вопросов, описывает то, что видит на картинке, упоминает разные детали, не предусмотренные вопросами: заметил белку на нижней правой ветке второго дерева с левой стороны рисунка; упомянул собак, лающих на нее; попытался определить, что за дерево, на котором сидит белка; отметил, что оно сухое и высказал предположение, что охота происходит весной (по всей видимости, ранней). Даже домыслил русский рюкзак у охотника за спиной. Получился следующий текст.

1. Qumy!ʹ... qup sötty tolʹdžisä qəšša, **рюкзакты** imBat **с собой** i kanatysä. 2. Täbät qompoát. 3. Innä muta qaj ponty innä muta. 4. Qup tulä **рюкзакты**sä ruššaəntysä täbäk čatty... čatty... qəttyt(y). 5. Тутун / tytykija **маленький кедр**. 6. Тəqu!ʹ рб **весной**. 7. Тəqu!ʹ čəŋa!ʹ. **Вот**. 8. Sö!qur sitä kanakty. **Правда. Ну, вот**.

Буквальный перевод. 1. Человеческий... человек в лес на лыжах (букв.: лыжами. — *А. К.*) пошел, рюкзак свой взял с собой и собакой (вместо *собаку* или *с собакой*. — *А. К.*). 2. Белку увидели (собаки. — *А. К.*). 3. Вверх лает что ли на дерево вверх лает. 4. Человек, идя со своим рюкзаком русским, белку застре... застре... убил (добыл). 5. Кедр... кедрик маленький кедр. 6. Сухое дерево весной. 7. Сухое только. Вот. 8. Селькуп две собаки его. Правда, ну, вот.

Рассказ на русском языке. А это лес, горелый лес. Вот мужик пошел на сох... на охоту («это где собаки лают» — пояснение информанта, по какой именно из двух картинок ведется рассказ: рис. 7. — *А. К.*). Пошел эдак. Увидел белка сидит, он целится. В эту белку. Собаки лают его эту белку (произошло выпадение предлога: «на эту белку». — *А. К.*). Это лес, не, горелый лес. Вот эту белку счас (= сейчас) добудет, опять дальше пойдет, где опять найдет белку, белки (вместо «белок». — *А. К.*) собаки его (подразумевается «найдут». — *А. К.*). Вот. И усё (= всё).

3. **Рассказ БАЕ (1936 г. р.): «Аргиш».** См. Рис. 8, с. 69.

Наводящие вопросы под рисунком аналогичны вопросам к рис. 7, но касаются перегона оленей на зимние пастбища. И снова информант проявляет инициативу при описании картинки, кое что домысливая от себя (напр., указывает место действия), объясняет то, что, по его мнению, может не знать записывающий (для оленей ищется место, где им легче добывать корм).

1. A tymdy / a mes... minyrла mestanty. 2. **Тогда** qəntuat. 3. Ätäimty mes qwəntuát năčči. 4. Paikat qanty mərqy nărónty karrä pañčəntuot. 5. Ätätyt, **вишь**, kočči ɛŋa. 6. Mərqy syryl' pot mačəqyt ätä kut kytyt syryqyltōtyt? 7. Ätänty tōqympat nărónty! peļăkty, kut syrynty qăp te ɛŋa / qăp tı ɛŋa. 8. Kut syryty năčče karrä tōqympat. 9. **А тут** kəryty. 10. Qəryntysă qənta nēnnă. 11. Ätäp **когда**, qərup nōļa qənentuoat na šarapómynty karrä... **елки** ([jówki])-палки... nărónty karrä ätāt sarpy.

Буквальный перевод. 1. А здесь, а мес... охотничьи места. 2. Тогда отправляются. 3. Оленей своих (на рис. 8 с левой стороны. — А. К.) уводят туда. 4. Возле Баихи в большую тундру вниз спустят(ся). 5. Оленей (в тексте Асс. Pl), вишь, много есть (букв. 'многочисленные'). 6. В сильно (букв. 'большой') снежный год в лесу олень где мох выкопают? 7. Оленей (в тексте GenPx2Sg) гонят на тундровую половину, где снега немного есть, мало сейчас есть. 8. Где снег тот, туда вниз гонят. 9. А тут (справа. — А. К.) аргыш их. 10. Со своим аргышем идут вперед. 11. Оленья когда аргыш гоня отправят по этой тропе вниз... елки-зеленые... в тундре вниз оленья тропа.

Рассказ на русском языке и комментарий к нему. Здесь этот олень перепо... этот... аргыш не... первый идет, дорогу этот проделывает. А wəttynkí(n) (по дороге. — А. К.), а за аргышем пойдут олени свободно вот эти. К стойбищу, где следующий (sic!) годы тундры будут они сидеть. А один / одним человек сзади подкрадется, гонит их. И усё.

Рассказчик хорошо владеет родным языком (хотя в последнее время забывает его, так как дети говорить на селькупском языке не хотят и требуют от родителей, чтобы те говорили с ними только по-русски), и тема рассказа ему близка и хорошо знакома. По-русски ему было уже скучно рассказывать, но он прибавил одну деталь (см. рис. 8, с. 69), на которую, видимо, вначале не обратил внимания (упоминание о человеке, погоняющем оленей). В последнем предложении слово sarpy / сарпы 'тропа' приводится в СРДС с пометой *тур.*, то есть как туруханское слово (у южных селькупов встречаются в разных диалектах сарыпа, сарб, сарбэ, сарэп и др. [СРДС 2005, с. 208]).

4. Рассказ КВИ (1962 г.р.) по картинке 4а.

Составление рассказа по картинке, как уже отмечалось на с. 46, не всегда бывает связано со степенью владения языком; нередко качество текста зависит и от способности человека к сочинительству, от его наблюдательности и воображения. Примером рассказа такого типа может служить следующий мини текст:

Ijat amyrqo amyrqo ɔmtysōt. Əsyty qusqoj ijatytkın tomnyt qaj tōta. Utytyl' nil'čik miempat qaj qos mempat qojsă ijat tunkurnət tunyrympōt. **А чё еще?** Qoj **ишно** kətyqo? Aš tenyram.

Буквальный перевод. Дети питаться питаться сели. Отец их что-то детям говорит или ругается. Рукой (букв. 'ручной') так делает почему-то делает... чем-то дети провинились провинились... А чё еще? Что еще говорить? Не знаю.

Комментарий к тексту. Информант не заметил, что на столе стоит сковорода с едой (на ней находятся грибы, четко опознаваемые в книге для чтения, откуда взят рисунок [Жулев 1934, с. 15]), что один из мальчиков тоже что-то говорит Элтакай-старика, протягивая ему ложку, видимо, предлагая попробовать грибы. В подписи под рисунком (рассказчик не смог прочитать ее) сказано, что дети хотят есть грибы, а старик уверяет, что в старину их не ели, поэтому делать этого не надо; в ответ «пионер Мика, рассмеявшись, сказал: “Ты нехорошо говоришь! Грибы — хорошая еда. Вчера мы ходили собирать грибы. Я знаю, какие грибы съедобные, какие грибы плохие бывают”». Попробовавший грибы старик попросил и на следующий день дать ему грибов.

Приложение 2.

Рассказы о жизни

1. **Рассказ КГВ (1956 г. р.): «Qəlyt læ sol'qyt»** (Рыбы кость в горле).
Расшифровка автора.

1. Ukkyr pōryty **тётя** tētjāpōn **Евдокия Павловна** **эта** kətälqyt **говори-**
ла **когда-то** **это** **было**. 2. Kušat kos na ippalä **больницатqyt** ippympra /
ippylpa nätäk, nittel' ima. 3. Kətälqyt tatysöt nittel' ima **эта** tatypōtyt. 4. Tatysöt
ima **эта** tatypōtyt **больница** tol'a (= tölö) tol' pelät pinpōt **ну и доктор** äl'pä
qənpa. 5. Qa pit tatymrōt, kušat qoš na tatymyntōt. 6. Na ima **эта** nittel' ima
tatymrōt. 7. Mompa nār qəl amByl' qoltyt, nēr qəl amnōt. 8. nār qylə aBylä **эта**
nymty læ töqqəmōtpa. 9. Kottarna kotarna. 10. Na læt qərsənei na kuryty kuryty
nil'čik eņa, amqo nil'čik, mərqu læ qaj kyByla læ toqqymotpa. 11. Sol', sol'qyt
patpa tymty patpa ippympra na ima ippympra oryšpa, kollä utysä utysä munysä
naššak kotpat kollä kollä utysä munysä. 12. Kəm ponä s'ösyqyt. 13. Kutynčika
na oryšimpa, ökkyty læp ponä titympat ökkyty putynty nitasyt. 14. Na ləllakap
titympat. 15. Naššak oryšpa oryšpa, öktysa, sol'ty nōn apsol'ty nōn apsol'ty nōn.
16. Nyny innä na titymyntyt naššak orylä. 17. Kəm tanpa tampa ponä s'üisqyt
kəm tanpa, ponä s'üisqyt. 18. Kollä kollä utsä, munysä kollä kollä aj **это** kəm
ponä s'üisyt. 19. Nil'čik innä na læ imytyt qa sity læ ippa **что ли то** qotta ol'čilä
na imaqota ol'čil'ä. 20. Na ima na ima qumpa. 21. Mompa ijaty eppōt nēttil' ima.
22. Qotta ol'čisa qousa.

Буквальный перевод. 1. Однажды тетя от тети Евдокия Павловна эта
рассказывала говорила когда-то это было. 2. Когда-то эта лежа в этой боль-
нице лежала / лежала девочка, молодая женщина. 3. Привезли среднего
возраста женщину эту привезли. 4. Привезли женщину эту привезли (в)
больница поодаль на ту половину принесли ну и доктор прочь ушел. 5. То
ли ночью привезли, когда-то привезли. 6. Эта женщина эта молодую жен-
щину принесли. 7. Говорят, хрящ рыбы съеденной нашла, хрящ рыбы съе-
ла. 8. Хрящ рыбы кусая эта там кость застряла. 9. Кашляет кашляет. 10. Этой
кости шершавые эти края ее есть, съесть так большая кость или маленькая
кость застряла. 11. Горло, в горле попала здесь попала лежала эта женщина
лежала трудилась, крутя рукой рукой пальцем пальцем потом ковыряла
крутя-крутя рукой пальцем. 12. Кровь наружу выплевывает. 13. Долговато
это трудилась (старалась), из своего рта кость наружу вытаскивала, изо рта
своего изнутри вырвала. 14. Этот кусок кости вытащила. 15. Долго вози-
лась-возилась со своим ртом, из горла из пищевода (вытаскивала. — А. К.).
16. Потом наверх это вытащила долго силясь. 17. Кровь вышла вышла на-
ружу выплюнула кровь вышла, наружу сплюнула. 18. Крутя-крутя рукой,

пальцем крутя-крутя опять этэ кровь наружу выплюнула. 19. Так наверх эту кость вынула или две кости легла что ли то на спину упала эта женщина упала. 20. Эта женщина эта женщина умерла. 21. Говорят ребенок у нее был, молодая женщина. 22. На спину упала умерла.

Литературный пересказ («приглаженный» перевод). Однажды тетя Евдокия Павловна рассказывала; говорила, когда-то это было. Когда-то лежала она в больнице, лежала там девочка, молодая женщина. Привезли молодую женщину, в больнице поодаль на ту половину принесли, и доктор прочь ушел. То ли ночью привезли, когда-то привезли. Эту женщину принесли; говорят, хрящ съеденной рыбы нашла, хрящ рыбы съела. Когда кусала рыбный хрящ, кость там застряла. Кашляет, кашляет. У этой кости края ее шершавые, ...большая кость или маленькая кость застряла. В горло попала. Эта женщина лежала, трудилась, крутя рукой, пальцем, потом ковыряла, крутя рукой, пальцем. Кровь наружу выплевывает. Долго трудилась, из своего рта кость наружу вытаскивала, изнутри изо рта своего вырвала. Этот кусок кости вытащила. Долго возилась, возилась со своим ртом, из горла, из пищевода (sic! — А. К.) потом наверх вытащила, силась. Кровь вышла наружу, сплюнула. Крутя рукой, пальцем крутя, опять эту кровь выплюнула. Так наверх эту кость вынула или две кости, легла на спину, упала. Эта женщина умерла. Говорят, ребенок у нее был. Молодая женщина. На спину упала, умерла.

Комментарий к тексту. Среди информантов, знавших эту историю, были разногласия относительно возраста женщины, проглотившей рыбью кость. Рассказчик называл ее *nätäk* и *nittel' / ñettil' ima*. Учитывая, что *nätäk* у северных селькупов (в частности, в Красноселькупе) означает и 'девочка', и 'девушка', вполне допустимо с позиции немолодой Евдокии Павловны называть больную девушкой и молодой женщиной. Однако, по версии другого информанта, есть принципиальные различия в названиях лиц женского пола разных возрастов: 'девочка' (что применимо только к маленькой) — *netie*; 'девочка постарше = девушка' — *nätäk*; 'молодая женщина' — *nittel' / ñettil' ima*, а 'пожилая (пожившая) женщина' — *ilympyl' ima*. Судя по «Селькупско-русскому диалектному словарю» [СРДС 2005], в туруханском говоре *нэтэнга* означает 'девушка' (ср. в елогуйском говоре *нетян*), *нэля* — 'девочка' и 'дочь', а *нэля* — только 'дочь'. Разброс в значениях и несколько вариантов произношения одного и того же слова (даже независимо от качества записи текстов разными лингвистами) характерны в настоящее время для носителей селькупского языка во всех диалектах и их говорах, образующих континуум.

В приведенном рассказе обращает на себя внимание наличие в нем множества эхоических повторов как отдельных слов (напоминающих парные слова) или частей слов, так и целых оборотов, что типично для сказок.

Наряду с многочисленными повторами типа эха в рассказе появляются сбои в формах слов и в построении предложений, поскольку автор, сопереживая происшедшее, торопится поскорее передать страшную историю, волнуется, подбирая слова, то и дело повторяя их. Колебания в выборе слов ведут к паузам (здесь не отмеченным), самоисправлениям замеченных в собственной речи ошибок, смысловым и грамматическим эллипсам. Часто встречающееся слово *это* (*эта, эта*) обычно является словом-паразитом, выполняющим функцию вербального заменителя и одновременно свидетельствующим о смешении кодов в данной зоне контактирования русского и селькупского языков. В отдельных идиолектах встречаются слова в форме южно-селькупских диалектов.

2. **Рассказ КГВ (1956 г. р.): «Kütäptäm tam L'üdap»** (Мой сон этот про Люду).

1. Как будто таңыт таңыт мат коннә қәйлырам қәйлырам / нiл'чык има қәйлыра
 2. Аннушка имақта қәйлырам / коннәны қәллә. 3. šittel' mōtty ty қәйлыра.
 4. šittel' mōt это как будто Людка илыса, здесь илыса. 5. Aj sity һеһһақты.
 6. Ленал'а тōнна и Шурочка, нōқыр һеһһатыт-һеттетыт нымты илысōт. 7. Аннушка бабаня нiл' томныт Людка қој коš қај іқо қај мотыр'ла қәпра. 8. Mat qontyrnam na imatyr нiл'чык soma тōктолтымпōт. 9. Mat qontyrnam na imatyr қај mōtty s'irsōt (= šērsōt), qoty mōtty sirsōt. 10. Mat innä sittel'a sittel'a čel tenyrnam, нiл'чык tenyrnam: tenykytyl' күтәптәмпам. 11. čaptän кәтты illä meisōt кәттäl' кәттäl' кәт čelyty миšōт. 12. Sittal' po таңыт таңыт Людка illä qusa. 13. Всё.

Буквальный перевод. 1. Как будто лето лето я вверх иду, иду, так женщина шла. 2. Аннушка старуха (она умерла зимой. — А. К.) шла, снизу идя. 3. Во второй дом сюда зашла. 4. Второй дом это как будто это Людка жила, здесь жила. 5. И еще две сестры. 6. Леночка напротив и Шурочка, три сестры-девушки здесь жили (Шурочка умерла 5 лет назад. — А. К.). 7. Аннушка бабаня так говорила Людка чтобы что-то взять прося пошла. 8. Я увидела женщин так хорошо одеты. 9. Я увидела женщин, которые в дом зашли, наверно, в дом зашли. 10. Я проснувшись на следующий день подумала так подумала: безумный сон приснился. 11. Давно (умерших женщин. — А. К.) зимой похоронили в зимний зимний день зимы похоронили. 12. На следующий год летом летом Людка умерла. 13. Всё.

Комментарий к тексту. По селькупским поверьям, сохранившимся до настоящего времени, помимо простых существуют провидческие (вещие) сны. Так, общение во сне покойника с молодым живым человеком, которому умерший что-то дает или у которого что-то берет, является предсказанием смерти для данного человека, как видно это и в приведенном рассказе (см. также [Мифология селькупов. Томск, 2004. С. 180–181]).

3. Советы, как лечиться, и рецепты

Рецепт избавления от зубной боли, данный КМЕ (1940 г. р.) и БАЕ (1936 г. р.).

Mē myqyt ničyl' üryt eņa qantyk qaşyryqo, qatyryltyqo čüsytyl' tımyr.

1. MaramčanƷat konty taqqylqo и təqyryqo nōtna. 2. Qonty pintōt(yt) kotyl'anty. 3. Nyny kussat tımon čüsa, matentam kyByka konDy nōny и pinDam tımōqyn.

Перевод. У нас такие правила есть, как остановить, успокоить больной (букв. 'испытывающий боль') зуб.

1. Марамчанки корень собрать и высушить надо. 2. Корень кладут в мешочек. 3. Потом, когда зуб заболит, отрежу немного ('маленько') от корня и положу на зуб.

Комментарий. Лечебные свойства данного растения (местное название марамчанка, марумчат') широко известны жителям с. Фарково. Напр., из него делают настой от глистов. Из ядовитых корешков марамчанки, имеющих форму зубчиков, изготавливают мазь, которой растирают спину.

Происхождение данного названия неясно. В Этимологическом словаре русских диалектов Сибири высказано предположение о происхождении слова *марамчанка* из русской формы типа **воробчанка* [Аникин 1997, с. 393 = 2000, с. 377]. Русскоязычные жители Фарково называют это растение порусски *муромчанка* и *марин / марьин корень*, причем одни связывают название с луговой травой (мурава), другие — с городом Муромом, и все подчеркивают, что селькупы зовут растение *марамчанка*.

4. Рецепт изготовления настоя из коры осины, данный КМЕ (1940) и КЕА (1957).

1. Pit qosy suoma savot eņa tımyt čōt. 2. Pit qosyp nōtna musyryqo или musyryl' üssa qamtyqo pit qosyp. 3. Ūt kyByka sāqylōq esynija. 4. Tımyt čōt musyltympl' üt totta. 5. Nyny kuššat tımyl'my tomy čüsəntōtyt, ōmmy musyltentam pit qosal üssa.

Перевод. 1. Осины кора хороша (букв. 'хорошая есть') еще для зубов. 2. Осины кору надо вскипятить или кипяченой водой залить осины кору. 3. Вода немного темноватой станет. 4. Для зубов вскипяченная вода стоит. 5. Потом, когда зубы там заболят, рот-свой я буду полоскать водой из коры осины.

Комментарий к рецептам. В рецептах, что видно и по приведенным примерам, встречаются лишь единичные вкрапления русских слов (обычно союзов, частиц); советы даются без запинок в отличие от описания каких-либо жизненных историй.

Приложение 3.

Самозапись текстов (материалы 1999 и 2003 г. г.)

Селькупский язык является языком письменным, но его нельзя считать языком литературным. У селькупов в отличие, напр., от ненецкого, хантыйского и некоторых других уральских малочисленных этносов, уже давно выработавших собственных писателей и поэтов, последних пока почти нет. На селькупском языке можно найти только замечательные фольклорные произведения и песни, а том числе и авторские (изданы, напр., тексты и мелодии тазовских песенников, записанные на нотный стан: см. [Юнкеров 1999]). В учебных пособиях и книгах для чтения встречаются немногочисленные переводы на селькупский язык стихотворений и прозаических произведений и единичные авторские сочинения. Не мудрено, что не отработаны по-настоящему и правила правописания, в чем легко убедиться, посмотрев отдельные слова и небольшие тексты, написанные носителями селькупского языка, учившимися (да и то лишь в начальной школе) по учебникам с то и дело меняющимися правилами орфографии.

1. Слова, записанные КГП (1949 г. р.).

После каждого слова, предложенного информанту и написанного им, дана транскрипция слова; это было возможно сделать благодаря тому, что носитель языка одновременно с записыванием слова произносил его. Транскрипция позволяет судить о значительной вариативности не только в области фонетики, но и в грамматике. Обращает на себя внимание массовое употребление усеченных форм глаголов, в настоящее время становящееся негласной языковой нормой. Последний процесс был зафиксирован уже в начале XX в. Ф. Г. Мальцовым (преимущественно на примере императива) [Helimski & Kahrs; Кузнецова 2002, 268–273], через 50 лет Л. А. Варковицкой [1947]; продолжается он и в начале XXI в. в том же районе расселения северных селькупов.

‘Испугались’ — ныркымассат [nyrkymᄋssuᄋt], ‘побежали’ — куралсат [kuralsᄋt], но ‘побежали они двое’ — куралсатыт, ‘обрадовались’ — оанталтысат [ᄋntaltyswat], или оанталисат [ᄋntalisᄋt], ‘кричали’ — ланкышат [laŋgyiᄋwat], ‘выскочили’ — поння пактысат [ponᄋ paktswᄋt], ‘прищурился’ — саипт нырылтымпат [sajypty nyryltympat(y)] (букв. ‘глаза сузил’), ‘остались’ — кхалысат [ᄋᄋalyswat], ‘промелькнули’ — мялыкмасат [mᄋl’kymᄋswat], ‘стемнело’ — рянкымасса [rᄋmkymᄋssa], ‘добыли’ кхессат [ᄋᄋeswat], ‘увидели’ кхольчисат [ᄋᄋol’cisᄋt], ‘думали’ — тярпысат [terpysoat], ‘сделали’ — месат [mesuat], ‘бросили’ — то чаттысат [tᄋ ᄋattysuat], ‘гоняли’ — нёрсат [ᄋorsat].

Написание следующих слов не сопровождалось их произнесением: ‘сварили’ — муширысат (от *muşyruqo*), ‘сделали’ — месат (от *mēqo*), ‘надел’ — мунилмата (от *muñylmōtqo*), ‘цапнула (о собаке)’ — ангылалтыс (от *āngyylaltyqo*). Ср. также примеры, записанные другими носителями селькупского языка: ‘умер’ — кумба (*qumra* от *quqo*), ‘умер недавно’ — юрымба (*ūrumra* от *ūruqo*).

2. Текст сказки о хорошей и плохой матери, написанный ЕВБ (1969 г. р.).

В отличие от предыдущей записи слов текст сказки не озвучивался и не был переведен самим пишущим. Этот информант на 20 лет моложе селькупа, давшего перевод 15 глаголов. Сравнение записей информантов разных возрастов позволяет обнаружить изменения, происшедшие в языке за истекшие 20 лет (ср. также другие тексты представителей 1940-х и 1960-х гг. р.). За 20 лет поменялись не только правила правописания, но и уменьшилось количество часов, отводимых на изучение родного языка. В целом преподавание родного языка идет на русском языке (обучение на родном языке велось только в 1920-е гг. Прокофьевыми, хотя в некоторых школах, напр., Красноселькупского р-на, оно осуществляется и сейчас в первом классе отдельными энтузиастами-преподавателями). Результаты не замедлили сказаться: далеко не все слова могут быть однозначно поняты в полученном от информанта 1969 г. р. тексте. К тому же сам текст написан сбивчиво, с частыми повторами и грамматическими ошибками, многие слова не опознаваемы вообще (в таких случаях в скобках ставятся вопросительные знаки). При переводе на русский язык знаки препинания ставятся только там, где они встречаются у информанта, но неправильные формы существительных в предложении на русском языке по возможности исправляются. Следует добавить, что хотя устная речь информанта значительно лучше ее письменного варианта, тем не менее, она не сопоставима с речью информанта 1949 г. р., хорошо владеющего родным языком.

1. Илыса ситят имат укур има амата. (‘Жили две женщины одна женщина мама’). 2. Укур сомаль има. (‘Одна хорошая женщина’). 3. Хумыт ират пок сагарху андыса хэсот. (‘Мужчины мужья их сеть ставить лодкой ушли’). 4. Амата ияса сондырна. (‘Мать та? с ребенком играет’). 5. Укур сомаль има ияльсамы ?хэса. (‘Одна хорошая женщина со своим ребенком ушла’). 6. Илыса сомаль мот? има ират и кэбля ияля. (‘Жила в хорошем доме жена муж ее и маленький сынок’). 7. Нама мот илыса амата? иратыса ногыр ият. (‘В этом доме жила мать с мужем трое с сыном?’). 8. Ныны ират ситя покэ сагарху андыса хэсот. (‘Потом мужья двое сети ставить лодкой ушли’). 9. Сомаль има ияляп питы курыпат чура // Сомаль има кыбля ияля **положила в люльку качает** чура. (‘Хорошая женщина сынка в люльку положила качает плачет’. Видимо, ребенок плачет. — А. К.). 10. Пит хотя

хеса / амата ияса сондырна. ('Ночь хотя пришла, мама та с ребенком играет'). 11. Сомаль има тонмыт аматкин ыгы лангырняш, ыгы сондыряш. Лозира тюнда. ('Хорошая женщина говорит матери не кричи, не играй. Черт-старик придет'). 12. Холямпот. Лозира тюса. ('Увидели. Черт-старик пришел'). 13. Сомаль моты аша лагырыт. ('Хороший дома не играет'). 14. Меш амат мот таялбытат ият иля амбат. ('Всё матери дом разрушил ребенка ее взяв съел'). 15. Сомат ама андыса иялят курымбат ираткин хэса. ('Хорошая мама лодкой сына своего положила к мужу отправилась'). 16. Томныт лозира тюса амат мот. ('Говорит черт-старик пришел (в) матери дом'). 17. Таялдыпат ият иля апсыт. ('Разрушил [дом. — А. К.] ребенка взяв съел'). 18. Сомаль има ираткин томныт. ('Хорошая жена мужу говорит'). 19. Иратса хэсот. ('С мужем пошли'). 20. Аматаль ират хэса лозираткин мот. ('Матери той муж ее пошел к черту-старика в дом'). 21. Тат мот иля таялдыпат и ият меш апсыт. ('Ты дом взяв разрушил и ребенка всё съел'). 22. Имат аш ата чэлы **хотя** хэся. ('Женщина не показывается день хотя прошел'. По-русски добавлено: **ночь настало** — sic! А. К.). 23. Укур има сомаль има ай укур ират покэ. ('Одна женщина хорошая женщина и один муж ее на улице'). 24. Челы **хотя** ныны ситя ират пок сагархэсот. ('День хотя потом два мужа сеть поставили'). 25. Эсет ият. ('Отец тот ребенка того'). 26. Илыса **и** ситят имат ият сондырнот. ('Жила и вдвоем женщина и сынок ее играют'). 27. Ныны сондыряш. ('Потом играй'). 28. Мот иля таяндыпат ират тюса лозираткин иля лозирап илля кэтпат. ('Дом взяв разрушил старик-муж пришел к черту-старика взяв черта-старика (вниз) убил').

Комментарий к тексту. Помимо сказанного в краткой преамбуле к данному экспериментальному тексту можно еще раз подчеркнуть, что речь не идет о литературном языке. Приведенный рассказ представляет собой хорошо известную сказку, которую автор текста (не сказочник!) записал не по канонам фольклора, как это делают сказочники, а так, как он говорит в повседневной жизни. Автор допускает многочисленные ошибки в грамматических формах слов, значительное варьирование одного и того же окончания, что характерно для аллегривой устной речи и особенно часто проявляется в постоянном усечении окончаний глаголов 3PI (*хэсот, холямпот*) и существительных в Dat.-All. Sg (*лозираткин, ираткин* и др.). Запись текста отражает также частое озвончение согласных, что типично для устной речи: *ыгы* вместо *ыкы* (отрицание 'не'), *андыса* вместо *антысă* ('лодкой-долбленкой'), *сондырна* вместо *сонтырна* ('играет') и т. п. В отличие от информанта 1949 г. р. автор текста вместо [q], обозначаемого первым информантом как **кх**, использует иную запись — **х** (см. примеры выше. Ср. также примечания 14, с. 53 и 15, с. 54). Типичны метатезы в пределах одного слова: так, *таяндыпат* иногда пишется как *таянбытат* (происходит озвончение **п** и **т** и перестановка их местами). Не удержался автор и от использования русских слов вместо слов родного языка, хотя признаков язы-

кового сдвига в тексте минимальное количество (они выделены полужирным шрифтом).

Время от времени у пишущего встречаются слова, зафиксированные в [СРДС 2005] с пометой 'тур.' (то есть записанное в туруханском районе, где в с. Фарково работали в 1970-е годы Л. А. Алиткина, В. В. Быконя, Л. В. Морева, в 1973 и 1975 гг. [Каталог... 1998, т. 48, с. 163; т. 52, с. 164–165], а также А. И. Кузьмина (1977), по ее личному сообщению). Многие слова с пометой «тур.» имеются также и в южно-селькупских говорах, напр., в елогуйском, обских и некоторых др., в тымском и кетском диалектах; несколько раз употреблен инфинитив, кончающийся на -ху вместо ожидаемого [-qо] (для южных селькупов типично -гу). Все это наводит на мысль о существовании диалектного континуума в селькупском языке, о чем уже неоднократно писалось самоедологами. Впрочем, можно высказать и иное предположение: не исключено переселение носителя южного диалекта селькупского языка в Туруханский район.

Библиография

- Алпатов В. М. О будущем языков народов Севера // Лингвистический беспредел. Сборник к 70-летию А. И. Кузнецовой. М., 2002. С. 194–201.
- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири (Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков). Новосибирск, 1997. 773 с.; 2-е изд. 2000. 788 с.
- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М., 2000.
- Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1973.
- Боякина О. И., Ириков С. И., Хозова А. А. Кэнтъя (Зоренька). Книга для дополнительного чтения в 1–2 классах селькупских школ. Л., 1989. 160 с.
- Варковицкая Л. А. Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). М., 1947 (диссертация).
- Варковицкая Л. А. Архив. 1941 г. Тетради 1–11.
- Вахтин Н. Б. К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере (предварительные результаты исследования) // ВЯ. 1992. № 4.
- Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001. 339 с.
- Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. Учебное пособие. СПб., 2004. 336 с.
- Гармаш Н. Г. Влияние хезитации на организацию устного детского дискурса. М., 1999.
- Гос. Архив — Туруханский районный Гос. Архив: Ф. 1. — Туруханский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет. Оп. 1. Д. 266, 761.
- Грушкина Е. В. Использование союзов в самодийских языках (на материале селькупского и энецкого языков) // Сложное предложение. Традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Материалы научной конференции. Вып. 1. М., 2000. С. 171–174.
- Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Диалог 2000. Т. I. Протвино, 2000. С. 67–71.
- Жулев П. Н. Книга для чтения. Часть первая. Л., 1934. 76 с.
- Жунтова Н. М. Методическое пособие по биологии с использованием фольклора и этнографии коренных народов Западной Сибири. Мегион, 1996, 136 с.
- Ильина Л. А. Язык традиционного фольклора в новом поколении учебников: архаичный тип селькупских полипредикативных предложений // Создание нового поколения учебников для высших учебных заведений по языкам коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. С. 46–57.
- Казакевич О. А. Автобиографический рассказ как жанр селькупского фольклора // XXII Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. III. Томск, 2000. С. 81–89.

- Казакевич О. А. Язык верхнетолькинских селькупов: современное состояние и перспективы сохранения // Самодийцы. Тобольск; Омск, 2001. С. 270–273.
- Казакевич О. А. К вопросу о диалектном континууме селькупского языка: Говор Пуровской Тольки // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. М., 2002. С. 171–178.
- Казакевич О. А., Кузнецова А. И. Языковая ситуация у самодийских народов // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992. С. 92–101.
- Каталог... — Каталог полевых записей языков народов Сибири (фонды Лаборатории языков народов Севера Томского государственного педагогического университета). Томск, 1998. 190 с.
- Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома /А. А. Бурькин, А. Х. Гирфанова, А. Ю. Кастров, Ю. И. Марченко, Н. Д. Светозаров, В. П. Шифф. СПб., 2005, 132 с.
- Концепция... — Концепция модели этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера РФ. М., 2001. 72 с.
- Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Поговорим по-хантыйски. Новосибирск, 2004, 282 с.
- Кузнецова А. И. Количественная оценка билингвизма в Коми АССР и зависимость ее от социальных факторов // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973. С. 134–144.
- Кузнецова А. И. Речевые акты в сказках тазовских селькупов // Строй самодийских и енисейских языков. Томск, 1987. С. 31–39.
- Кузнецова А. И. Создание и становление письменности как социолингвистическая проблема (на материале миноритарных языков уральской языковой семьи) // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М., 1997. С. 44–63.
- Кузнецова А. И. Селькупский язык с точки зрения типологии порядка слов // Типология и теория языка. От описания к объяснению. М., 1999. С. 88–98.
- Кузнецова А. И. Изменения в глагольном управлении в селькупском языке: спустя 65 лет после работы Г. Н. Прокофьева у туруханских селькупов на протяжении XX века // XXII Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. III. Томск, 2000. С. 107–113.
- Кузнецова А. И. (а). Сходства и различия в спонтанной речи монолингвов и билингвов: факторы, влияющие на построение связного текста в устной речи (на примере типологически разных языков — русского и селькупского) // Труды Международного семинара Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Аксаково, 2001. С. 132–140.

- Кузнецова А. И. (b). Эволюция категории двойственного числа в баишенском говоре туруханских селькупов // Самодийцы. Тобольск; Томск, 2001. С. 217–220.
- Кузнецова А. И. (a). Вариативность средств выражения грамматических категорий в селькупском языке как свидетельство изменения языковой системы // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М., 2002. С. 512–522.
- Кузнецова А. И. (b). Признаки нестабильности категории императива в языке северных селькупов на протяжении XX века // XXIII Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. I. Томск, 2002. С. 268–273.
- Кузнецова А. И. Неочевидность как шкала переходности: время или наклонение? // *Ünnepi kötet Honti László tiszteletére*. Budapest, 2003. S. 259–267.
- Кузнецова А. И. (a) Взгляд лингвиста на проблему реконструкции традиционного сознания у самодийских и обско-угорских народов // Традиционное сознание сквозь времена: универсалии, динамика, рефлексия. Томск, 2004. С. 47–59.
- Кузнецова А. И. (b) Что, кому, зачем и как преподавать? (вопросы, связанные с преподаванием уральских языков в высших учебных заведениях) // Создание нового поколения учебников для высших учебных заведений по языкам коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. С. 58–70.
- Кузнецова А. И. Что сказал бы Шварц о пунктуации в селькупском языке? // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа. М., 2006. С. 273–282.
- Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Грушкина Е. В., Хелимский Е. А. Селькупский язык: Учебное пособие для педагогических колледжей и высших учебных заведений. СПб., 2002, 395 с.
- Кузнецова А. И. Хелимский Е. А. Селькупские материалы в рукописном наследии Л. А. Варковицкой // СФУ. Т. XXV. Таллинн, 1989. С. 51–53.
- Кюннап Аго. Симпозиум, посвященный проблемам эвиденциальности // *Linguistica Uralica*. 2002. № 2. С. 154–155.
- Лённрот Э.: Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма. Петрозаводск, 1955.
- Лярская Е. В. Культурная ассимиляция или два варианта культуры? (на примере ненцев Ямала) // Антропология, фольклористика, лингвистика. Сб. статей. СПб., 2001. С. 36–55.
- Мамудян М. Лингвистика. М., 1985, 200 с.
- Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 345–565.
- «Маяк Севера» (газета). Туруханск, 2003, №3.
- Миронова Н. И. Нейтрализация несимметричности межличностных отношений коммуникантов в ходе речевого акта (методические рекомендации)

- ции по проведению экспериментов, объектом которых является спонтанная речь) // Речь: Теоретические и прикладные аспекты. Вып. 1 / Под ред. Л. В. Златоустовой. М., 1999. С. 341–357.
- Мифология селькупов // Энциклопедия уральских мифологий. Т. IV. Томск, 2004.
- Мягков И. М. Заметки об искусстве туземных племен Сибири // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 77–83.
- Очерки — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980. 412 с.; Кузнецова А. И., Казакевич, О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Т. 2. М., 1993. 198 с.
- Очерки — Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 3. М., 2002. 220 с.
- Попова М. И., Момде В. С., Ершова Л. А. Учебно-методический комплект «Уроки предков» для школ Таймырского автономного округа. СПб., 2002.
- Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1. Селькупская грамматика. Л., 1935. 136 с.
- Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л., 1937. С. 91–124.
- Прокофьева Е. Д. Селькупский язык // Языки народов СССР. Т. 3. М., 1966. С. 396–415.
- Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // СМАЭ. Т. XX. Л., 1961. С. 54–74.
- Протасова Е. Ю. Материалы по исследованию билингвизма. Предварительная публикация. М., 1999.
- Протасова Е. Ю. Феннороссы: жизнь и употребление языка. СПб., 2004.
- ПЯМ — Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 2. М., 2003.
- Русаков А. Ю. Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе). Диссертация в виде научного доклада на соискание степени доктора филологических наук. СПб., 2004, 105 с.
- Сатеева Э. В. Многовариантность основы имени существительного в селькупском языке // XXII Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. III. Томск, 2000. С. 138–143.
- Сий Энико. Термины родства и свойства в удмуртском языке. Budapest, 1998. 216 с.
- «Слово народов Севера» (ежемесячное приложение к газете «Маяк Севера»). Туруханск. 2002. №4; 2003. № 3, № 6.

- Сорокина И. П. Морфология глагола энецкого языка. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1975. 20 с.
- Сорокина И. П. Энецкий перфект // СФУ. Т. XVI. Таллинн, 1980. С. 212–215.
- Сподина В. И. Методическое пособие по этнографии коренных народов Западной Сибири (ханты). Мегион, 1995, 176 с.
- СРДС — Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь / Под ред. В. В. Быконя. Томск, 2005. 348 с.
- Терещенко Н. М. Самодийские языки. Введение // Языки народов СССР. Т. 3. М., 1966. С. 363–375.
- Терещенко Н. М. Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Л., 1990.
- Хелимский Е. А. Селькупский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993. С. 356–379.
- Хелимский Е. А. Словарь Ф. Г. Мальцева (1903) и особенности языка енисейских селькупов // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. М., 2002. С. 155–170.
- Хелимский Е. А. Этнонимия сибирских и уральских народов в рукописном наследии Второй Камчатской экспедиции // Г. Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола X FU Congress). Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien. Band 3. Hamburg 2005. S. 19–40.
- Хелимский Е. А. Schöselgub у Г. Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г. Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола X FU Congress). Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien. Band 3. Hamburg 2005. S. 41–46.
- Шейнфельд М. Б., Быконя Г. Ф., Дроздов Н. И. История Красноярского края. Учебное пособие для 7 и 8 классов. Красноярск, 1981. 144 с.
- Шкловский В. Б. Нико Пиросманишвили // Шкловский В. Б. Свет в лесу. Тифлис, 1934: Закрис. 31 с.
- Юнкеров — Старинные и современные селькупские песни / Составитель и музыкальный редактор Ю. П. Юнкеров // Сборник песен народов Севера. Вып. 3. Салехард, 1999. 64 с.
- Castrén M. A. Grammatik der samojedischen Sprachen. St.-Petersburg, 1854.
- Helinski Eugene. Factors of Russianization in Siberia and linguo-ecological strategies // Northern Minorities Languages. Problems of Survival. Osaka, 1997. P. 77–91.
- Helinski E., Kahrs U. Nordselkupisches Wörterbuch von F. G. Mal'cev (1903). Hamburg, 2001. 165 p.
- Janhunen Juha. Ethnic dearth and survival in the Soviet North // JSFOu, 83, Helsinki, 1991. P. 111–121.
- Krauss Michael. The indigenous languages of the North: a report on their present state // Northern Minorities Languages. Problems of Survival. Osaka, 1997. P. 1–34.

- Künnap Ago. On the linguistic death and survival of some minor Uralic peoples in North Russia and Siberia // *Minor Uralic languages: structure and development*. Tartu, 1994. P. 73–82.
- Prokofjew G. N. Materialien zur Erforschung der Ostjak-Samojedischen Sprache. Die Tasovsche Mundart // *Ungarische Jahrbücher*. Bd. 11, Hft. 1. S. 91–98; Hft. 2. S. 293–297; Hft. 3. S. 440–452.
- Salminen Tapani. Ecology and Ethnic Survival among the Nenets // *Northern Minorities Languages. Problems of Survival*. Osaka, 1997. P. 93–107.
- Savolainen Hanneleena. Ethnology. Museums and folk culture: views to the work of ethnologists in museums // *Néprajz és nyelvtudomány*. XXXIX. Szeged, 1998. S. 73–83.
- Shoji Hiroshi. Language policies and national consciousness among the Northern Minorities // *Northern Minorities Languages. Problems of Survival*. Osaka, 1997. P. 55–75.

Сокращения

- СФУ — Советское финно-угроведение.
JSFOu — Journal de la Société Finno-ougrienne (Helsinki).

**Словарь
специфических самодийских и русских диалектных слов**

Аргиш — олений обоз, вереница легковых и грузовых нарт, запряженных оленями.

Аргишить — перекочевывать с места на место, перегоняя оленей, перевозя чум, нарты, имущество.

Биток — приспособление для сбора ягод (берестяная конусообразная корзина с ручкой).

Ветка (челн, челнок) — одновесельная лодка (берестяная или долбленая).

Горельник — выжженный лес.

Лабаз — устройство для хранения припасов, разного скарба.

Лозы — сверхъестественное существо, злой дух, черт.

Момчик — рыба елец.

Нюк — верхняя зимняя покрышка чума мехом наружу.

Парка — зимняя меховая одежда из оленьих шкур.

Сохатый — лось.

Станок — пристанище для ночлега в лесу или тундре.

Туес (туесок) — берестяная котомка с крышкой (носится обычно на спине как рюкзак).

Научное издание

Ариадна Ивановна Кузнецова

**Селькупы Туруханского района Красноярского края
на рубеже II и III тысячелетий
(социолингвистическая ситуация и языковые изменения)**

Оригинал-макет:

Л. М. Захаров